

13.5
ЖИ

Ленин 3

ЖИЗНЬ
ЛЕНИНА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

*Избранные
страницы
Прозы
и поэзии*

ТОМ 10

Б И Б Л И О Т Е К А Ш К О Л Ь Н И К А

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ
СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ 10

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНИКА
«ЖИЗНЬ ЛЕНИНА»

С. В. Михалков
(председатель)

Б. А. Дехтерев, Н. В. Свиридов

Оформление
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Рисунки
И. П. НЕЗНАЙКИНА

ВЕЧНАЯ ГЛУБИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассказы известного советского писателя, лауреата Государственной премии СССР, Героя Социалистического Труда С. В. Сартакова «Дело всегда отзовется», «Первая встреча», «Жаркий летний день», «Пять писем одного дня» и «Вечерний чай» посвящены Владимиру Ильичу Ленину. По существу, многое в творчестве этого крупного художника связано с ленинской темой. Вспомним его блистательный многоплановый роман «Хребты Саянские», повествующий о зарождении и становлении революционного движения в России, о первых шагах марксистско-ленинской рабочей большевистской партии. И роман «А ты гори, звезда» — о короткой, но яркой жизни соратника Ильича И. Ф. Дубровинского. Да и роман «Философский камень», рисующий послеоктябрьскую жизнь, не что иное, как произведение о торжестве ленинских идей строительства социализма. В этих книгах писателя дана широкая картина революционной отечественной истории ленинского преобразования нашей страны,

возмужания нового человека — борца, строителя, созидателя. Эти романы Сергея Сартакова, естественно, встали в ряд с произведениями А. Толстого, Дм. Фурманова, Конст. Федина, Н. Погодина, Вс. Вишневского, Вс. Иванова, М. Шагинян, Н. Островского, А. Фадеева, М. Шолохова, В. Катаева, Эм. Казакевича, А. Кононова, М. Прилежаевой, Э. Воскресенской, В. Канивца, А. Коптелева и многих других мастеров слова.

Ленинские рассказы С. Сартакова — явление своеобразное и в чем-то неповторимое. Эти пять небольших по размеру рассказов охватывают огромный отрезок жизни Владимира Ильича и обширную географию — от Сибири до Парижа, от Петербурга до Праги. Они населены десятками персонажей — соратников, друзей и идейных противников Ленина. Они, наконец, удивительно динамичны, остро сюжетны, как и эпоха, о которой повествуют.

Портрет и образ Ленина в рассказах С. Сартакова одухотворен не только глубокой человечностью и реальной достоверностью, но и негибкой твердостью, цельностью, убежденностью. На крутом революционном переломе мы видим Владимира Ильича как человека, смело заглядывающего в завтрашний день, близкое и отдаленное будущее. Мы видим Ленина, умеющего в самых трудных, критических ситуациях убеждать и окрылять людей. Мы видим рядом с ним марксистов ленинской школы: Крупскую, Ванеева, Дубровинского, Красина, Кржижановского, Шмерля.

В далекие тридцатые годы мне довелось слышать рассказы о Владимире Ильиче из уст Надежды Константиновны Крупской, а в послевоенные годы из уст Георгия Максимилиановича Кржижановского. В них сохранились многие живые черты ленинского облика и характера.

И вот сейчас, перечитывая рассказы С. Сартакова, я как бы узнаю эти сохраненные в памяти необыкновенные детали. Как достигает этого автор? Трудно сказать, не знаю. Настоящее мастерство всегда непостижимо, загадочно. Но в этом его обаяние.

Конечно, рассказ не роман и даже не повесть. Все в нем ограничено — и время, и место действия, и число персонажей. Но в рассказах С. Сартакова не ощущаешь этой ограниченности. Они, словно поительным воздухом, наполнены событиями, волнениями, мыслями, картинками быта и природы. Вот, к примеру, рассказ «Пять писем одного дня». Всего один день жизни Ленина в Париже, но сколько вместил в себя этот день! И дорожное приключение, и различные встречи, и беседы с Житомирским, Дубровинским, и принципиальные споры с теми, с кем не по пути...

Не менее насыщен и рассказ «Вечерний чай», повествующий о чешском революционере-ленинце Богумире Шмерале. От событий первой русской революции до середины тридцатых годов — таков временной охват этого емкого, глубокого и поразительно человеческого рассказа, посвященного интернациональной сущности ленинских идей, преемственности и значимости учения Ленина.

Сергей Сартаков превосходно лепит образы своих героев, передает их особенности через живую речь и не менее умело рисует обстановку действия, пейзаж. Это особо чувствуется, когда мы читаем сибирские сцены. Коренной сибиряк, прошедший детство и юность в Саянской тайге, охотник и промысловик, автор досконально знает и нежно любит родную природу и щедро передает свою любовь читателям.

Жизненная достоверность образа В. И. Ленина в рассказах Сергея Сартакова связана, в частности, и с естест-

венной близостью ко всему окружающему, в том числе и к природе.

Ленинские рассказы С. Сартакова одинаково интересны как для взрослого, так и для юного читателя. Читая их, невольно расширяешь свое личное представление об Ильиче, еще и еще раз познаешь вечную глубину и современность его учения, его гениальных идей.

Как пришел автор к своим рассказам о Владимире Ильиче Ленине?

Сам писатель отвечает на этот вопрос во вступлении к рассказам.

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН

СЕРГЕЙ САРТАКОВ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

ОТ АВТОРА

Ленин — это ни с чем не сравнимая, гигантская эпоха в истории планеты, ее общественного развития. Эпоха, с которой начался совершенно новый, особый отсчет времени.

И Ленин — удивительнейшая личность. Человек, каждый день которого на земле, каждое засвидетельствованное слово которого не должны быть затеряны. Не должны быть затеряны и забыты потому, что они драгоценны, навсегда драгоценны.

О нашем Ильиче написано бессчетное количество и выверенных до мельчайших деталей исторических исследований и художественных произведений, в которых факты, зарегистрированные где-либо в документах, сами по себе, но не обогащенные живыми подробностями, затем силой творческого воображения, силой внутренней логики превращены в картины. Убедительные, волнующие. Однако ни исторического исследования, ни художественного произведения, в едином глыбистом монолите воссоздающего образ Ленина во всей предельной его полноте, пока еще нет. Мастер, работающий над таким монолитом, — Время.

И потому наряду с этим продолжается другая работа: возводится основание под постамент будущего гигантско-

го монолита, по глубоко народному обычаю почтительно насыпается шапками холм земли. Той земли, на которой жил Владимир Ильич, которую он любил беспредельно и во имя счастья которой отдал всю жизнь свою до последнего вздоха.

Эта моя книга — шапка земли к подножию холма.

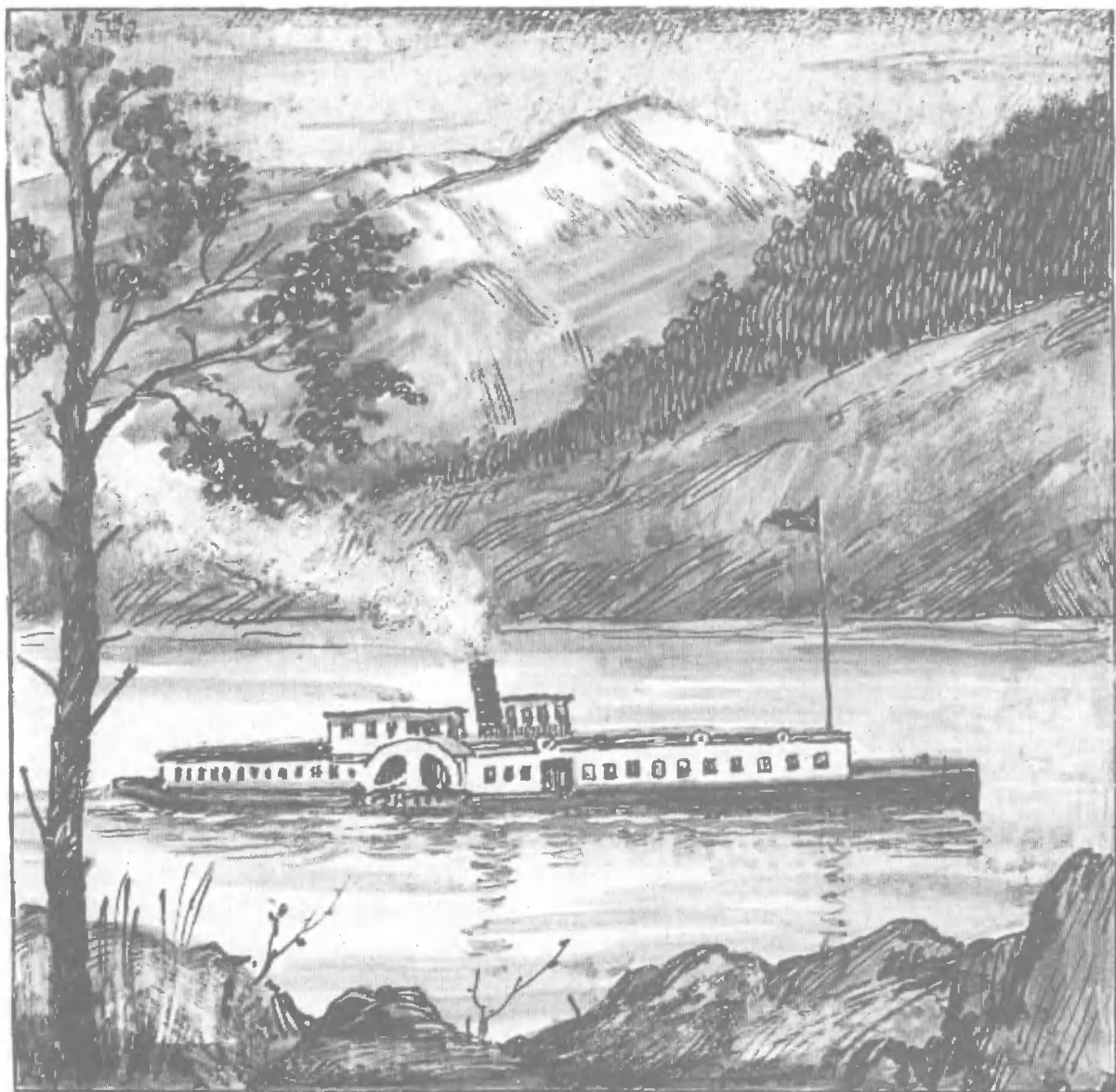
Здесь рассказы о Владимире Ильиче среди людей, его окружавших; людей, которые через все трудности и сложности политической борьбы честно пронесли ленинское знамя; и людей, которые впоследствии это знамя свернули. Но как было тогда разгадать даже самому Ильичу, о ком из этих людей в народе навсегда сохранится светлая память, а кому выпадет горький удел презрения?

Рассказы не составляют единого строгого цикла во времени. Здесь и страницы из жизни Владимира Ильича в годы его сибирской ссылки; и в Питере, в Финляндии, после возвращения из первой эмиграции; и в Париже, во второй эмиграции, когда борющаяся Россия задыхалась под гнетом столыпинской реакции; и в победные годы Октября.

Объединяет все рассказы одна из наиболее дорогих черт в характере Ильича — его простота, человечность.

С мыслью об этом я и писал свою книгу.

Сергей САРТАКОВ

ДЕЛО ВСЕГДА ОТЗОВЕТСЯ

Густо дымя, пароход «Святой Николай» уходил все дальше и дальше вверх по течению Енисея, за черное ожерелье смоленых баркасов паромной переправы, за крутые излучины Посадного и Пашенного островов. Вот он уже втянулся под высокие пролеты железнодорожного моста и сам сделался только чуть видимым облачком дыма.

Давно растеклась толпа провожавших пароход. Вя-
завшись в горячий спор по поводу всяческих притесне-
ний, чинимых местными властями политическим ссыль-
ным на «этапах», бок о бок с полицмейстером поднялся
в гору и Юлий Цедербаум¹, ожидавший своей очереди
к отправке в глубь Сибири. А Ванеев по-прежнему стоял,
облокотясь на грубо обтесанные перила широкой откры-
той баржи, служившей пристанью, и поглаживал мягкую,
коротко подстриженную бороду.

С реки тянуло резвым ветерком, там и сям на берегу
белели нерастаявшие льдины. Ванеев поеживался, изредка
подносил руку к губам, сдержанно кашлял. И все не мог
оторвать глаз от голубой речной дали. В ушах еще зву-
чали слова:

— Анатолий Александрович, не грустите, вы остае-
тесь не один; революционер не может быть один, с вами
всегда будут друзья. Мы станем переписываться, мы
встретимся. И скоро. Да, да, непременно встретимся!

Дорогой друг, спасибо тебе за эти полные твердой ве-
ры слова. Конечно, мы станем переписываться. И мы
встретимся снова, непременно встретимся. Я ведь знаю,
как тебя потрясло известие о том, что мы окажемся в
ссылке не вместе, что мне придется ехать в сырой, болот-
ный Туруханск — место, губительнее которого для боль-
ного человека и не сыскать. Дорогой Владимир Ильич,
конечно, мы встретимся, и один я не буду. Революционер
без друзей не революционер. А там придет и Доминика,
свет мой, мое солнышко. Но пока мне все же очень тоск-
ливо. И страшен этот неведомый Туруханск с его ледя-
ными ветрами. Ведь правый-то бок все болит, болит не пер-
еставая...

Пора уходить от реки. Пора возвращаться домой.

Да, сегодня еще домой, к милой, сердечной Клавдии
Гавриловне, так заботливо принимающей всех «полити-
ков», сегодня и завтра — домой, а послезавтра — снова в
тюрьму.

¹ Ю. Ц е д е р б а у м — впоследствии известный как «Мартов».

В. И. Ульянов среди членов Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Стоят (слева направо): А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев; сидят: В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов-Цедербаум. Петербург, 1897 г.

Из-под ног сыпалась мелкая галька. Сильно наклонясь вперед, Ванеев поднимался по крутому косоугору. Три-четыре шага, и надо постоять, давит одышка. Раньше она не так донимала. Правда, в тесной тюремной камере много не разгуляешься, но свежий воздух — что ж, разве свежий воздух не делает чудес? Он усмехнулся: так ведь только одна неделя на свежем воздухе после полутора лет тюрьмы! Не слишком ли большого чуда ты ожидаешь, больной человек? И может быть, безнадежно больной.

Ванееву припомнился недавний разговор в канцелярии енисейского губернатора. Чиновник, худой, жилистый,

держал на столе обе руки ладонями вверх, как бы подчеркивая этим, что у него от посетителя нет никаких секретов, что он действует совершенно открыто, честно и беспристрастно.

— Вот вы, господин Ванеев, хлопотали перед департаментом полиции о задержании вашей высылки из Красноярска до открытия навигации, разумея при этом возможность добраться к месту назначения не по этапу, сиречь на частном пароходе. Ответ из Петербурга получен,— чиновник разом перевернул руки ладонями вниз и слабо улыбнулся:— Ответ получен.

— Дано просимое разрешение?— тоже улыбаясь, спросил Ванеев.

— Рекомендовано обратиться с ходатайством к иркутскому генерал-губернатору.— И затряс головой:— Нет, нет, можете не трудиться. Наш губернатор от себя уже сделал необходимый запрос генерал-губернатору.

— Боже, какое внимание!— сказал Ванеев.— Примите мою искреннюю благодарность. А результат?

Чиновник забрал в кулачок конец рукава, пополировал им и без того сияющие пуговицы на своем мундире.

— Сообразуясь с вашими желаниями следовать к месту ссылки не по этапу, за свой счет, генерал-губернатор предписывает вас немедленно выдворить из Красноярска. Почтовые обозы идут по тракту в Енисейск каждый день. Стоимость проезда примерно пятьдесят рублей.

— Пятьдесят рублей! Только до Енисейска? Где же я возьму такие деньги? И как потом буду добираться дальше, в Туруханск?

— Ну, посидите месяц-полтора в енисейской тюрьме, пока закончится ледоход у Туруханска. Другого пути, кроме водного, к сожалению, туда не имеется.

Ванеев глядел на чиновника ошеломленно.

— Позвольте, какой же тогда смысл мне ехать на свой счет до Енисейска, тратить баснословные деньги?

Чиновник опять принялся полировать рукавом пуговицы на мундире.

— Согласен с вами: нет решительно никакого смысла. Вдобавок на дорогах сейчас распутица, обозы идут медленно, ночевки неважные, да и сидеть в енисейской тюрьме, право же, гораздо хуже, чем в красноярской.

— Д-да... Прелести даже красноярской тюрьмы мне достаточно известны, я безмерно счастлив, что здесь могу жить на частной квартире. Итак, я вынужденно остаюсь до навигации.

— Как вам угодно. Однако обязан вас предупредить, что при отказе немедленно выехать в Енисейск вам снова, и не позднее среды, придется вернуться в тюрьму. Ждать навигации вам должно в тюрьме. И не иначе. Таково распоряжение генерал-губернатора.

Это было похоже на шутку, на очень злую шутку, но чиновник говорил вполне серьезно, и в голосе его чувствовалась уже досада: чего еще хочет от него этот чахлый, бледный юноша?

— Почему же я снова должен садиться в тюрьму?!— закричал Ванеев.— Я не уголовный преступник, я политический ссыльный и прибыл в назначенное мне место ссылки — Восточную Сибирь.

— Генерал-губернатором место вашей ссылки уточнено: не вообще Восточная Сибирь, а город Туруханск,— сухо сказал чиновник.— И пока вы не прибудете в Туруханск — вы в пути, вы на этапе, этапным же полагаются не частные, а казенные квартиры. Сиречь тюрьма. Вас выпустили на некоторое время в предположении, что вы будете следовать дальше на собственный счет. Вы отказались. Следовательно, в силу вступают общие правила.

— Послушайте, это же дикость!— волнуясь, сказал Ванеев.— Сесть немедленно в красноярскую тюрьму либо немедленно ехать в Енисейск по бездорожью на собственный счет, чтобы там опять-таки оказаться в тюрьме!

Чиновник покачал головой.

— Если говорить о цене, так это только цена вашего преступления перед отечеством.

— Поймите, я болен, тяжело болен, мне нужен свежий воздух, у меня плеврит.

— Весьма сожалею, но болезнь свою вы приобрели не на государственной службе, а на противоправительственной деятельности. На что же вы жалуетесь?

— Могу я хотя бы проводить своих друзей— Ульянова, Кржижановского, Старкова? Они именно в среду отплывают на «Святом Николае» в Минусинск.

— Сиречь побыть еще на свободе вопреки указаниям из Иркутска? Это не доставит приятных минут ни мне, ни господину губернатору, когда станет известным генерал-губернатору. Но хорошо, провожайте. Только извольте затем сразу же— ну, пусть не позднее пятницы!— явиться в тюрьму.— Чиновник встал, давая этим понять, что разговор окончен.— Не поймите меня превратно, но, право же, лучше иметь дело с уголовными, чем с политическими. Вы постоянно требуете для себя каких-то привилегий, а между тем вы для государства опаснее уголовных. Следовательно, оправдана ли по отношению к вам излишняя гуманность?

Он наклонил голову на полвершка, не более, и сделал жест рукой: ступайте.

От двери Ванеев с подчеркнутой вежливостью все же ответил ему:

— Не считайте себя слишком щедрым. В конечном счете вы нас просто боитесь. Нашей силы. Представьте себе, силы! Да.

Тяжело вышагивая в гору и припоминая этот разговор, Ванеев тихо посмеивался. Ему нравилось задиаться со следователями, тюремным начальством, вообще с властью предержащими,— задиаться вежливо, деликатно, но ядовито и в спорах всегда оставлять за собой последнее слово. Это свойство характера, конечно, не облегчало его судьбы, но зато и не давало торжествовать победительно тем, кто распоряжался его судьбой. Ванеев уже знал: стоит человеку один раз покорно склонить голову— и трудно, дьявольски трудно потом снова ее приподнять. Мелодия песни, которую политические ссыльные пели в арестантском вагоне на длинном пути сюда, зазвучала у него в ушах:

Выпускъ III.

ЧТО ТАКОЕ „ДРУЗЬЯ НАРОДА“
и
КАКЪ ОНИ ВОЮЮТЪ ПРОТИВЪ
СОЦІАЛ - ДЕМОКРАТОВЪ.

Сентябрь 1894.

Издание
провинциальной группы
соціал-демократовъ.

Первое увидевшее свет произведение В. И. Ленина.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытаются огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!
Если ж погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых —
Дело всегда отзовется
На поколениях живых...

Вот-вот, во имя этого и стоит жить. Необходимо жить! Немало уже людей сложило свои головы в борьбе за свободу. Пусть палачи трепещут перед «поколениями живых». Вспоминая о трагедии народовольцев, ах, как правильно всегда говорил Владимир Ульянов: «Мы пойдем другим путем!» Не одиночки террористы, а могучая, спаянная организация революционеров, ведущая за собой пролетариат, — вот этот другой путь. Создан «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», положено начало организации революционеров.

И вот союз разгромлен, развеян по диким и глухим углам Сибири. Так думает правительство. Ликует. А «дело всегда отзовется на поколениях живых». И будет Владимир Ульянов, и будет Глеб Кржижановский, и будет Василий — Базиль Старков, и он, Анатолий Ванеев, и все, все будут продолжать начатую борьбу. Ничто не разрушено, ничто не погибло, просто сложилась новая обстановка, новые условия, в которых надо жить и бороться. Туруханск? Пусть Туруханск. Не все дороги ведут только туда, есть дороги, которые ведут и оттуда. Не болел бы только так дьявольски правый бок...

Он не заметил, как дошел до дому, по невысокой лестнице поднялся на второй этаж. Приятно пахло свежewe-мытыми полами, легкий сквознячок гулял по дощатым сеням. Одолевая последние ступеньки лестницы, Ванеев вдруг почувствовал, как сильно он устал, как отяжелели ноги.

«Фу ты, стыд какой, — подумалось ему. — И это в двадцать пять лет! Нет, Анатолий, так не годится».

*Анатолий Александрович
Ванеев (1872—1899).*

— Проводили?— Навстречу шла хозяйка с блюдом крупно нарезанного пшеничного хлеба.— Как раз и обед готов. Что это вы такой бледный?

Ванеев потер ладонями щеки.

— Проводил, Клавдия Гавриловна, проводил. Сейчас они далеко уже плывут...

Он стал описывать, какая сутолока была на пристани, как выглядит каюта, в которой разместились его друзья, как грустно сразу сделалось на сердце, когда пароход отвалил от причала.

Клавдия Гавриловна между тем собрала на стол закуску:

— Кушайте, Анатолий Александрович, пожалуйста, рыбка хорошая, копченая,— убеждала она, с тревогой

оглядывая Ванеева и видя, что тот к столу подсел неохотно, вяло жует сочный нельмовый балык.— Господи, да вовсе нет у вас никакого аппетита! Пельмешки сейчас спущу...— И побежала на кухню.

Ванеев залюбовался ею. Широкая в кости, прямая, осанистая и удивительно легкая, Клавдия Гавриловна была кумиром своих временных постояльцев. Все знали, что даже самой малой доли хозяйской выгоды от забот своих о заезжих людях она не имеет, ладно еще, если сводит концы с концами.

— Анатолий Александрович, вас, может, очень мучает дума о Туруханске? Опять же о тюрьме этой проклятой?— ласково говорила она, возвратясь и накладывая в тарелку Ванеева дымящиеся пельмени.— Так вы не бойтесь Туруханска. Одно, что глушь и даль очень большая, да и по здоровью не знаю как это вам, а люди ведь и там живут хорошие. Народ и там трудовой. А что в тюрьму вас здесь сажают — так подло это, очень подло.— Она нахмурилась, пощипала нижнюю губу.— Владимир Ильич страсть как негодовал. Еще когда на вокзал с Глебом встречать вас ходили, а полицейские шашками, шашками от вагона вашего их отогнали. Пришел, от гнева дрожит: «Трусы ничтожные,— говорит он,— боятся чего? Слов бы не было между нами сказано? Нет,— говорит,— господа душителы, все, все слова будут сказаны, через любые решетки, через сабельный строй!» И сразу же отбил в Петербург телеграмму. А тут опять столкнулся с этой новой подлостью, что в Туруханск вас отправляют. Вы, может, даже не знаете, как Владимир Ильич волновался: «Анатолий должен быть с нами!» Правду сказать, за двадцать шесть лет много хорошего народу у меня перебивало, а такого, как Владимир Ильич, не запомню. Огонь-человек. Светлый. Никогда о себе, все о других. Вы друзья с ним давние?

— Да как вам сказать, Клавдия Гавриловна, по нашему счету очень давние. Четвертый год. Из этого времени — полтора года за решетками. В одну ночь, только на разных квартирах, и арестовали нас. Вот и в Сибирь

вместе попали... Про Туруханск вы мне, Клавдия Гавриловна, говорите утешительные слова. Буду там не без людей, знаю. И знаю тоже: буду без Владимира, без Глеба, без Василия. А дело у нас у всех одно, общее. Когда мы все вместе, мы бы во сто крат больше сделали.

— Потому и разбивают так всех порознь,— вздохнула Клавдия Гавриловна.— Власти это тоже понимают. Да кушайте, пожалуйста, пока горячее, заговорила я вас. А мое слово попомните: соберетесь все вместе!

— Спасибо, Клавдия Гавриловна, за добрые пожелания. И вообще за все. Не знаю, когда теперь мы еще встретимся. Но к вам у меня есть одна преогромнейшая просьба. Позвольте мне дать ваш адрес одному моему... одной... словом, моей невесте. Зовут ее Доминика Васильевна. По фамилии Труховская. Она решила поехать вслед за мной в ссылку. Позвольте ей остановиться у вас на пути в Туруханск.

— Да, миленький,— Клавдия Гавриловна стиснула руки у груди,— да как вам не совестно спрашивать позволения! Пусть себе едет, гостит здесь сколько надо, приму с душой и на пароход провожу.— Она помялась немного.— Простите, Анатолий Александрович, вот я опять любопытствую: что ж пожениться-то вы не успели? До тюрьмы то есть?..

Ванеев прихлебывал горячий крепкий чай. Брусничное варенье было остренько-кислое и в то же время очень нежное на вкус.

— Ника стала моей невестой, когда я сидел в одиночке,— ответил он тихо.— А теперь... теперь, Клавдия Гавриловна, мы уже никогда не расстанемся. На самом ли краю света или даже за краем света.

— Ну что это вы говорите! Вам еще жить да жить! Разговор оборвался. Хозяйка собрала посуду, ушла. Ванеев прилег на диван— все еще томила тяжесть в ногах. Лежал с открытыми глазами, думал. «Жить да жить»,— сказала Клавдия Гавриловна. Не так она его поняла, неточно он выразился. Из этого мира, наполненного счастьем борьбы, ясной и благородной, уходить он не со-

бирается. «За краем света» — просто когда человек способен свершить, казалось бы, вовсе уже невозможное.

Он скользнул взглядом по низкому потолку, по узкому простенку, где над столом наклонно висело большое зеркало с желтым пятном посередине — след горящей керосиновой лампы: Владимир Ильич, случалось, просиживал за работой ночь напролет. Вот у кого ни одной потерянной зря минуты. Способен ли он, Ванеев, на это?

Чередой пробежали воспоминания: закончено образование в Нижегородском уездном училище... Учиться бы, учиться еще! Но отец в семье единственный работник, а семья из пяти человек. Надо поступать на службу.

...Писец в нотариальном суде — мертвящая душу работа. Даже само помещение словно бы вовсе без света, без воздуха. Бумаги, скрепляемые гербовой государственной печатью, каждодневно свидетельствуют: кое-кому живется весьма хорошо, даже хорошо через меру. А рядом другие бумаги, в которых что ни буква — горькая слеза, что ни строчка — тяжкая крестьянская или рабочая доля.

...И вот случайная встреча с рижским студентом Власовым, посланным в Нижний за участие в марксистском кружке. Что это такое — марксистский?

...А между тем по Владимирке гонят и гонят в Сибирь одну за другой вереницы закованных в кандалы арестантов — тех, кто всем сердцем стремится к свободе и не знает к ней верных путей.

Особенно душной и глухой кажется судейская канцелярия. Надо учиться, надо знать историю, литературу, экономику, философию. Без понимания законов развития общества победоносная революция невозможна. Стихийный бунт, может быть, и способен смести с лица земли опостылевшую тиранию, но этого мало — новым государством, народным государством, надо уметь управлять. Неимоверно тягуче служебное время, и коротки ночи. Только ночами удастся читать, готовиться к экзаменам в высшее учебное заведение. И надо побывать на беседах в марксистском кружке. И надо помогать Григорьеву,

*Василий Васильевич
Старков (1869—1925).*

Скворцову создавать новые кружки среди рабочих. В этом, в этом самые надежные пути к революции.

...Петербург. Сданы экзамены сразу и в Технологический и в Горный институты. Кружится голова от счастья. Экзаменаторы расточают похвалы: «Удивительные способности!» Леонид Красин советует: «Иди к нам, в Технологический. У нас самый сильный кружок». Да, конечно, только туда. Горячие споры. Хорошие друзья. Степан Иванович Радченко, Глеб Кржижановский, Базиль Старков, Петро Запорожец, Миша Сильвин...

...И опять не хватает ни дней, ни ночей. Помимо всего, нет денег. Приходится давать уроки на дому тупоголовым юнцам из барских семей, писать десятистрочные заметки в «Русскую жизнь» и думать нередко: «А где

бы сегодня все-таки пообедать?» Но это в конце концов чепуха, главное — набраться знаний и эти знания отдать народу, революционной борьбе.

...Вторая петербургская осень. Туманы, дожди, постоянно промокшие ноги. Ходить приходится на Васильевский остров, на Выборгскую сторону. Там его, ванеевские, рабочие кружки. С какой жадностью слушают люди! Как это им необходимо! Расходясь поздно ночью, провожают, заботливо берегут — не выследили бы шпики.

...Жаркая схватка в кружке студентов-технологов. И тут появляется в первый раз Владимир Ульянов. Вот сила мысли, вот дивный дар слова! Как сдружились тогда чуть не с первой встречи, даже теперь непонятно.

Володя, Владимир Ильич, друг дорогой! Дней и ночей все равно не хватает, но, работая вместе с тобой, видишь, каким огромным может стать каждый день!

...«Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Эта работа Ульянова потрясла всех. Фальшивая суть народничества открылась во всей неприглядности. Быстрее, быстрее нужно размножить ее. А бдительное око полиции следит.

...Ну что же, неплохо все тогда удалось. Хорошо помогал Миша Сильвин. Раз за разом в течение полугода выпустили четыре издания этой брошюры. Полиция бесилась.

...Тогда, вот тогда-то и стала зреть мысль о создании крепкой организации революционеров. Раздробленные рабочие кружки — этого мало.

...Позапрошлый год был самым бурливым. Владимир уехал за границу установить связь с Плехановым, с группой «Освобождение труда». Нужно было посылать тайно статьи и заметки о рабочем движении. В общем получалось недурно, ни одна строчка не попала в лапы полиции. Не достался ей и целый чемодан нелегальной литературы, с которым вернулся Ульянов из-за границы. Право, Анатолий, ты был отличным конспиратором!

...Все шло блестяще. Марксистские кружки объединились в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

*Георгий
Валентинович
Плеханов
(1856—1918).*

И вот уже первые результаты: вихри листовок, грандиозная забастовка на фабрике Лаферма. Владимир Ильич созывает центральную группу «Союза борьбы». Он оживлен: «Отлично, теперь нам нужно архибыстро готовить выпуск рабочей газеты». Опрашивает по очереди Кржижановского, Старкова, Цедербаума, что они дадут в первый номер. Передовую оставляет за собой. Говорит: «Давайте газету назовем «Рабочее дело».

...Ночь на 9 декабря. Еще раз перечитаны все материалы первого номера. Великолепный получится выпуск! Уже в подпольной типографии ожидают наборщики.

И вдруг резкий, прохватывающий душу насквозь, стук в дверь...

...А потом бесконечная нравственная пытка. Допрос за допросом. Угрозы и уговоры. Сырая, мрачная одиночка, и всего лишь на полчаса в день прогулка.

...Кашель, кашель, тяжелый озноб по ночам. Нестерпимая боль в правом боку. Грустная встреча Нового года.

...И вот: «Ванеев, на свидание! Невеста пришла». Короткое замешательство: откуда, какая невеста?.. Милая Доминика, как неловко тогда было с тобой, совершенно еще незнакомой, в первый раз говорить, называть нежными именами, на глазах у тюремщиков ласково пожимать пальцы!

«...Золотая моя! Когда пришло оно, уже не наигранное объяснение? Я не посмел высказать вслух свою просьбу, ты, Ника, первая сказала: «Все равно, где бы ты ни был теперь, я всегда буду с тобой вместе, примчусь к тебе как легкий листочек!»

А мы все еще не вместе. Тысячи глухих верст разделяют нас. И я могу любоваться тобою только на фотографической карточке, моя чернявочка, моя смугляночка, радость моя...»

Ванеев рывком приподнялся. День близится к вечеру. Остались единственные сутки свободы здесь, в Красноярске. Надо сделать так много, а он валяется на диване. Скорее, скорее! Надо успеть написать и отправить письма Доминике, родителям в Нижний, младшему брату Василию, вернейшему другу Ниночке Рукавишниковой, по поручению товарищей из «Союза борьбы» так блестяще в тюремной переписке исполнявшей роль кузины. Надо сходить под Афонтову гору в библиотеку купца Юдина, сделать там из доброго десятка статистических сборников выписки, которые не успел закончить Владимир Ильич, и тоже снести их на почту. Прочь хандру, прочь усталость, прочь надоедливую боль в правом боку!

Торопливо оделся и сбежал по лестнице, шагая через ступеньку.

Он дал себе наказ: все эти дни держать себя в железной узде до той поры, пока не ступит на туруханскую землю, пока не будет знать: хотя и в ссылке, но здесь наконец-то волен распоряжаться собой. Он дал себе этот наказ, но не выдержал. Когда снова с железным визгом захлопнулась за его спиной тюремная дверь и рядом с ним потянулись по бесконечному коридору кандальники с наполовину обритыми головами, серые, изможденные, Ванеев припал к стене и заплакал. Не от бессилия своего, а от жалости, сострадания к людям.

Двенадцать суток провел он в тоске, боролся с нею и никак не мог справиться. Бессмысленность этого тюремного заключения потрясла его. «Ну для чего? Для чего?»—допытывался он у мелкого тюремного начальства, бренчавшего связками ключей. Те только равнодушно пожимали плечами. Припомнился Некрасов: «Чтоб человек не баловался...» Идиоты, тупые идиоты! Человек будет все равно баловаться!

Перемотавшись в эти дни, он ступил на палубу парохода уже успокоенный. Теперь недолго. Прощай, Красноярск! Здравствуй, Туруханск. «Туруру»—злое комариное болото летом, метельная равнина зимой!

Держалась высокая вешняя вода, и пароход стремительно шел вниз по течению. Берега были все в белом цвете черемухи. Величаво высились желтые обомшелые скалы близ могучего Казачинского порога. Курились веселые дымки над трубами добротного срубленных домов не очень-то частых здесь деревень.

Было безветренно, и солнце припекало так, что нестерпимо хотелось сойти на берег и поваляться где-нибудь в тени цветущих черемух. Ванеев не уходил с палубы, глядел и не мог наглядеться на светлую даль свободного Енисея. А в груди теснило, посвистывало, и кашель бил все время, влажный и затяжной.

В Енисейск пришли на рассвете. Вернее, это была белая ночь. Над рекой струились змейки тумана. Все спали. Ванеев беспокойно ворочался на жесткой койке. Кто-то потянул его за плечо, окликнул:

— Эй, к капитану!

В капитанской каюте, судорожно позевывая, сидел хорошо одетый мужчина. «Из местной интеллигенции», — определил Ванеев.

— Врач городской больницы Лошкарев, — отрекомендовался тот. — По телеграфному распоряжению генерал-губернатора я имею честь вас освидетельствовать.

И сердце Ванеева радостно екнуло: друзья помогли!

— Н-да, голубчик, — протянул доктор, закончив осмотр, — вы не пугайтесь, но дело ваше такое... В общем, вот мое заключение: в Туруханск вам ехать нельзя ни в коем случае. Останетесь в Енисейске. Собирайте вещички.

Через два дня воспрянувший духом Ванеев вдохновенно писал своей «кузине» Ниночке Рукавишниковой: «...ничего лучше я и сам бы не придумал, ведь Енисейск — лучший город в губернии после Красноярска. Я не соглашусь теперь променять его даже на Минусинский округ... Да что Минусинский — я отказался бы и от Вологодской или Архангельской губернии!..» Перо свободно бежало по бумаге: «До сих пор еще не могу войти в старую колею, не могу достаточно насытиться свежим воздухом после своей коптилки. Работать можно будет чудесно. Ввиду столь приятных перспектив настроение у меня самое радужное».

Ему казалось, что теперь для полноты счастья только недостает Доминики. Но ведь и она обещала вскоре приехать.

Обещала... Но месяцы шли, а Доминика не ехала. Тысяча разных препятствий задерживали ее. Приходили лишь письма да телеграммы, отменяющие одна другую. Похоже, она оказалась под следствием...

Надо набраться терпения, жить ожиданиями. И работать, работать. Тем более, когда в городе отличная библиотека, а квартира тихая, спокойная.

Правда, здесь нет хороших друзей. Ссылные народолюбцы — их тут немало — смирились со своей судьбой. Хуже того — подчинились укладу местной жизни и постепенно превратились в обывателей, ищущих только

личного благополучия. Одна отрада — беседовать с грузчиками на пристани, с рабочими маленького кожевенного завода. Не зная при этом, что бдительное око жан-дармерии здесь тоже начеку и в положенное время иркутскому генерал-губернатору регулярно посылаются рапорты, в которых с неистовой злобой непременно первым называется имя Ванеева как вреднейшего и опасного смутьяна, не прекратившего даже в ссылке своей противоправительственной деятельности.

Наконец принесли телеграмму, самую верную, точную: Доминика уже в Красноярске у Клавдии Гавриловны Поповой и выедет ближайшим пароходом.

Ванеев всю ночь провел на берегу Енисея, бродил по хрустящему галечнику, не сводя глаз с крутой излучины реки.

А пароход прибыл только во второй половине дня. Сияющий белизной, шумно рубя тяжелыми плечами воду, он выписал на Енисее огромный круг и стал швартоваться к пристани. Торговки жареной рыбой, медом, кедровыми шишками, всевозможной таежной ягодой метнулись к пароходу толпой, оттеснили Ванеева. Но он сквозь шум и галдеж, обычный на пристанях, все равно расслышал голос Доминики:

— Толенька, Толя! Я здесь!

Потом они сидели в своей квартире, празднично прибранной, держались за руки, по-детски дурашливо хохотали и все говорили, говорили наперебой, рассказывали всяк свои новости.

— Ника, милая, ты привезла мне жизнь, здоровье, силу,— без конца повторял Ванеев.— Теперь я способен любую гору свернуть!

— Толенька, вот когда мы с тобой действительно вместе,— счастливая, шептала и Доминика.— Железные решетки не стоят больше между нами. И я уже не «невеста» — я жена твоя.

Они не думали в тот час о формальностях.

Но прошло всего несколько дней, и оказалось, что без соблюдения необходимых формальностей Доминика не

имеет права поселиться в квартире Ванеева. Хозяйка ей закатила скандал прямо на улице, собрались любопытные.

— Как? Чтобы всякие там городские сплетницы чesали на твой счет языки!— ужаснулся он, когда узнал об этом.— Ника, милая, мы непременно должны обвенчаться. И вообще, мало ли что со мной может случиться. Будет сын...

На свадьбе, кроме положенных по обряду свидетелей, не было никого. Вернувшись из церкви домой и вертя на пальцах обручальные кольца, они шутили:

— Ну вот, наручники на нас уже надели. Что же, теперь снова очередь за тюрьмой?

Шутка вдруг обернулась суровой действительностью.

Холодным ноябрьским днем, когда над стылыми улицами города металась колючая пурга, в дом к Ванеевым явился полицейский. Специальной повесткой госпожа Труховская вызывалась в суд. Доминике очень нездоровилось, и Анатолий пошел ее проводить.

— Мы скоро вернемся,— сказал он хозяйке дома.

Но в суде огласили пересланный из Петербурга по делу «Союза борьбы» приговор, согласно которому Д. В. Труховская за распространение листовок и воззваний к рабочим подвергалась трехмесячному тюремному заключению, а затем еще на два года отдавалась под гласный надзор полиции.

Прямо из здания суда под штыками Доминику отвели в тюрьму.

— Послушайте, да послушайте вы,— негодовал Ванев, изо дня в день обходя все канцелярии енисейского начальства,— где же логика, где справедливость? Сажать человека в тюрьму, когда он добровольно, сам, последовал в ссылку! Ведь это же дико! Бесчеловечно!

— Приговор подлежит исполнению. А что мадам Труховская добровольно последовала в ссылку — это ее личное дело.

Телеграммы в Иркутск, в Петербург, в высшие инстанции, знакомым, друзьям... Ванев изнемогал в тяжелой

борьбе за судьбу жены. Он по себе знал, как страшно разрушает здоровье тюрьма, и еще знал, что енисейская тюрьма намного хуже тех, в которых приходилось томиться ему самому. А Доминику взяли под стражу уже больной.

В эти долгие месяцы глухого, беспокойного одиночества Ванеев с особой остротой почувствовал свою оторванность от друзей. Письма из Нижнего, из Москвы, Петербурга добирались до Енисейска зимой месяцами; немногим короче оказывались сроки для корреспонденции, идущей из Минусинского округа. А так хотелось бы, теперь в особенности, находиться поблизости от Владимира Ильича! Там, в Шушенском, Тесинском, Ермаковском, кипит работа. Борьба против самодержавия продолжается. Нет, нет, во что бы то ни стало нужно добиваться перевода туда, к друзьям! Только бы вырвать скорей из тюрьмы Доминику, только бы и самого не подкосила снова болезнь.

От Ульянова приходили хорошие вести: «Анатолий Александрович, я твердо верю, мы добьемся успеха. Глеб и Базиль подняли на ноги кого только можно».

Упорствовал иркутский генерал-губернатор. От него зависело очень многое. Петербургское начальство не находило нужным навязывать ему свои решения, а генерал-губернатор был тверд как скала. И не мог же знать Анатолий, что определенное настроение генерал-губернатору во многом создавал своими злобными рапортами енисейский жандармский ротмистр, теперь возводивший поклеп еще и в том, что будто бы Ванеев совершенно здоров и больным лишь хитро прикидывается.

Маленькая победа все же была одержана: Доминику выпустили из тюрьмы на месяц раньше срока. Но и это радовало безмерно. Снова можно вместе ходить в библиотеку, делать выписки для себя и для Владимира Ильича.

Ванеев готовил рецензии, статьи для местных газет. Успешно продвигался главный труд: изучение рабочего движения в России и на Западе. Очень помогала «кузи-

на» присылкой редких книг. Добрая половина из них переправлялась в Шушенское — Владимиру Ильичу.

Так миновала зима. И весна. Наступили самые длинные дни. Буйно выметывались травы, все кругом цвело. Трудно было усидеть дома. Тянуло в лес, к реке.

— Ника, срок моей ссылки истекает двадцать девятого января тысяча девятисотого года. Канет в Лету тиранический девятнадцатый век. Неужели еще и двадцатый век не станет Новым веком?

Доминика гладила его мягкие волосы.

— Толенька, а почему Новый век не может начаться уже с последних лет девятнадцатого века?

И Ванеев глядел на нее изумленно.

— Дорогая, умница моя! Но ведь он же, Новый век, действительно уже начался! Разве мы — не Новый век?

Ночью кто-то легонько, осторожно постучался. Ванеев поднялся с постели, распахнул створки окна. В неверном свете летней луны он разглядел человека, по одежде не то рыбака, не то плотогона. На улице стояла тишина.

— Ванеев? — зашептал незнакомец, перегибаясь через подоконник. — Извините, пожалуйста. Моя фамилия — Махновец¹. Товарищи дали мне ваш адрес. Бегу из ссылки, с севера. От Усть-Пита шел пешком. Измотался до крайней степени. Укройте меня. На сутки-двое, не больше. Потом я пойду дальше, лесными тропами. На пароходе опасно.

Ванеев потер лоб: Махновец — фамилия знакомая, он слышал ее в Бутырской тюрьме. Тоже участник подпольных кружков, но что-то такое говорили о нем: ершистый человек, сварливый, ни с кем не согласный.

— Входите, сейчас я открою дверь, — сказал Ванеев. — Ника, встань, дорогая, надо товарища покормить. А лампу не зажигай. Так обойдемся.

Махновец, как и обещал, ушел на второй день. Ване-

¹ Махновец — впоследствии известный под псевдонимом Акимов.

*Михаил Александрович
Сильвин (1874—1955).*

евы снабдили его на дорогу снедью и парой белья. Долго потом вспоминали нечаянного гостя, дивились его мужеству, выносливости. Анатолий шутливо предлагал последовать примеру Махновца. Доминика, смеясь, поддерживала: «Бежим!» А сама с тревогой вглядывалась в темные круги под глазами Анатолия.

Остаток лета прошел в дружной и напряженной работе над рукописью о положении рабочего класса. Анатолий ликовал:

— Когда мы соберемся все вместе и Владимир Ильич увидит мои записи, он поразится: «Как, это сделано в Енисейске?»

Но работа вдруг оборвалась, далеко не законченная. Вернувшись морозным ноябрьским вечером из библиоте-

ки, Ванеев почувствовал сильнейшее недомогание. Стены качались, к горлу ползла мучительная тошнота.

Доминика бросилась к врачу, уже знакомому им Лошкареву. Тот явился без промедления, коротко определил: тиф. А уходя, опечаленно сказал Доминике:

— Сердце у Анатолия Александровича совсем слабое. Притом еще и давний легочный процесс. Возможны тяжелые осложнения. Голубушка, очень берегите его. Чуть встанет, увозите к югу. Не знаю, как это сделать в вашем положении, но увозите.

Начались новые хлопоты. Они безуспешно тянулись до самого января, когда Анатолий, бледный, исхудавший до крайности, все же стал понемногу подниматься с постели. И вдруг Доминику вызвали: из Иркутска пришел приказ генерал-губернатора. Что такое? «Ванеева А. А. перевести из Енисейска на север, в село Анциферово, с продлением срока ссылки на два года за оказание помощи в побеге ссыльному Махновцу». Доминика охнула и всплеснула руками: вот когда, и как страшно, отозвалось посещение — доброго ли? — ночного гостя.

Тут же побежала она к жандармскому ротмистру. Кричала, умоляла, плакала. Ротмистр покручивал усы.

— Хорошо, хорошо, о состоянии здоровья вашего мужа, о вашей просьбе перевести на юг я непременно доложу генерал-губернатору. Но тем не менее, — он многозначительно поднял палец, — к выезду в Анциферово готовьтесь. «Смерть, смерть там», — вы говорите. Мадам, а где нет смерти? Все люди смертны.

Здоровье Анатолия не улучшалось. Едва он поднимался с постели, открывалось тяжелое кровохарканье. Перепуганная Доминика звала Лошкарева. Тот выписывал какие-то порошки, микстуры. Но Доминика понимала: лекарства эти все равно не помогут. Если что и поможет, так только солнце, тепло. Нужен юг. Когда же, когда ответит, наконец, генерал-губернатор?

Ответ пришел. Ротмистр показал бумагу. Довольный, усмехнулся:

Обложка журнала — органа «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил с апреля 1899-го по февраль 1902 года. Пропагандировал идеи экономистов.

— Могу порадовать, мадам. Просимое вами разрешение о переводе вашего мужа на юг дано. Можете немедленно следовать в Тунку.

— А где это?— растерянно спросила Доминика. И схватилась рукой за сердце, под ним шевельнулся ребенок.

— О! Это на юг от Байкала, у самой монгольской границы. Отличное место, сухие песчаные степи, ветерок...

Это звучало как самое неприкрытое издевательство. Больного чахоткой, у которого кровь идет горлом, отправить в пыльные, безлесные степи, многие сотни верст провезти на тряских подводах по бездорожью!

— Господин ротмистр, но мы ведь просили перевода на юг в Минусинский округ. Здесь сравнительно близко. Добраться туда по весне можно и на пароходе. У нас там хорошие друзья.

— Друзья найдутся и в Тунке. А здоровье...

Глаза Доминики наполнились гневными слезами.

— Почему вы не хотите считаться с мнением врача? Я хочу, я требую... Освидетельствуйте Анатолия Александровича. Пошлите медицинское заключение генерал-губернатору.

— Мадам, не учите меня. Медицинское освидетельствование сделаем тогда, когда это будет сочтено нужным.

Месяц, целый месяц понадобился потом, чтобы все же добиться распоряжения генерал-губернатора о медицинском освидетельствовании больного. На дворе уже стоял март 1899 года, девятнадцатый век приближался к концу.

Опять пришел Лошкарев. С ним и еще врач. Генерал-губернатор сомневается: должен быть проведен консилиум.

Доминика беспокойно следила, как два врача поочередно выстукивают, выслушивают Анатолия, считают пульс. И хмурятся все больше. А он сидит безвольный, безучастный, длинными иссохшими пальцами приглаживает непослушные волосы.

— Что-то плохо у меня с сердцем,— виновато говорит он.— А дышу я как будто свободнее.

— Да, да,— торопливо подтверждают врачи.— Дела ваши идут отлично. В легких опасности совершенно никакой, сердце теперь тоже быстро наладится. Уедете на юг, и наладится.

Старший из них, Лошкарев, в конце дня докладывает жандармскому ротмистру о результатах обследования. Тот, покручивая ус, внимательно вслушивается.

— Так, так, господин Лошкарев. Понятно. Понятно. Думаю, теперь генерал-губернатор с вашим мнением согласится. Ну, что же... Меня интересует, однако, еще, на что в данном своем состоянии способен будет на юге, предположительно в селе Ермаковском, ссыльный Ванеев?

— Он способен только доехать до Минусинска. И лишь в сопровождении жены. За большее я уже не ручаюсь.

Ротмистр снова задумчиво крутит ус.

— Благодарю вас. Вы свободны, господин Лошкарев.

Врач немного ошибся. Ванеев доехал и до Ермаковского.

Больше того, собрав всю волю свою, преодолевая томящую слабость, но радуясь, что они опять вместе, недалеко друг от друга, навестил в Шушенском Владимира Ильича.

Больше того, хотя и лежа в постели с высокой, убивающей температурой, принял затем у себя на квартире всех своих друзей.

Они собрались здесь, в Ермаковском, с тем чтобы выразить «Протест семнадцати ссыльных социал-демократов» против оппортунистического «Кредо» группы «экономистов», пытавшихся идейно разоружить рабочих в борьбе за свои политические права, превратить революционную партию в партию реформистов. Они, шестнадцать друзей, собрались здесь у постели семнадцатого по предложению Владимира Ильича. Съехались из раз-

ных мест минусинской ссылки. Все уже знали, что Анатолий плох — очень плох. И знали, что только чувство локтя товарища придает ему силы.

Кровать Анатолия подтащили поближе к распахнутому окну, за которым открывались свободные светлые дали. Сообщение о постыдном документе защитников «экономизма» сделал Владимир Ильич. Спросил Ванеева, не утомился ли он. Ванеев отрицательно покачал головой и первым попросил слова. Он говорил, и глаза его сияли: он снова в общем ряду, он снова участвует в революционной схватке. Одним из первых он подписался под резолюцией собрания. Было это в середине августа.

А в начале сентября в сосновом бору за селом товарищи Ванеева насыпали невысокий холмик земли.

Еще немного спустя на этом холмике появилась чугунная плита со словами: «Анатолий Александрович Ванеев. Политический ссыльный. Умер 8 сентября 1899 года, 27 лет от роду. Мир праху твоему, товарищ».

Эти слова продиктовал мастеру-литейщику Владимир Ильич.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Зубная боль, резкая, ноющая, вернулась к Дубровинскому словно бы нарочно как раз в ту минуту, когда он остановился, разглядывая в полутьме гравированную медную табличку на парадной двери одного из домов по Николаевской улице: «Дантист Ю. И. Лаврентьева».

Моросил мелкий ноябрьский дождик. Фонарь на перекрестке казался мохнатым желтым шаром, от которого к стеклам окон в ближних домах тянулись узкие лучики света. Из водосточной трубы, закрепленной неподалеку от крыльца, журча, выплескивалась тонкая струйка, долбила однотонно кирпичную отмостку.

Пешеходы шагали торопливо, неровно, припрыгивая в замешательстве перед глубокими лужами. Иногда на рысях проезжали легкие извозчицьи экипажи с поднятым кожаным верхом. Жидкая грязь с шипеньем разлеталась из-под колес.

Дубровинский привычно повел головой направо, налево — нет ли чего подозрительного? — и нажал кнопку электрического звонка.

Оглаживаться ему особой надобности не было. Улица тихая, явка «чистая», да и вообще после манифеста 17 октября полиция в некоторой растерянности — следить, не следить за революционерами? — но долгие годы подполья выработали у Дубровинского охранительный автоматизм. Окажись он этим вечером у порога квартиры Лаврентьевой по делу, касающемуся только его самого, Дубровинский вошел бы в дом с совершеннейшей бестревожностью, зная твердо, что никакой слежки за ним нет. Но тут было нечто совсем особое. Он пришел сюда для встречи с Лениным, первой встречи за несколько лет заочного знакомства, и не мог даже и мысли допустить, что вдруг приведет за собой какой-либо «хвост». Именно поэтому в тот миг, когда дверь чуть-чуть приотворилась, Дубровинский еще раз окинул улицу внимательным взглядом.

В узкую щелочку, через цепочку, женский голос объявил, что время позднее и прием больных закончен. Дубровинский отозвался словами пароля, сообщенного ему утром Никитичем¹. И цепочка тотчас слетела, тоненько звякнув. Дверь распахнулась. Женщина слегка отступила в сторону, давая дорогу Дубровинскому.

¹ Л. Б. Красин.

На площадке второго этажа его встретила сама хозяйка квартиры. Как полагается врачу, вся еще овеванная запахами лекарств, но уже в простом домашнем платье. Подала руку, теплую, мягкую. Провела в прихожую. И показала, куда повесить промокшее тонкое пальто. Снять его Дубровинскому помогла горничная, та, что открывала входную дверь.

— Иннокентий,— назвал себя Дубровинский, непослушными от холода пальцами приглаживая волосы.

— Лаврентьева,— представилась хозяйка.— Вас ждут. Но, может быть, несколько минут вы согласитесь посидеть здесь, в этой страшной комнате?

Откинула тяжелую портьеру. Там находился зубо-врачебный кабинет. Мерцали в электрическом свете какие-то склянки, никелированные инструменты.

— Мне приходилось сживать, и не минутами, а месяцами, в комнатах куда страшнее этой,— сказал Дубровинский, поддерживая веселый тон хозяйки.— И я охотно провел бы сейчас минуты ожидания в таком вот целебном кресле.

Он слегка коснулся ладонью щеки. Лаврентьева приняла намек Дубровинского за шутку, улыбнулась и, кивнув головой, оставила его одного. Из-за портьеры доносилось тихое: «Настенька, приготовьте чаю, покрепче и погорячее. С лимоном. Подайте сюда. Нет! В столовую, как только наш новый гость перейдет туда».

Одолевал кашель. Зуб поднывал нестерпимо. Это началось в Таганской тюрьме перед самым выходом на волю, а потом добавил еще кронштадтский ледяной ветер. Надо бы, конечно, давно уже обратиться к врачу, да ведь все некогда. А сейчас вот и врач здесь и кресло... Дубровинский легонько потрогал упругий гибкий шланг бормашины, и зуб, точно испугавшись, сразу притих.

Почему Лаврентьева предложила немного подождать? Занят с кем-то другим Владимир Ильич? А может быть, отдыхает? Он ведь сегодня прямо с поезда. Женева, Стокгольм, Гельсингфорс — добрую неделю в дороге, на

*Иосиф Федорович
Дубровинский
(1877—1913).*

колесах. Вероятно, очень устал, изнервничался. Тем не менее чуть ли не в первый же час по приезде он повидался и очень обстоятельно побеседовал с Никитичем, с Лядовым. Успел побывать на Преображенском кладбище, где похоронены жертвы Кровавого воскресенья.

Перед глазами Дубровинского возникла картина жестокого, беспощадного побоища. Улица, запруженная народом, не знающим, что творится там, впереди. Возбужденные голоса, золотые хоругви, качающиеся далеко во главе колонны. Тщетные попытки его, Дубровинского,

остановить бессмысленное шествие. Опять и опять возникающая мелодия гимна, обрывисто слова: «Боже, царя храни... на славу нам... на страх врагам...» И потом толпа, рассеченная надвое конными казаками, словно спелая рожь под замахом косца. Сверканье обнаженной стали. Проклятия, стоны и кровь. Всюду кровь...

Да, тогда немного бы еще, лежать и ему под копытами лошадей. Впрочем, «немного» — постоянный спутник революционера, его добрый гений. И разве всего лишь две недели тому назад не это же самое «немного» опять сберегло ему жизнь?

...Кронштадт, луна на ущербе, глухая ночь, пустынная окраина, где только что прошли каратели, прочесывая все закоулки и стреляя без оклика в любого, кто возникал у них на пути. Далекий, неясный шум у казарм, окруженных прибывшими из Петербурга войсками, — последние минуты восстания. Восстания стихийного и грозного, как извержение вулкана. А все же сломленного, подавленного силой оружия. Пушки против винтовок, пулеметы против штыков. Он, Дубровинский, после тяжелого проигранного боя, увертываясь от бесчисленных патрулей, прокрадывается сквозь весь город к окраине. Впереди свободное шоссе, ведущее к морским причалам. Там, на пароходе, свои — надежное укрытие. И вдруг из-за угла еще один отряд карателей с винтовками на изготовку. Мелькнула чья-то тень перед ними, и острые языки пламени с сухим треском прорезали туманную полутьму. Офицер отделился от солдат, вышагивающих по-прежнему ровно, приблизился к упавшему человеку, пошевелил его ногой. «Штатский!...» — с досадой выкрикнул, догоняя отряд...

Вздрагивающей рукой Дубровинский провел по волосам. Закашлялся.

...Тогда он тоже был в «штатском» пальтишке, но в кармане лежал револьвер, важные и потому особо опасные документы. Что делать? Вступить в неизбежно гибельный бой? А бежать некуда. Привлеченные выстрелами, спешат и еще каратели. Тяжелый топот слышится за спи-

ной. Клеши. Какая-то доля минуты — и он окажется у всех на виду. Подтолкнула неведомая сила. Вот телеграфный столб. Обхватить его руками, шатаясь пьяно... А штыки поблескивают совсем уж рядом, и холодное дуло офицерского пистолета тычется снизу в подбородок: «У-у, нарезался, сволочь!» Тогда: «В-ваше вскок-благ-родие, х-ха-роший п-подвальчик разбили... В-виноват, в-выпил малость... К брату иду, на причалах ж-живет... Дорога к причалам эта?» Пистолет еще потыкался в подбородок. «А ну, шагай! — брезгливо и грозно: — Живее! Да по линеечке. Морда!»

Какое «немного» тогда удержало палец офицера на спусковом крючке?

Особенно сильно разболелся зуб именно после этого. Кажется, офицер пистолетом своим основательно долба-нул в челюсть. Да еще и нервное напряжение...

— Товарищ Иннокентий? Вот когда мы с вами встретились! Рад, рад чрезвычайно!

Веселый, сильный, стремительный голос.

Дубровинский быстро повернулся.

Да, да, пожалуй, именно таким он и представлял себе Ленина, человека, книгами и статьями которого он всегда восхищался, во всем хотел следовать его примеру. Вот он, Ленин, задержавшийся у порога, а все еще как бы в движении. Тронутый ранними морщинами обширный круглый лоб, резко очерченный подбородок, в глазах же — юношеская мягкость, такая умная усмешечка. Только одет, будто приказчик из скобяной лавки.

А Ленин протягивал руку, как-то очень уж оттопыривая большой палец и слегка склонив голову к плечу.

— Товарищ Ленин...

— Ну, я думаю, мы достаточно хорошо знаем друг друга, чтобы разговаривать проще. Здравствуйте, Иосиф Федорович, здравствуйте! Рад увидиться с вами!

— Здравствуйте, Владимир Ильич! Возможно...

— Простите! — Ленин стиснул пальцы в кулак и вновь раскрыл ладонь. — Простите. И позвольте прежде

Владимир Ильич Ленин. 1900 год.

всего рассеять одно досадное недоразумение. В ожидании вашего прихода я решил набросать статейку для ближайшего номера «Новой жизни», попросил нашу милейшую хозяйку несколько повременить с чаем и, очевидно, имел неосторожность сказать какие-то такие слова, из которых следовало, что я прошу вообще меня не беспокоить. И вот картина: я бестревожно пишу свою статью, а вы здесь, среди орудий пыток, меня дожидаетесь. Идемте! Идемте, Иосиф Федорович, будем пить чай и разговаривать. Я вас перебил на слове «возможно». Итак — возможно...

— Возможно, Владимир Ильич, вам все же не следовало прерывать работу. Мне, например, сегодня совершенно некуда торопиться. Могу подождать сколько понадобится.

— Эка, батенька, это уже хитрость! И шитая белыми нитками. Статья моя от меня тоже никуда не уйдет, попозже несколько я ее все равно допишу, а время беречь каждому необходимо. И вам в том числе. Иначе у меня сложится о вас дурное мнение. А до сих пор оно было очень хорошим.

Он стоял, улыбаясь, заложив руки за спину и показываясь на носках. Потом подшагнул, взял Дубровинского за рукав и повел, чуть приотстав от него, в столовую. Здесь свет был менее ярок, чем в кабинете, мебель темнее, дальние углы представлялись вообще неразличимыми, господствовала какая-то особая тишина, при которой и разговор складывается душевнее, доверительнее. Чай стоял уже на столе. Тут же лежали листки бумаги, по-видимому, наброски незаконченной статьи. Ленин сдвинул листки в сторону, сказал, свободным жестом предлагая Дубровинскому самое удобное место:

— Вспоминаю, как развеселила нас Медведь¹ в трудные женевские месяцы перед Вторым съездом. К решению Астраханского комитета в поддержку «Искры» она тогда приложила свое письмо. А в письме содержались прибли-

¹ М. И. Ульянова,

зительно такие строчки: «Появился наследник. Назвали Леонидом. Не налюбujemyся на него, подает очень большие надежды». Слышите, Иосиф Федорович? Это касалось вас. А Медведь в своих оценках всегда бывает строгая.

— Да, в Астрахани меня называли Леонидом,— сказал Дубровинский. Похвалы Ленина его смутили, заставили покраснеть.— Возможно, что тогда я и подавал какие-то надежды.

— Опять — «возможно»? Вы были отличным агентом «Искры» и превосходным руководителем Астраханского комитета! Стало быть, не только подавали, но и оправдывали надежды.— Ленин слегка погрозил пальцем:— Чего я никак не скажу относительно вашей примиренческой позиции на протяжении всего минувшего года почти до злополучнейшего ареста. Вот вам аттестация напрямую, для начала нашего личного знакомства. А теперь рассказывайте, как Никитич пытался вызволить вас из мерзейшей Таганской тюрьмы, да не успел? Наслышан я об этом только в самых общих чертах.

— Да что же, Владимир Ильич, об этом рассказывать. Дело давнее.

— Ну хотя бы и давнее. Три недели вы на свободе. А все-таки? Действительно собирались к вам сделать под-
коп?

— Копали, Владимир Ильич.

— А поподробнее?

Ленин угощал Дубровинского. С удовольствием охватывая ладонями свой стакан — в комнате было прохладно,— потирапливал:

— Жду, Иосиф Федорович!

— Перед тюремной стеной со стороны Москвы-реки...

И Дубровинский коротко, сжато рассказал, как Никитич арендовал на пустыре перед тюремной стеной участок земли. Объявил о создании общества по производству бетонных изделий. А затем огородили участок высоким забором, возвели большой деревянный сарай — словом, создали необходимую маскировку. Никитич назначил себя директором общества, появились у него и приказчик с

помощником, рабочие — все как полагается. И повели подкоп под тюремную баню. Туда раз в неделю водили заключенных небольшими группами, и можно было подобрать нужную группу только из политических, бывших членов Центрального Комитета. Все шло на лад. Под видом родственников в тюрьму «на свидание» заходили товарищи с воли, сообщали, как продвигается работа, объясняли и уточняли план побега. Однажды явился даже сам Никитич...

Веселые огоньки прыгали в глазах Ленина. Было заметно, что ему по сердцу хитрая затея с подкопом под тюремные стены. Но тут он не выдержал, вскочил. Прошелся по комнате, засунул руки в карманы. Потом рывком выдернул правую.

— Глупость! Мальчишество! — выкрикнул, останавливаясь и покачиваясь на носках. — Начать так толково, а затем пойти на бессмысленный риск с угрозой провала вообще всего дела! Это и похоже и не похоже на Никитича! Теперь я понимаю, почему он сам как-то стеснялся рассказывать об этом предприятии.

— Владимир Ильич, мне думается, он стеснялся просто потому, что свой замысел ему не пришлось довести до конца. Октябрьский манифест...

— ...вырванный волей народа!

— ...открыл двери тюрьмы прежде, чем можно было добраться к нам под землей.

— У вас очень доброе сердце, Иосиф Федорович, — сказал Ленин сердито, однако не гася веселого блеска в глазах. — Вы все стремитесь сглаживать, а не обострять. Это не всегда полезно. Это чаще всего вредно! Зарубите себе на носу.

— Принимаю упрек, Владимир Ильич. Но когда я занимал примиренческую позицию перед Третьим съездом, не желал, боялся этого съезда, полагая, что он усугубит раскол...

Ленин протестующе поднял руку.

— Стоп! Условимся не вспоминать больше об этом. Вы тогда, батенька, напортили делу изрядно. Но что

Let's go People matter a lot more. It takes some time.

1 1/2 25 111 118 1 101

с вас взять, когда толкнул вас на примиренчество Клэр¹? Он тоже каялся, рассказывал, как это тогда получилось. И хорошо, что вы исправили свою ошибку. Ваша работа потом была просто-таки превосходной. Если бы вас не закатали в тюрьму, мы с вами встретились бы уже на Третьем съезде. И полными единомышленниками!

— Владимир Ильич, легко делать ошибки, тяжело в них признаваться, но еще тяжелее сваливать вину на другого. Клэр, конечно, как вы говорите, «подтолкнул» меня, но, окажись в ту пору и сам я потверже в своих убеждениях, такого бы не случилось. Толчок со стороны не оправдание.

— Ну что же, хорошо! Хотя я и адвокат, но защищать вас от вас же самого больше не буду. Прошу только иметь в виду, дорогой Иосиф Федорович, что царская тюрьма штука мучительная, однако угрызения собственной совести — наказание мучительнее всякой самой скверной каталажки. Поэтому наказывайте себя. Сурово. Но не бессрочно. Исправили ошибку, загладили вину — не прячьте глаз, не опускайте голову.

— Стараюсь делать именно так...

— Только — «стараюсь». Стало быть?

— А свой собственный счет все же веду. Это откладывается даже не в памяти у меня, а как бы во всех клеточках тела. И совершенно против воли моей, по каким-то неведомым мне законам природы.

Ленин тихонько рассмеялся.

— Законы природы... Есть много, и очень разных, законов. Одни полагается исполнять со всей прилежностью, другим — сопротивляться, ибо не все законы природы полезны и хороши для человека. Не признаю законов, которые способствуют накоплению, по вашему определению, дорогой Иосиф Федорович, во всех клеточках тела этакой, знаете, отравляющей грусти и сожалений о содеянном. Не заполняйте отравой «всех клеточек

¹ Г. М. Кржижановский.

Мария Ильинична Ульянова (1878—1937).

тела»! Храните в памяти, в сердце, в душе, черт возьми, удачи свои! Да, да, прежде всего удачи.

Он несколько раз прошелся по комнате взад и вперед, при поворотах задевая плечом разлапистый филодендрон, занимающий лучшее место у окна. Остановливался на минутку, ладонью успокаивая кожистые, разрезные листья, и снова шагал.

Дубровинский молчал. Слова Ленина были ему приятны той открытой, дружеской простотой, которая сразу сближает людей, делает излишними многие общепринятые церемонии. Хотелось отозваться на это с такой же свободой и непринужденностью. И все-таки что-то сдерживало. Что именно? Может быть, некоторая разница в возрасте, в житейском и политическом опыте? Может быть, та гигантская сила ленинской мысли, что покоряла всегда при чтении его книг? Или просто обаяние личности, этот лучащийся душевной теплотой взгляд, от которого все же почему-то немного робеешь?

За окнами, внизу, по булыжной мостовой тяжело прогрохотала телега. И сочный молодой голос, казалось, прорезался сквозь стекло: «Э-эй, мила-ая!» Ленин откинул шторку, взгляделся в темноту.

— Мрак. И огоньки вдалеке, будто в рассказе Короленко,— проговорил он, отходя от окна.— До чего же памятны мне все прошлые питерские ночи! Темные. И с обязательными огоньками вдалеке. Вы не представляете себе, Иосиф Федорович, как я томился и свирепел в этой самой благополучной, благонравной и филистерской Женеве! А в особенности в Стокгольме, на пути сюда, ожидая, когда мне наконец-таки вручат приличную фальшивку, именуемую паспортом, и я смогу пересечь границу, чтобы включиться в кипящее, живое дело. Газета! Восьмидесятитысячный тираж! А взяться как следует — и сто тысяч? Черт возьми! И все на родной земле, без необходимости организовывать самый сложный транспорт по морям и по волнам. Вы счастливчик, Иосиф Федорович, да, да, счастливчик, несмотря на все старания российской охраны закатать вас покрепче и подальше,— революция, эта

хорошая наша революция, развивалась и развивается все время у вас на глазах, при вашем непосредственном участии.

— Существенного мне не удалось сделать ничего. А тюрьмы и ссылки—это лишь невозвратимая потеря времени.

— Ерунда!

Ленин сделал несколько шагов к столу. Дубровинский сидел, поглаживая щеку.

— Ерунда,—повторил Ленин.—У революционера, если он действительно революционер, не бывает, не может быть невозвратно потерянного времени. И вы, батенька мой, не наклепывайте на себя—вы тоже не теряли. У вас его отняли. А это совсем другое дело. Вы скажете: вот придира к словам! Что в лоб, что по лбу. Потерян или отнят у человека кошелек с деньгами, результат тот же самый—денег-то нет. Но в первом случае виноват только сам разгильдяй, недотепа, который не умеет беречь свое достояние, и обращать свой гнев ему не на кого больше, кроме как на самого себя. Во втором случае виновен грабитель, насильник, и пострадавший не только сам обязан со всей яростью вступить с ним в борьбу, но и призвать на помощь весь честной народ. Как видите, разница есть. Итак, злитесь на тех, кто отнял у вас время. А насчет потерянного... Неужели в тюрьме и в ссылке, полагаете сами, вы бездельничали?

— Нет, разумеется, не бездельничал, Владимир Ильич,—сказал Дубровинский. И закашлялся.—Прочитал множество книг. Достаточно хорошо изучил немецкий язык, могу свободно переводить.

— Ну вот видите!—удовлетворенно воскликнул Ленин. И присмотрелся к Дубровинскому:—А что это вы покашливаете? И за щеку держитесь? Простужены? Зуб болит?

— Да так... пустяки.—Дубровинский торопливо отнял руку от щеки. Сделал это почти совсем автоматически, подсознательно боясь, что его ноющий зуб может оказаться, хотя бы и на короткое время, предметом разго-

вора. Боль, на которую и жаловаться даже как-то неудобно. А кашель — ну это дело давнее. И привычное. Он повторил: — Пустяки!

— Препоганая штука, — не согласился Ленин. — И нелепейшая, если человек с зубной болью находится в квартире дантиста, но по совершенно другому поводу. Может быть, обратиться к заботам нашей любезной хозяйки?

— Да что вы, Владимир Ильич! — решительно отказался Дубровинский. — Терять время?

— Опять спор о потерях времени! — Ленин вынул из кармана часы, посмотрел на циферблат и с сожалением щелкнул ногтем по крышке. — Гм, гм! Времени у нас действительно маловато. Но зубы, если болят, совсем не пустяки. В десять часов вечера назначено расширенное заседание Петербургского комитета, высказать там некоторые свои соображения мне крайне необходимо. И мне еще хотелось бы кое о чем вас расспросить. Но пусть сегодня вами займется Лаврентьева. Нет, нет — никаких возражений! Лечитесь! Революционер должен быть «зубатым». В любом смысле этого слова.

И все же Дубровинский стал горячо возражать, доказывая, что зубная боль и прежде никогда не мешала ему быть, где надо, «зубатым». А сегодня и тем более он способен продолжать разговор. Другое дело, что сам Владимир Ильич, по существу, прямо с поезда. Он первый день в России, в Петербурге...

— Те-те-те, батенька! — перебил Дубровинского Ленин. — Понимаю, куда вы клоните. Вот именно поэтому я и должен всюду поспеть. В первый день на свежий взгляд, на свежую голову все видится, слышится, делается лучше. Первый день — это всегда самый большой и самый важный день. Если бы все дни подряд были только первыми! И коль скоро вы способны еще продолжать разговор — расскажите подробнее, что произошло в Кронштадте? Вы были свидетелем, вы были участником событий.

Ленин уселся за стол, боком к Дубровинскому. Не-

сколько раз провел рукой от виска к затылку, приглаживая мягкие редкие волосы, и приготовился слушать.

— В Кронштадте, Владимир Ильич, произошла тяжелая и горькая ошибка. Восстание там зрело давно, было неизбежным...

— ...и необходимым!—вставил Ленин.—Как и по всей России.

— И необходимым,—подтвердил Дубровинский.—Но точно разработанным по срокам оно не было. А приближительные сроки — имелся в виду самый конец октября — это неопределенность. Восстание получилось стихийным. И вот много убитых, раненых. Почти четыре тысячи арестованных, которым грозила виселица.

— Вы сказали: «ошибка». Люди не понимали, во имя чего берутся за оружие, или не знали, как действовать?

— Кронштадт был раскален давно уже, с прошлого года, когда чуть не насмерть заporоли розгами матроса Кандыбина. А мы не сумели взять руководство в крепкие руки, не сумели провести свой план. Стихия опередила нас.

— Т-так... Да, это скверно, архискверно, когда стихия опережает нас! «День за год!»—вот лозунг, которому обязаны подчиняться борцы в период революции. Они должны быть впереди стихии, угадывая ее возможный взрыв, и, во всяком случае, при взрыве немедленно становиться во главе движения! Тут я с вами согласен полностью. Итак, восстание в Кронштадте началось раньше, чем предполагалось. Что непосредственно послужило тому причиной?

— Комендант крепости генерал Беляев арестовал нескольких солдат и матросов, настроенных революционно, и приказал отправить, заточить в один из фортов. Судить. Они были посажены в вагоны на глазах у матросов, свободных в тот вечер от службы. Матросы потребовали выпустить арестованных. Ссылались на царский манифест от 17 октября. Офицер охраны ответил грубым отказом. Матросы бросились к офицеру. Он стал стрелять в упор. Убил двоих. И тогда началось...

Ленин порывисто ударил ладонью по столу.

— А что иное оставалось делать матросам? — сказал он. — Мы допускаем чудовищно много различных ошибок. Однако подавление кронштадтского восстания — это не победа самодержавия, и горькие наши потери в этом восстании — не роковые потери. Кронштадт — закономерная фаза одного большого сражения, которое пролетариат дает царизму. Разве могло не быть Кронштадта после броненосца «Потемкин» и после Кровавого воскресенья здесь, на Дворцовой площади? И разве уже не был после матросского Кронштадта матросский Владивосток? Будут! Черт возьми, будут и еще восстания, целая цепь таких неизбежных и необходимых восстаний, вплоть до самого последнего и решительного!

Он задумался, постукивая пальцами по столу. Взгляд у него сделался суровым. Настроение Ленина передалось Дубровинскому.

— Да, последнего и решительного...

— ...которое я охотно оттянул бы до весны! — Ленин потер лоб рукой. — Но разве нас спросят? Так же, как не спросили и в Кронштадте. Идея революционной борьбы уже вырвалась из тесных рамок подпольных кружков, овладела миллионами пролетариев. Их надо направить точно, ими надо руководить.

— Устной пропаганды и агитации для этого недостаточно. Пospеть на все собрания, митинги просто физически невозможно, — сказал Дубровинский.

— Вот именно! Поэтому я так и рвался в Питер, где нынче открылась прекраснейшая возможность через газету, нашу газету, разговаривать с миллионами. И завтра же, не откладывая, завтра же, нам следует собрать расширенное заседание редколлегии! «Новая жизнь» должна начать новую жизнь! Но вернемся, Иосиф Федорович, еще раз к Кронштадту. Объясните точнее, что же все-таки в наибольшей мере и конкретно там послужило причиной неудачи? Только ли некоторая преждевременность начала восстания?

Дубровинский сидел, нервно подергивая кончики ры-

жеватых усов, опущенных вниз. Как объяснить Ленину, если он до последнего времени сам себе не мог со всей определенностью ответить на такой вопрос? И в тот миг, когда внезапно ударили первые винтовочные залпы. И когда прогремели последние выстрелы, скосившие у него на глазах ни в чем не повинного «штатского», а ему, Дубровинскому, тоже смертью грозя, только потыкалось в подбородок холодное дуло офицерского пистолета. И когда, вернувшись из Кронштадта, он дни и ночи проводил на рабочих собраниях, выступал с горячими речами в поддержку арестованных участников восстания, писал листовки, прокламации и призывал от имени Петербургского комитета РСДРП к всеобщей политической стачке, чтобы силой гнева народного предотвратить кровавую расправу над восставшими. И комитету это удалось. Забастовало сто сорок тысяч человек. Правительство перепугалось. Военно-полевой суд с его обязательными смертными приговорами был заменен военным окружным судом, что означало сохранение жизни всем подсудимым. Это победа революции. А в чем причина ее поражения там, в Кронштадте?

— Вижу, вам затруднительно ответить,— сказал Ленин.— Вам не хочется повторить полюбившееся весьма общее слово «ошибка», а иного определения вы не найдете. Так? И поэтому не можете назвать мне ни одной конкретной причины.

Подергивая кончики усов, Дубровинский молчал. Нет, конечно, не так, не совсем так думает он сам, как говорит сейчас Ленин, жестоко заостряя свой вопрос. Но действительно слово «ошибка» нависло, роковым образом нависло над событиями, мешая их объективной оценке.

— Все дело, дорогой Иосиф Федорович, очевидно, в том, что вы приравниваете частное к целому. По отношению к назревшей революции, как к целому, отдельное восстание, если оно плохо подготовлено и проведено, может стать серьезной ошибкой. И искать причину неудач в таком случае следует именно в самом лишь восстании, но отнюдь не в революции вообще. Анализ всегда дол-

жен идти вглубь. Пойдемте вглубь. Кронштадтское восстание — одна из частиц, составляющих назревшую революцию. Давайте теперь примем его как нечто целое, а затем уже по отношению к этому целому поищем допущенные ошибки. В чем они? В чем они, частные, конкретные ошибки?

Дубровинский прикрыл глаза ладонью. Он любил точные науки — логику, математику. Но со своей повседневной работой революционера-подпольщика никогда их не сопоставлял, действовал, как ему казалось, просто по обстоятельствам. А ведь жизнь в любом своем проявлении действительно подчинена и некоторым общим законам. Ленин предлагает своеобразный математический ключ...

— Итак, какими вооруженными силами было подавлено восстание? — допытывался Ленин. — Внутренними, кронштадтскими же, или присланными из Петербурга?

— Главным образом присланными из Петербурга, — ответил Дубровинский. — Не появились они так быстро, некоторые, вначале верные правительству части кронштадтского гарнизона непременно затем присоединились бы к восставшим.

— И оружия хватило бы ответить не винтовочными выстрелами, а пушечным огнем на пушечный огонь карателей?

— Владимир Ильич, Кронштадт — абсолютно непобедимая крепость. Если бы она была восставшими захвачена полностью до подхода карательных войск, не знаю, какая сила могла бы ее одолеть.

— И упустили! — с досадой сказал Ленин. — А по каким путям так быстро подоспели каратели? Кронштадт — остров. Почему сразу же не были надежно закрыты главные пути? Не это ли одна из самых существенных ошибок?

— Да, это так, — поколебавшись, ответил Дубровинский. — Но как именно все это получилось, разобраться сейчас в подробностях невозможно.

— И не будем пока разбираться в подробностях. Раз-

беремся в самом основном. Не научились мы еще по-настоящему думать и заботиться о военной стороне восстаний. Вот в чем штука! Да, да! И сегодня в беседе со мной Никитич, наш ответственный техник, финансист и транспортер, полностью тоже подтвердил это. Но ведь время течет, оно не ждет, вспыхнут и другие восстания, Иосиф Федорович. И вам придется участвовать в них непременно. Надеюсь, не только агитатором. Быть может, руководителем! Не забывайте о военной стороне дела. И вот об этом, не сегодня, у нас с вами будет еще большой разговор.

Ленин снова поднялся и заходил по комнате, заложив руки за спину. Пальцы у него все время беспокойно шевелились.

— Вы в Кронштадте подвергались большой опасности, Иосиф Федорович?— спросил он, останавливаясь.

— Нет,— сказал Дубровинский.— Опасности для меня лично не было никакой.

— Дяденька¹ рассказывала, как вы, будучи в Астрахани агентом «Искры», ночью при наисквернейшей погоде выходили на легкой лодочке в открытое море подбирать сброшенные с пароходов на воду транспорты с нелегальной литературой. И совершенно пренебрегали опасностью. Это вам делает честь. Однако выдержка и разумная осторожность совсем не лишнее качество для революционера.

— Опасности и на Каспии не было никакой. Дяденька преувеличивает. Женщинам это всегда несколько свойственно.

Ленин весело рассмеялся, погрозил пальцем.

— Ну нет. Лидия Михайловна неспроста сделала Дяденькой. Мужская кличка ей дана была не зря!

Он сразу стал серьезным. Присел у стола на краешек стула, подвернув под себя правую ногу. Заговорил, пристально всматриваясь в собеседника:

— Газета! Брошюры, листовки, печатное слово во всех

¹ Л. М. Книпович.

видах! Вот что нам сейчас больше всего необходимо. Руководить партией, пролетариатом России при теперешнем гигантском росте рабочего движения можно только печатью. Представляете? Женевская наша газета станет теперь «подсыхать» — и не страшно! — все эти дьявольские трудности: печатание, пересылка — теперь мы станем работать с размахом, грандиозно, здесь, при существующих ныне довольно-таки приличных возможностях издательского дела. «Новая жизнь» в Петербурге — отлично! Но этого крайне мало. Не представляю Москвы, где очень сильная партийная организация, без хорошо поставленной крупной рабочей газеты. И может быть, даже двух газет! Иосиф Федорович, вот вам предложение: возвратиться в Москву и заняться там организацией печати. Ответственно, крупно. Вас в Москве хорошо знают, вы Москву хорошо знаете, вам все карты в руки. Согласны?

Вопрос Ленина, хотя и подготовленный всем ходом разговора, тем не менее словно обжег Дубровинского стремительностью, с какой был задан. Непроизвольно он схватился за щеку.

— Ах, все-таки зубы? Ну ничего, как говорится, до свадьбы заживет! При содействии нашей любезной хозяйки, — шутливо сказал Ленин, заметив движение Дубровинского. И потер руки. — Вы согласны!

— Я не ответил еще ничего, Владимир Ильич.

— Нет, вы ответили. Глаза ваши ответили. Итак, послушайте теперь мой вам совет. «Новая жизнь», сказал я, отлично. Подтверждаю. И все-таки в этой газете многое, чрезвычайно многое надо сломать! Редакция — на Невском. В роскошном доме. В кабинетах мягкие ковры. Да разве заводской рабочий со своей малограмотной еще корреспонденцией осмелится зайти в такое помещение? А это самые наижеланнейшие авторы! Хроника по примеру буржуазных газет заполнена великосветскими сплетнями. Очень это пролетариям интересно! А настоящей, рабочей хроники нет. Редакторы назначили сами себе неимоверно высокие оклады, и это создает недобрую грань между ними и остальными сотрудниками редакции,

*Глеб Максимилианович
Кржижановский
(1872—1959).*

а ведь работать-то приходится вместе. Полно декадентов, надо всеми господствует Минский... Дорогой Иосиф Федорович, начиная дело в Москве, постарайтесь всего этого сразу же избежать. Вас пугает денежная сторона дела? Все издержки обещает взять на себя Максим Горький. Что еще? Завтра сюда из Москвы приедет Марат¹, и мы тогда окончательно по всем деталям договоримся. А теперь — руку, Иосиф Федорович!

И протянул свою, раскрытой ладонью вверх. Дубровинский крепко пожал ее. Ленин вынул часы, посмотрел с сожалением на стрелки. Потом защелкнул крышку, подержал часы, как бы взвешивая.

— Пора идти, дьявольски быстро бежит время, — ска-

¹ В. Л. Шанцер.

зал он, собирая со стола листки недописанной статьи и засовывая их во внутренний карман пиджака.— Пора идти. Но завтра мы с вами непременно встретимся.

Дубровинский поспешно встал.

— Прежде вас на улицу выйду я, Владимир Ильич. За углом пропущу вперед и пойду вслед по другой стороне.

— Что?!— вдруг совершенно несвойственным ему басом воскликнул Ленин.— Провожать меня? Ни в коем случае! Да, батенька мой, я получше вас знаю все питерские подворотни! И все проходные дворы. Притом в России нынче «свобода», а у меня вполне пригодный паспорт. И одет я, как видите...— Он пробежался руками по отворотам старенького пиджака, пристукнул каблуками грубых растоптанных штиблет.— Наконец, я вооружен!

— Нет, нет, все равно,— взволнованно сказал Дубровинский,— никак невозможно допустить, чтобы в Петербурге в первый же свой день и вы оказались на улице без провожающего.

— Вот как?— иронически проговорил Ленин.— Так-таки и невозможно допустить? А ведь сюда-то я пришел один!

Он распахнул дверь, громко позвал Лаврентьеву. Она откликнулась откуда-то издали, но очень быстро появилась на пороге.

— Ухожу! Но преогромнейшая к вам просьба. Посмотрите сейчас же товарища Иннокентия. У него зверски болят зубы. А завтра ему предстоит весьма трудный и хлопотный день. Пожалуйста, помогите товарищу!

— Конечно, конечно!— с готовностью заявила Лаврентьева.— Товарищ Иннокентий мне и сам об этом намекал, да я не поняла. Такого ведь никогда еще в моей практике не бывало, чтобы свои приходили ко мне лечиться.

— Стало быть, плохо лечите,— сказал Ленин.— Ну, ну, не сердитесь! И простите. Это просто топорная шутка.

— Когда признаются — прощаю.

Он пожал руку Лаврентьевой.

— А признайтесь и вы тогда, что встретили меня с большим подозрением. Пароль как-то нетвердо я выговорил. Провокатор?

— Да что вы!

— Шучу, все шучу! Но Лядов, знайте, так-таки рассказал, как вы заставили сначала в щелку двери поглядеть, опознать меня, и только тогда позволили ему войти в комнату. Было?

— Было.

— И совершенно правильно сделали! А теперь тащите скорее товарища Иннокентия куда полагается. Мне тоже надо поторапливаться. Не привык опаздывать.

Подошел к Дубровинскому, стиснул ему руки у плеч, постоял, улыбочиво вглядываясь в его немного обескураженное лицо.

— Знаете, я очень, очень рад встрече с вами!

Дружески встряхнул. Отступил, пробегая пальцами по борту пиджака — все ли застегнуты пуговицы. И скрылся за дверью.

ЖАРКИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Ни в Петербургском комитете РСДРП, где уже прокатилась опустошительная волна арестов, ни на даче «Ваза» не знали и, конечно, знать не могли, какое именно предписание вышестоящих властей под грифом «совершенно секретно» получил в эти дни генерал Герасимов, начальник столичного охранного отделения. Ни в одном из пар-

тийных комитетов, ни на даче «Ваза» со всей достоверностью не знали и, конечно, знать не могли, что постепенно в особой папке директора департамента полиции Трусевича накопилось изрядное количество тревожных агентурных сообщений, подталкивающих к самым решительным действиям.

Седой, с длинными тощими бакенбардами, Трусевич перебирал эти сообщения, вызывая к себе сотрудников, ведающих заграничным сыском, советовался с ними. Картина в представлении Трусевича получилась достаточно ясная. После горячих и длительных схваток на Лондонском съезде идейную победу над меньшевиками одержал Владимир Ульянов, иначе — Ленин, и его сторонники. А это опасно, «большевизм» — это очень опасно. Ленин — великолепнейший теоретик и прежде всего человек дела, удивительный организатор. Цель его постоянна — свержение самодержавия, захват власти пролетариатом. Он не остановится на полпути. Партия, которую он создает вопреки всем разрушающим ее силам, растет как горная лавина. Всего лишь десять — двенадцать лет тому назад мелкие группки, марксистские кружки из люмпен-пролетариев и студентов-недоучек, а вот теперь, даже после жестокого «окорота» в 1905 и в 1906 годах, если верить их газете «Борьба», партия насчитывает сто пятьдесят тысяч человек. И этому нельзя не верить, потому что на Лондонском съезде собралось свыше трехсот делегатов, а каждый из них по установленным нормам представлял примерно как раз полтысячи членов партии. Бессмысленно, совершенно бессмысленно заниматься арестами мелкой сошки, оставляя на свободе главаря. К сожалению, этого не сумели проделать вовремя. А после Лондонского съезда следы Ленина затерялись...

Трусевич вновь и вновь перелистывал агентурные донесения. Отлично поработали некоторые. Вот, например, начальник виленского охранного отделения сообщает, что от Вильно делегатом на съезд выехал «Хлыст», один из его самых толковых сотрудников. Надо думать, больно

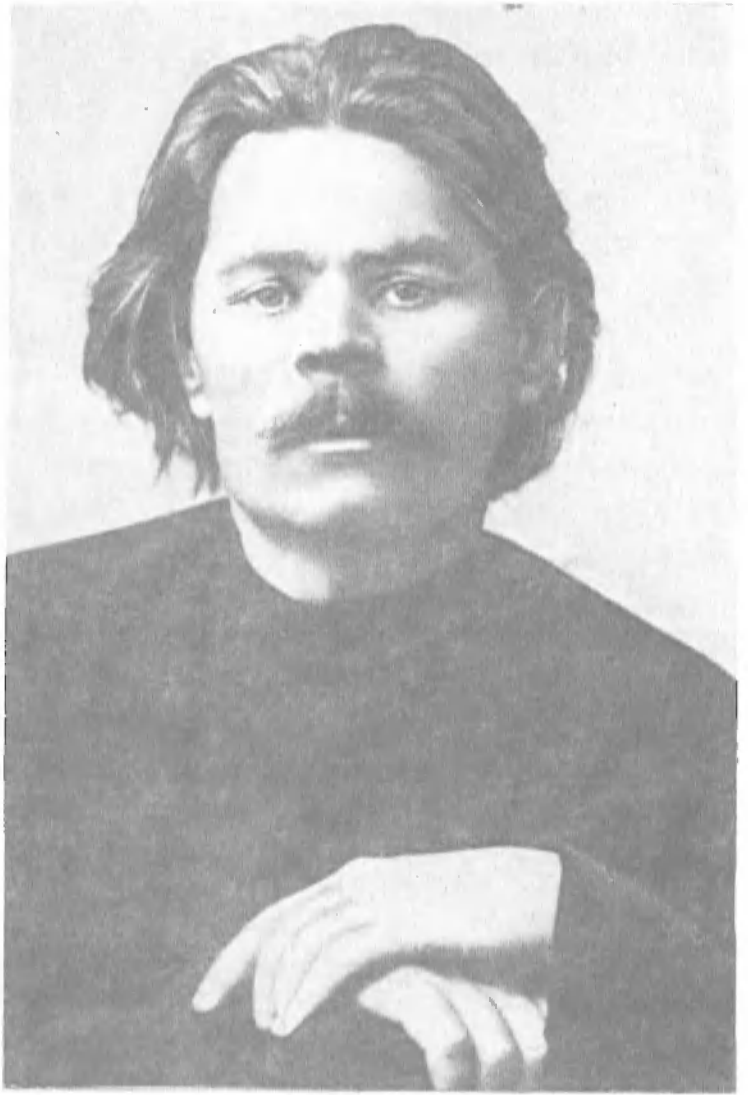
стегнет кой-кого этот «Хлыст». А Гартинг, золотой человек, хотя и прожженная бестия, описывая в мельчайших подробностях весь ход Лондонского съезда, докладывает, что врач Житомирский — партийная кличка «Отцов» — даже был избран в состав комиссии, ведавшей отправкой делегатов на родину, и избран именно от фракции большевиков. Ха-ха, господа социал-демократы, что называется, пустили козла в огород! Если Гартинг, глава заграничной агентуры, золото, так Житомирский, как рядовой агент, по меньшей мере серебро!

Правда, Житомирский ленинский след тогда потерял, но ведь Ленин — фигура, которая не нуждается в заботах какой-то «комиссии». Взял, сам купил билет и, куда ему надо, уехал. Но тем не менее как раз Житомирский снова нашел живую ниточку. Эта ниточка — Дубровинский, по кличке «Иннокентий», чахоточный, негодяй, трижды уже побывавший в тюрьме, которому по слезной просьбе жены из-за плохого здоровья трехгодичную высылку в места отдаленные заменили выездом за границу без права возвращения до срока в пределы Российской империи. Иначе тут же — фюйть! — на ледяной север. Иннокентий давно уже стал одним из ближайших сподвижников Ленина. По пословице, куда иголка — туда и нитка. А ниточка-то после съезда явственно протянулась в Финляндию! Стало быть...

И вот действительно Гартинг доносит, как обычно немного жеманничая даже перед собственным начальством, что «по полученным из совершенно секретного источника сведениям, не подлежащим оглашению, Ленин живет в Финляндии». Бог с ним — «секрет»! Кому Гартинг набивает цену? Все своему любезному Житомирскому?

Но главное — Ленин теперь может быть взят под неусыпное, зоркое око генерала Герасимова.

Трусеви́ч перелистывал бумаги. И вот уже проследки филеров петербургского охранного отделения. Да, подтверждается: некто, очень похожий на Ленина, живет в Куоккале, на даче «Ваза», принадлежащей господину Энгестрему, а в наиболее близком к нему окружении на-

*Алексей Максимович
Горький (1868—1936).*

ходятся Лейтейзен, Книпович, Рожков, Богданов и этот самый Дубровинский. Последние два сейчас и живут на той же самой даче.

Впрочем, что — филерские проследки! Какой прок из того, что теперь будет известен каждый шаг Ленина по финской земле? Все равно оборвать, сделать эти его шаги там последними не так-то просто! Император всея Великия, и Малыя, и Белыя Руси, царь Польский, великий князь Финляндский, и прочая, и прочая... А «великий князь Финляндский» на «подвластной» ему земле не имеет права по своему усмотрению дать повеление департаменту полиции арестовать опаснейшего революционера.

Для этого необходима санкция целого ряда финляндских инстанций, вплоть до сената. Финляндия же вся сама насквозь пропитана социал-демократическими настроениями.

Пока пробьешься сквозь густой частокोल этих всяких «инстанций», глядишь, и рыбка снова куда-нибудь уплывет.

Действительно, эта самая Финляндия для российской полиции нечто вроде домашнего аквариума. Защищенные прозрачным стеклом, в нем резвятся и плавают рыбки. А российская полиция при этом в роли кота. Он может сидеть возле аквариума, не сводя голодных глаз с этих вкусных рыбок и облизываясь, может даже лапой с выпущенными коготками водить по стеклу сколько будет угодно, однако рыбки все равно ему не отведать, пока хозяин не пожалеет кота и не выхватит для него из аквариума рыбку сачком. Сам Ленин превосходный юрист, он все понимает и вряд ли захочет доставить удовольствие коту, так сказать добровольно выбросившись из спасительного финляндского аквариума на петербургский пол. Границу он, конечно, не пересечет. Значит, надо изловчиться, взять его при помощи финляндских властей на месте, в Куоккале. Тут, близ Петербурга, сделать это все-таки чуть-чуть проще. Худо, если он заберется куда-нибудь в глубь Финляндии. Пусть же и столичное охранное отделение пошевелится как следует.

Александр Васильевич Герасимов давненько не был занят серьезным делом — потревожить его генеральское спокойствие.

И Трусевич, внутренне гордясь превосходством своего гражданского сана над военным чином Герасимова, подписал «совершенно секретное» распоряжение генералу собрать все необходимые для ареста Ленина сведения и возбудить в установленном порядке перед финляндскими властями вопрос о выдаче Ленина. Подписал и вздохнул, расправляя тощие бакенбарды: «Сколько еще понадобится времени, чтобы эта бумага приобрела свою реальную, грозную силу!»

Именно об этом вот предписании департамента полиции на даче «Ваза» не знали ничего. Но, как вполне обоснованно и предполагал Трусевич, Ленин знал хорошо, что взять его на финляндской территории русской полиции не легко, однако недавний разгон II Государственной думы, арест членов ее социал-демократической фракции и аресты многих членов Центрального и Петербургского комитетов партии — это такие недобрые признаки все более свирепеющей реакции, к которым следует относиться с предельной настороженностью. Ленин знал: существуют законы, но любые законы могут быть круто и быстро изменены и даже просто по-хамски нарушены. Он рвался в Питер. И сдерживал себя.

А еще сказывалась безмерная усталость после Лондонского съезда, напряженного, нервного, долгого. Отоспаться бы! Залечь по-медвежьи на добрых полгода и отоспаться в полнейшей тишине!

Стояло прекрасное, жаркое лето. Временами, как по заказу, перепадали и маленькие дожди. Они не промачивали землю глубоко, но после них воздух делался особо вкусным, нежным, а к вечеру и вовсе томительным, хмельным. Была пора белых ночей, волшебных ночей, когда в любой самый поздний час наверняка можно увидеть под зеленым сводом листвы медленно бредущие неведомо куда воркующие пары. Либо одиночек, сосредоточенно, по-философски, вперивших взор в прозрачные небесные дали. Плохо спится людям в белые ночи, неведомая сила заставляет их подолгу оставлять свои постели несмятыми.

А вот Ленину спалось хорошо. Едва солнышко садилось на вершины высоченных прямоствольных сосен и лучи его начинали путаться и дробиться среди плотных крон, Владимир Ильич украдкой, в ладошку, принимался позевывать, а потом заявлял и вполне откровенно:

— Надюша, не могу. Пойду лягу... Доброй ночи!

Надежда Константиновна хитренько подмигивала ему.

— А может быть, пройдемся по лесу? Чайку попьем?..

— Да, да, пройдитеесь. И чайку потом попейте. А я, с вашего разрешения, лягу уже сейчас.

И скрывался в своей комнате, служившей ему с Надеждой Константиновной и спальней и рабочим кабинетом. Он вообще после Лондона все время отказывался от еды и повторял с удовольствием лишь одно: «Спать! Спать!»

Но уснуть не всегда удавалось. Чаще всего как раз под вечер приезжали товарищи из Петербурга. Привозили нерадостные вести. О продлении царским указом «чрезвычайной охраны» в Москве еще на полгода, а значит, и о новых массовых арестах, судах и казнях. О провале типографии объединенного Екатеринославского комитета, а значит, и о сокращении печатной пропаганды на юге России.

Бывали в эти дни и добрые сообщения. Например, о блестящем успехе Камо—грандиознейшей экспроприации прямо посреди многолюдной площади двухсот пятидесяти тысяч рублей при перевозке их из государственного казначейства в Тифлисский банк. О фантастически смелом побеге из Севастопольской тюрьмы Антонова-Овсеенко, а вместе с ним и еще двадцати товарищей.

С Ленина в этих случаях слетала сонливость. Возбужденный, он просиживал ночь напролет, поблескивая внимательными глазами, и разговор завершался тогда лишь, когда приезжими были рассказаны абсолютно все, даже самые мельчайшие, новости. А потом как было не ответить и на их бесчисленные вопросы? Главным образом относительно Лондонского съезда. И относительно характера революционной борьбы в новых условиях кровавого столыпинского режима.

Надежда Константиновна видела, понимала: это родная стихия Владимира Ильича. Без встреч с товарищами, без живой связи с партией, после «третьеиюньского переворота» загнанной снова в жесточайшее подполье, он не

может. Ему надо знать все, что происходит на огромных пространствах России от Петербурга и до Владивостока, от Архангельска и до Астрахани, до Закавказья. Ему надо знать, что пишут о русских событиях за границей, выступают ли, и с какими речами, статьями, Карл Каутский, Август Бебель, Карл Либкнехт, Клара Цеткин; верен ли слух о блестящих выступлениях Богумира Шмерала на собраниях пражских рабочих. Ему надо бросаться в бой с самодержавием, столыпинщиной, с кадетами, октябристами, с эсерами и анархистами, и, может быть, элее всего — с меньшевиками, потому что именно в их среде без конца формируются все новые и новые разновидности беспринципного отступничества. Ему надо бороться со всеми этими идейными и организационными вывихами. Ему надо спорить с упрямыми, убеждать колеблющихся, ободрять уставших. Ему надо писать рефераты, статьи, редактировать газеты. Ему нужно дышать воздухом революции. Но ведь надо же человеку иногда хоть немного и отдохнуть!

И Крупская, войдя всей душой в эти большие заботы, ими живя, стремилась, как только могла, наладить и отдых Ленину.

Дача «Ваза» была вполне подходящей для этого. Не весьма уютная, но очень просторная, двухэтажная, срубленная из толстых сосновых бревен, снаружи обшитых тесом, а изнутри лишь гладко оструганных и не залепленных обоями, отчего в комнатах сохранялся приятный смолистый запах. Прямо на юг выходили полукруглые, сплошь застекленные веранды обеих этажей, издали похожие на фонари. Жарища на верандах в полдень стояла неимоверная, не спасали никакие занавески, зато перед закатом солнца и в сумерках здесь можно было поблаженствовать — все створки окон тогда распахивались настежь, и тонкая лесная прохлада заполняла помещение. Нижняя веранда была излюбленным местом для общих сборов, и за чайным столом, и для игры в карты, глупейшей игры в «дураки», однако прекрасно отвлекавшей на время от тяжелых сложностей политической обстановки.

«Постоянное население» дачи состояло из Владимира Ильича, Надежды Константиновны и Елизаветы Васильевны — матери Крупской. Они располагались на всем нижнем этаже. Наверху жили супруги Малиновские — «Богдановы» Александр Александрович с Натальей Богдановной — да еще «Иннокентий» — Иосиф Дубровинский. Приезжим отводился в столовой диван, а на случай большого наплыва гостей отдавалась под ночлег и веранда.

Минувшей зимой здесь было несколько теснее. И шумнее. На «Вазе» тогда проживало еще и семейство «Линдовых» — Лейтейzenов. Детишки постоянно вертелись у двери комнаты загадочного для них «Ивана Ивановича», который, не разгибая спины, целыми днями что-то строчил за письменным столом и входить к которому без стука не было разрешено никому, кроме «тети Нади», Надежды Константиновны, его жены. Теперь, когда Линдовы съехали, стало значительно тише, спокойнее, однако Ленин частенько с удовольствием вспоминал осаждавшую его детвору, которая временами хотя и мешала до чертиков, но больше все-таки настраивала на веселый лад.

А в общем Куоккала во всех отношениях была райским местечком.

— Спасибо товарищу-господину Энгестрему за прелестнейшую вазу, предоставленную им под цветы революции! — шутил Владимир Ильич, адресуя это владельцу дачи, выходцу из Швеции, назвавшему свое куоккальское владение «Вазой» в честь города, где он родился.

Энгестрем искренне и глубоко сочувствовал прогрессивным идеям и, как умел, поддерживал революционеров, сдавая, в частности, им в аренду и эту дачу, по существу, за бесценок.

Одно время здесь обитала даже группа эсеров-террористов, готовившая свои страшные снаряды. Сохранились кое-какие косвенные признаки этого. Обнаружив их, Ленин посмеивался:

— Гм, гм, в этой вазе, оказывается, не только цветочки — бывали и ягодки. Волчьи ягодки!

Стояло прекрасное лето. Прекрасное для всех, кому оно только лишь самое благодатное время года. Для жителей «Вазы» на этот раз лето имело еще и некоторые, совсем другие особенности. Те, о которых говорилось в самом начале...

Играли в карты, в «английского дурака», который от «русского» отличается тем, что здесь играют не просто по кругу, сражаясь каждый сам за себя, а поделившись на пары. Неизменным партнером Ленина оказывалась Наталья Богдановна; Крупская была союзницей Александра Александровича. Иногда в игру включались и Дубровинский с Елизаветой Васильевной.

В этот вечер Елизавета Васильевна была занята хозяйственными хлопотами, а поэтому и Дубровинский оставался «в запасе» — стоял за спиной Ленина, порой неопределенно мычал, высказывая этим свое отношение к ходу, сделанному Владимиром Ильичем, и вызывая этим же раздражение у Богданова.

Тот сидел прямо, строго, как на деловом, официальном совещании, одетый хотя и в заношенный тонкий летний костюм, но по всей форме, при галстучке, а в наглаженных манжетах поблескивали стеклянные запонки. В этом была уже и значительная часть стараний Натальи Богдановны, целый день поддерживающей на кухне уют в горячем состоянии.

Александр Александрович поднимал карты со стола, сложив их предварительно ровной стопкой, потом медленно разворачивал веером и начинал перестановку по старшинству и по масти. При этом он все время поглядывал на свою партнершу, пытаясь по лицу разгадать, большая ли «сила» досталась ей. Делал ходы он расчетливо, осмотрительно, морщась от усилия удержать в памяти все перемещения карт с рук на руки, а остатки не вышедших еще из игры козырей отмечал, бормоча себе под нос: «...пять... четыре... три...» Оказавшись все-таки в «дураках», он туго вертел головой из стороны в сторону, крихтел, весь багровея, и кидал по-интеллигентному сдержанно: «Н-да, Надежда Константиновна, дело у нас с

вами что-то никак не клеится. Логика, логика в игре не хватает». Он не договаривал, у кого именно из них двоих не хватает логики, но это было не трудно понять. И Крупская охотно признавалась: «Ну! Стоит еще и над картами голову ломать! Было бы чему посмеяться!»

Владимир Ильич играл с веселым оживлением, азартно. Шлепал с размаху картами по столу, а когда удавалось разыграть какую-нибудь совершенно неожиданную, эффектную комбинацию, бил уже не торопливо, с оттяжкой и, светясь торжеством победителя, приговаривал: «А мы вот каким образом!» Делал свои ходы он тоже расчетливо, сообразуясь с положением и партнера и соперников, но оценивал их позиции без напряжения, легко, испытывая то творческое удовольствие, с каким ему доводилось сживать за шахматной доской. Промохами Натальи Богдановны он несколько не огорчился, хохотал во все горло: «Дорогая Наталья Богдановна, и вы этого хилого кадетика приняли за самого господина Столыпина?» — разумея под «кадетиком» смиреннейше сложившего руки бубнового валета, а под «господином Столыпиным» — свирепого вида бубнового короля.

На Ленине была темная сатиновая косоворотка, не застегнутая на самую верхнюю пуговичку, пиджак — внакидку на плечи. Надежда Константиновна все еще не могла привыкнуть к его начисто выбритым щекам и усам, подстриженным коротко, к новому облику, в каком он явился с Лондонского съезда.

— Девятки есть у вас, Надежда Константиновна? — допрашивал Богданов, нервно подрагивающей рукой вороша на столе набросанные карты. — Почему вы не пошли девяткой? У вас должна быть козырная.

— Я не заметила, — сказала Крупская.

— О господи! — с досадой и тоской воскликнул Александр Александрович. Устало откинулся на спинку стула. — Но вы понимаете, что вам сейчас подбросит Владимир Ильич? И с чем потом я останусь?

Ленин примерялся к одной из своих карт, зажатых в руке.

Надежда Константиновна Крупская (1869—1939).

— А мы сейчас...

За спиной у него Дубровинский промышал что-то без слов, и Ленин сходил другой картой, козырем, врубившись в пикового туза.

— ...мы вот таким образом!

— Довольно! Довольно!— дрожащим голосом проговорил Богданов.— Прекратим игру. Хотя пострадает теперь Надежда Константиновна, но я проигрыш принимаю на себя. Сдаюсь! Себя признаю «дураком»! В самом прямом смысле. Не умею играть в пятером.

И, бросив уничтожающий взгляд на Дубровинского, поднялся из-за стола.

— Но я ведь ничьих других, кроме карт Владимира Ильича, не вижу,— хладнокровно заметил Дубровинский, пожимая плечами.— И Владимиру Ильичу я ничего не подсказываю.

— Не горячитесь, не горячитесь, Иосиф Федорович, я этого и не заявлял.— Досада все еще булькала в горле Богданова.— Напоминаю: я только что признал себя побежденным. И этого, я полагаю, вполне достаточно, чтобы на сегодня нам закончить игру. Приглашаю перед сном совершить небольшую прогулку.

Он был строг и серьезен, будто речь шла о чем-то чрезвычайно ответственном, важном. Серьезность и строгость тона в разговоре смягчала ему боль проигрыша, ущемленного самолюбия. Но все смеялись. И вовсе не над ним, а просто потому, что было весело, смеялись много еще и во время игры. К тому же день прошел, не принеся новых тревог.

Раскатисто, сочно хохотал Ленин, припоминая какой-то совершенно нелепый момент игры, когда, оставшись с одними лишь семерками и шестерками, он все-таки сумел их сплавить, наградить Александра Александровича.

— Ликуйте, ликуйте, Владимир Ильич!

Богданов вырвался вперед. Его догнала, взяла под руку жена. Надо же было успокоить человека.

Ленин, Крупская и Дубровинский шагали рядом,

немного приотстав. Владимир Ильич поставил руки в боки, и пиджак у него, брошенный на плечи, растянулся как парус.

— Отлично!— сказал он.— Какой волшебный вечер.

Низкое солнце сквозь путаницу ветвей било прямо в глаза, вынуждало прищуриваться.

Сохраняя тот же порядок, всей компанией вышли за калитку, повернули направо. Говорили о погоде, нахваливали июнь. В воздухе серым столбом толклись комары, предвещая хороший день и на завтра.

Вдруг Дубровинский остановился, выхватил из кармана платок, приложил к губам. Его одолел кашель, тяжелый, затяжной. Он сгорбился, узкие плечи у него вздрагивали. Ленин и Крупская продолжали тихонько идти по обочине дороги, заросшей мелколистным белым клевером.

— Знаешь, Володя,— с тревогой сказала Крупская,— у нашего Иннокентия горлом идет кровь. Он это скрывает, сам тайком стирает платки. Его совсем доконала тюрьма. А потом еще и трудная поездка в Лондон, все эти хлопоты и муки с переездом через границу...

Ленин молчал, разглядывая столбом толкущихся комаров, свободно и легко меняющих в пространстве место своего замысловатого танца.

Да, конечно, Иннокентия в особенности подкосило последнее, по счету уже третье тюремное заключение. Попал под широкий захват московской охраны. И полицейское начальство на этот раз постаралось, набило камеры людьми просто вповалку, в два яруса, так, что ночью вершка свободной площади не оставалось. От грязи и чрезмерной скученности — чудовищно! — расплодились legiony вшей, клопов. Параша, вонь, духота. А ведь еще во время самой первой — яранской — ссылки врачи определили у Иннокентия серьезное заболевание легких. Он не щадит себя нисколько. В тюрьме ли, в ссылке работает до полного изнеможения, занимается самообразованием. На свободе — беспокойный, смелый, энергичнейший человек. Он в Кронштадте и на баррикадах «Си-

моновской республики»¹ в Москве. Выполняет труднейшие поручения партии. Изъездил пол-России. А эти ночевки где попало и пища какая попало. И споры, разговоры, тоже всегда очень трудные, потому что по пустякам Иннокентий не ездит. Вырвавшись из тюрьмы и получив разрешение на выезд за границу взамен вологодской северной ссылки, он сразу же помчался в Лондон. Он очень там помог бы в схватке с меньшевиками и бундовцами, но опоздал, появился в самый последний день съезда, точнее, в самые последние часы. Услышал уже от товарищей, что избран членом Центрального Комитета. На родину Иннокентий не может вернуться. Попался — и тогда сразу на север! На губительнейший для Иннокентия север. Три года. А у него уже и теперь идет горлом кровь. Проклятая чахотка делает свое дело...

— Володя, я очень беспокоюсь за Иннокентия.

— Да, Надюша, да,— сказал Ленин, прислушиваясь к тяжелому кашлю, с которым все еще никак не мог справиться Дубровинский.— В памяти у меня все время печальная судьба Анатолия Ванеева. Точно такая же история, точно так же не щадил он себя. Анатолия сгубил сибирский север. Для Иосифа Федоровича юг тоже совершенно несбыточен. Где он, юг, для него? И потом он сам хорошо понимает, что нужен здесь как член Центрального Комитета. Только лечиться он ни за что и никуда не поедет!

— Сейчас ему необходим хотя бы просто хороший отдых. Полное спокойствие,— заметила Крупская.— Лето нынче сухое, теплое.

— Да, да,— с оживлением подхватил Ленин,— в прошлом году, когда он все-таки полежал в санатории, ему стало значительно лучше. Надо заставить его и здесь полежать!

— Попробуй заставь,— вздохнула Крупская.— Но, Володя, настоящий отдых, хотя бы небольшой, и тебе

¹ Первая республика, провозглашенная пролетариатом в 1905 году на предприятиях, расположенных в районе Симоновского вала в Москве. (Прим. автора.).

крайне необходим. Безлюдье, полное безлюдье, только воздух, сон и еда...

— Мне нужно как следует выспаться, ничего больше. Но, черт возьми, это никак не удастся! Дубасовы и Столыпины не дают спать!

— Послушай, наша милая Дяденька-Лидя все время настойчиво приглашает приехать к ним в Стирсудден. Там абсолютнейшая тишина, лес, море, цветы, и не будет бесконечных набегов из Петербурга. Вот там уж можно будет отоспаться! Возьмем с собой Иосифа Федоровича. Ему побыть у моря тоже очень полезно.

— Гм, гм... Что же, Надюша, это идея! Выспаться, побродить по чистейшему песку возле моря, покататься на велосипедах — отлично! — Ленин потирал руки. — К тому же Лидия Михайловна — прекраснейший человек.

— Пишет: сейчас у нее вся дача утопает в цветах. А море достаточно теплое, чтобы купаться. Свежий олений окорок...

— Да, да! Только, черт возьми, как все же от Питера оторваться? И надо бы непременно еще кое-что написать.

Богдановы стояли, дожидались их уже совсем на выходе из поселка, где открывалась красивая длинная поляна — любимое место вечерних прогулок. Подоспел и Дубровинский. Он дышал тяжело, неровно и все разглаживал рыжеватые свисающие усы. Надежда Константиновна посмотрела на него обеспокоенно.

— Вам плохо, Иосиф Федорович? — вполголоса спросил Ленин.

— Очень люблю смотреть на закат солнца с этой поляны, — сказал Дубровинский. Он сделал вид, будто не расслышал вопроса Владимира Ильича.

Солнце почти совсем скрылось за дальним леском, осталась только маленькая золотистая полоска. Она как бы покачивалась и становилась то чуточку шире, то вовсе узенькой.

Потом сразу исчезла. И небо начало медленно наливать-ся густой багровой зарей.

Богданов указал пальцем туда, где спряталось солнце.

— Какая гармония! Какой размеренно работающий механизм у природы!

— Заря будет цвести всю ночь напролет, перемещаясь к востоку. Так будет продолжаться еще недели две,— проговорила Крупская.

— Люблю я пору белых ночей,— отозвалась Наталья Богдановна.

— Мне почему-то сегодня вспоминается Сибирь. В Шу-шу белых ночей не бывает, но закаты, знаете, там нисколько не хуже здешних. Очаровывают!— сказал Владимир Ильич. И улыбнулся чему-то далекому.— Помню, на озере Перовском однажды так на закат загляделся, что не заметил роскошнейшего селезня под самым носом — выплыл из камышей. Сосипатыч не выдержал, бабахнул из своего скрадка. Под большим углом. А потом прибежал перепуганный: не хлестнула ли дробь и по мне? Ружье у него, так сказать, особой «широтой взгляда» отличалось.

— А вы замечаете, какая величавая тишина устанавливается в природе сразу после того, как скроется солнце?— спросил Богданов, не отрывая глаз от горизонта.

— Замечаю,— сказал Ленин.— Так же, как замечаю и совершенно противоположное. Иногда после захода солнца начинается сильный ветер. Природа не терпит однообразия.

— Она всегда очень изобретательна,— поддержала Крупская.— Посмотрите — лес, сплошная темная стена. А ведь каждое дерево в нем не похоже на другое.

— Это же самое можно сказать и о людях,— заметила Наталья Богдановна.

— Время течет, все меняется. Но в бесконечном круговороте природы тем не менее нет прямых повторений,— проговорил Дубровинский.

Александр Александрович неопределенно покрутил головой.

— Мм... Разнообразие... Движение... Круговорот... А вечный ли и обязательный круговорот?— Он прищелкнул пальцами и, словно маятником, несколько раз

качнул рукой, опустив ее вниз.— Толкните сильно, к примеру, качели. Неловко с угла на угол, как попало. Они вначале станут свершать достаточно разнообразные движения, но постепенно войдут в строжайший ритм, а затем наступит состояние покоя. Обязательное состояние покоя!

— Ну и что же из этого следует?— с любопытством спросил Ленин. И высоко поднял плечи.— Какие выводы делаете вы из этого, Александр Александрович? Кажется, не в первый раз я задаю вам подобный вопрос по сходным же случаям.

— Именно из этого только примера я не делаю еще никаких выводов. Но со временем реки и моря на Земле высохнут. Солнце погаснет. И сама Земля перестанет вращаться в ледяном пространстве вселенной. Движение — теплота. Но поскольку в безднах пустоты мирового пространства царствует температура абсолютного нуля, то отдельные незначительные источники тепла — звезды — подчинятся своей судьбе: излучив все тепло, погаснут, остынут. Вселенная постепенно войдет в холодное, мертвое равновесие. Иными словами, движение полностью прекратится. В данном случае годится и пример с качелями.— Богданов уже немного сердился, слова его звучали сухо, недружелюбно.— А в должной форме, Владимир Ильич, мои теоретические взгляды на мироздание изложены в моих печатных трудах, которые вы читали и на которые я имел честь в свое время получить ваши опровержения.

— Так,— сказал Ленин,— все остановится, и это будет конец. Но по законам логики, которую и вы очень любите, если предвидится чему-либо несомненный конец, так этому концу должно предшествовать и столь же несомненное начало. Ныне вселенная находится в движении, чего не отрицаете и вы. Но вы утверждаете: движение полностью прекратится, наступит конец. Прекрасно! Давайте в этом случае обратимся к началу. Было начало? И кто же тогда, вначале, запустил, раскрутил, привел в движение всю эту громадину?— Ленин откинул

голову, поднял руку, описывая ею большой круг.— Не будем сейчас призывать для разъяснений ни Энгельса, ни Канта, ни Гегеля, ни Маха. Не станем сейчас забираться в самые глубины. Ответьте вы, Александр Александрович, лично вы, и только на один этот простейший вопрос!

— Ну, это уже философия!— тоскливо воскликнула Наталья Богдановна.— Бесконечный, надоедливый спор о творце! Проще верить в известного всем бога, чем искать какую-то равнозначную ему замену.

— Наташа, не вмешивайся,— строго сказал Александр Александрович. И вдруг просветлел, прищелкнул пальцами, найдя в словах жены что-то выигрышное для себя.— А впрочем, почему бы действительно и не пофилософствовать?— Он снова прищелкнул пальцами.— Мы революционеры. Почему, борясь против несовершенств нашего общественного строя, мы все свои усилия сводим главным образом к практическим действиям? Прокламации, речи на митингах и собраниях, наконец, стрельба! А он, этот враждебный народу общественный строй, и народная революция— все это зиждется ведь тоже на философской основе. Не насилуем ли мы ее? Не заменяем ли мы произвольно истинную философию другой, несвойственной естественному развитию жизни, а следовательно, и формам борьбы? Не ищем ли мы ложно толчков и взрывов там, где, следуя законам природы, должно стремиться к равновесию?— Богданов вдохновлялся все больше.— Это не аксиома; допустим, это гипотеза. Но почему бы не рассмотреть ее всесторонне?

— Философскими проблемами, конечно, следует нам заниматься серьезнее,— проговорил Дубровинский. Он долго молчал, прислушиваясь к спору. Стоял, все поглаживая усы и иногда прикладывая скомканный платок к губам.— В самом деле, полезно было бы нам очень точно определить свои философские позиции. Но «стрельба», как определили вы, Александр Александрович, будет все равно продолжаться, не дожидаясь выяснения философских основ революции. «Стрельба»— это квинтэссенция

философии народа, восстающего против нестерпимого гнета.

Ленин надел пиджак в рукава, разгладил у пояса рубашку и пошел по дорожке к поселку.

— Владимир Ильич, что же вы уходите? — окликнул его Богданов. — Вам не нравится наш разговор?

— А вы хотите, чтобы я с вами и сегодня подрался? — остановившись вполоборота, спросил Ленин. — Извольте, я готов! Хотя Иосиф Федорович достаточно хорошо вам ответил.

Богданов, уже снисходительно улыбаясь, стал тоже бочком, принял шутливую позу дуэлянта.

— И я готов, Владимир Ильич! Начинайте!

Но Ленин молчал. Долго молчал, сосредоточенно глядя куда-то вдаль, на пылающее зарево заката. Подтянулись все остальные.

— Так что же вы, Владимир Ильич? — победительно спросил Богданов. — Давайте снова скрестим наши философские шпаги!

Ленин пальцем доверительно потрогал пуговицу на пиджаке Богданова. Заговорил медленно, а потом все стремительнее и стремительнее:

— Скажите, Александр Александрович... я все сообщаю... я все занят вот какой мыслью... Теперь, когда Россия стоит перед выборами в Третью думу, нам надо твердо определить свою позицию. Да, да! Мы должны самым решительным образом выступить против бойкота. Обстановка-то коренным образом изменилась! Бойкот как средство борьбы с конституционными иллюзиями пригоден и необходим в условиях широкого и сильного революционного подъема. А мы сейчас загнаны в жесточайшее подполье. Призыв к бойкоту не даст нам никакого реального выигрыша, а определенные, хотя и скудные возможности легальной борьбы при посредстве думской трибуны тогда мы утратим совершенно. Как вы считаете?

Богданов развел руками, как бы обращаясь ко всем за сочувствием и поддержкой.

— Владимир Ильич, — с оттенком обиды в голосе ска-

зал он,—мне непонятна такая подмена предмета нашего спора. К этому разговору я не готов. И вообще это преждевременный разговор. Хотя, замечу сразу, не вижу я, что именно коренным образом изменилось. И почему не нужен теперь бойкот. Вы не находите, что вы уклонились от моего вызова?

Ленин весело рассмеялся.

— А вы не находите, Александр Александрович, что сейчас у меня с вами и были скрещены, как вам хотелось, именно «философские шпаги»? Отношение к выборам в Государственную думу — вопрос революционной тактики. А вы сами сейчас заявляли, что революция зиждется на философской основе. Так ведь? Простите! И мне хочется знать: ваша «философская шпага» способна только звенеть или при надобности может оказаться и хорошим оружием? Союзника!

— Ну вас, Владимир Ильич! — сердито сказал Богданов.

На обратном пути беседовали уже мирно, о чем придется, а больше всего о прекрасной погоде.

У калитки Надежду Константиновну остановила, отвела в сторонку женщина, финка, приносившая ежедневно на «Вазу» молоко.

Пряча под фартук грубые от работы, красные руки и умоляюще упрасывая Крупскую «сильно поверить» ей, на нетвердом русском языке она рассказала, что, пока господа гуляли, возле их дачи все время вертелся, прятался за деревьями какой-то мужчина. А потом она сообразила, что этого мужчину видела много раз и раньше. То у вокзала, то в пригородных поездах, каждый раз одетого иначе. Видела однажды, как он шептался с полицейским. А на другой день полиция арестовала двоих, таких же вот порядочных людей, дачников, и отправила в Петербург. К добру ли он опять появился? И почему он вертелся именно возле этой дачи?

— Мои малчики гофорили, тот этот просил их, просил, как зофут мужа вашего и который кашляет, рышими усами, — закончила она.

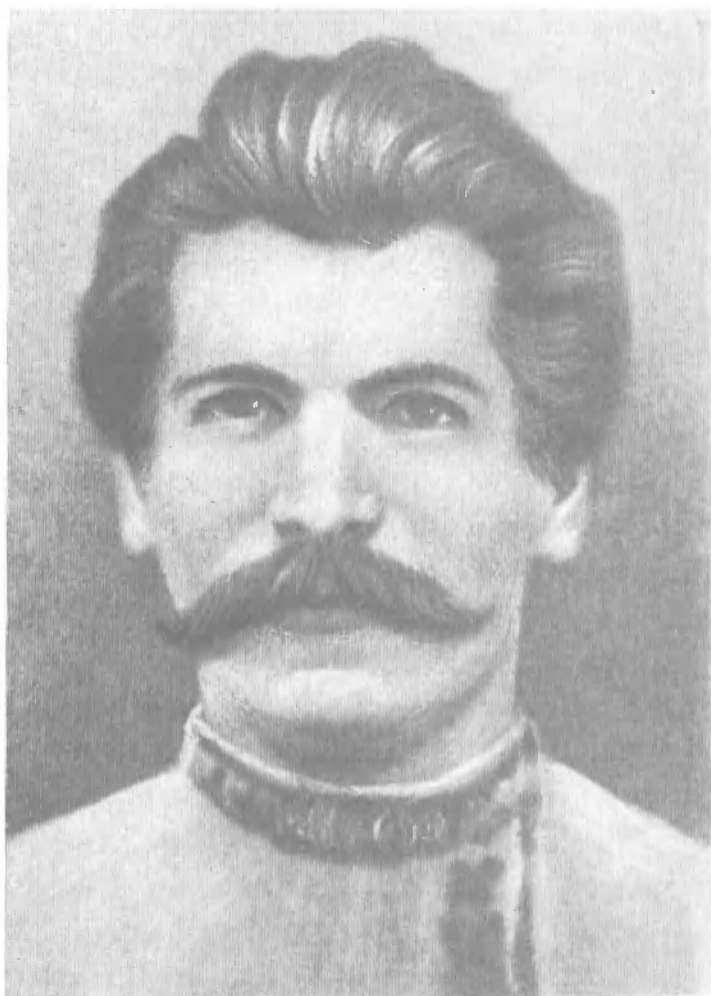
— Да мало ли на свете разных бродяжек!—с искусственной беспечностью отозвалась Надежда Константиновна.— Но вам, дорогая, большое спасибо за предупреждение. Впрочем, очень возможно, что мы и так уедем в Петербург.

Елизавета Васильевна приготовила хороший ужин. После долгой прогулки ломтики хлеба, поджаренного с яйцами, взбитыми на молоке, казались особенно вкусными. Сообразно пристрастиям каждого чай в граненых стаканах играл оттенками всех цветов — от светло-золотистого до темно-коричневого. Он бодрил, освежал. И хотя время давно перевалило за полночь, всем казалось, что это еще день, трудовой светлый день и, встав из-за стола, надо будет разойтись не к своим постелям, а углубиться привычно в книги, рукописи, дела.

Дурное настроение у Богданова прошло. Он припомнил отдельные моменты, недоразумения в недавней карточной игре. Во всех промахах и ошибках винил теперь великодушно только самого себя, а Надежду Константиновну расхваливал как тонкого и умного партнера.

Наталья Богдановна, стремясь выправить образовавшийся крен и поднять престиж своего мужа, рассказала, как Александр Александрович, работая в библиотеке над материалами для книги «Эмпириомонизм», вызвавшей почему-то резкое неудовольствие Владимира Ильича, однажды заказал такое количество разнообразнейших трудов по философии, что библиотекарьша ахнула и развела руками: «Вы еще совсем молодой, а уже всех философов мира знаете!»

Ленин раскатисто хохотал и говорил, что с ним тоже в библиотеках приключались забавные происшествия. Только, наоборот, его обычно принимали за невежду или, во всяком случае, за недоросля, которому рано еще книжки читать. Всего лишь пять лет тому назад в библиотеке Британского музея с него взяли официальную подписку, что он по возрасту никак не моложе двадцати одного года. И только тогда допустили в читальный зал. Что поделаешь, правила!

*Максим Максимович
Литвинов (1876—1951).*

Надежда Константиновна в таком же веселом ключе рассказала, как врач, первым определивший у нее заболевание базедкой, долго пенял ей: «Послушайте, в ваши годы — и такая с вами оказия!» А потом совершенно замучил расспросами о родственниках, близких и дальних, о переменах местожительства, о химическом составе воды, которую пила в разные годы своей жизни, и, наконец, о таких обстоятельствах, которые не только к базедке, но даже и к медицине-то вообще не имеют ни малейшего отношения.

Поддерживая Крупскую, Дубровинский заявил, что «расспросный зуд» — профессиональная слабость любого врача. И привел в пример отправку по домам делегатов Лондонского съезда. Представителями от большевистской

фракции сидели рядом Литвинов и Отцов. К Литвинову кто обратится, раз, раз — и готово. А Отцов не только спросит, куда и на какой транспорт приобрести товарищу билет, но закидает еще и вопросами, а с кем он вместе намерен путь держать, и где потом в России жить собирается, и есть ли родственники у него...

Все смеялись. Владимир Ильич хохотал громче всех.

— Вот, вот, именно: есть ли родственники? Без этого вопроса, ручаюсь, ни один врач не обойдется, о чем бы ни шла речь. И вы, Иосиф Федорович, попали, конечно, не к Литвинову, а к Отцову?

— Потому и рассказываю.

— Ну ничего, Отцову такое любопытство можно простить. Врач он, кажется, весьма неплохой.

Надежда Константиновна посмотрела на часы.

— Ого! А не пора ли...

— «Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей», — продекламировала Наталья Богдановна.

— Да, да, — подхватил Ленин, — «...и с молитвой за дело приняться. Промотал хомуты, промотал лошадей...». С удовольствием примусь за дело. Спать, спать! И сколько угодно!

Все дружно поднялись из-за стола.

— А я хотела предложить немножко другое, — сказала Крупская. — Если бы Иосиф Федорович и мы с тобой, Володя, сумели собрать самое необходимое за два часа, мы бы уже сегодня уехали в Стирсудден к Лиде и спать легли бы там. К тому же Лидя просто изнемогает от желания угостить нас оленьим окороком.

— Вот как? — несколько озадаченный, проговорил Ленин. — Разумеется, собраться за два часа не штука; когда надо, я умею собираться за пятнадцать минут. И поехать к Лидии Михайловне — превеликая радость. Но почему все же такая спешка?

— Женский каприз, — смеясь, сказала Крупская.

— Объяснение не годится, Надюша, — сказал Владимир Ильич.

— Ну тогда — необходимость.

— Это лучше,— заметил Дубровинский,— хотя и хуже.

Надежда Константиновна коротко рассказала о своем разговоре с молочницей.

— Гм, гм...— Выслушав рассказ жены, Владимир Ильич прищурился.— Ерунда! Серьезной опасности не вижу. Взять нас здесь—руки короткие! Впрочем, нет, разумеется, и причин тянуть, отказываться от свежего оленьего окорока. Вы как думаете, Александр Александрович?

— Полностью поддерживаю Надежду Константиновну,— заявил Богданов.— Уезжайте. Немедленно уезжайте. Сегодня у полиции руки действительно короткие, завтра они могут вырасти.

— Черт возьми!— сказал Ленин, расхаживая по комнате.— Но Куоккала — удобнеее место для связи с Питером!

— Вы не можете, Иосиф Федорович не может, а мне пока ничто не мешает появляться даже в самом Петербурге,— заявил Богданов.— В Куоккале для связи с Петербургом останемся мы с Наташей.

Ленин еще походил, повторяя свое: «Гм! Гм!» Остановился.

Наотмашь повел рукой.

— Едемте! Но это не бегство, это поездка на отдых. Вы готовы к такой поездке, Иосиф Федорович?

— Да,— ответил Дубровинский.— Времени, назначенного Надеждой Константиновной для сборов, мне больше чем достаточно. Только, кажется, Надежда Константиновна ошибается. Через два часа проходит поезд в сторону Петербурга, а не Гельсингфорса.

— Совершенно верно,— сказала Крупская.— Именно в сторону Петербурга.

И Ленин, смекнув, сразу же подхватил:

— Дорогой Иосиф Федорович, ну, разумеется, Надюша рассудила правильно! Коль ехать, даже на отдых, так следует соблюдать конспирацию. Да, да! Не только поэтому,— но и поэтому,— Наталья Богдановна, Алек-

сандр Александрович, вы нам окажете честь — проводить до станции? И посадить — без «хвоста»! — в вагон.

— Проводим и отправим, — сказал Богданов. — Счастливого пути!

— Спасибо, — сказал Ленин. И потер руки. — Но знаете, Александр Александрович, все время сейчас меня сверлит-таки одна мысль: мы с вами должны еще обязательно скрестить свои шпаги! По-настоящему!

Через два часа они веселой ватагой, громко, на всю улицу разговаривая и перекликаясь, неся небольшие саквояжи в руках, направились к станции.

Ночь походила на день, было совершенно светло, только чуть прохладнее, чем с вечера. Полыхающая багрянцем заря переместилась над лесом. Теперь она горела на северо-востоке, в той стороне, куда нужно было бы ехать. И откуда пока что ожидался поезд на Петербург.

ПЯТЬ ПИСЕМ ОДНОГО ДНЯ

Весна вступала в Париж. Еще не та, самая сильная и бурлящая, которая подобна веселому карнавалу в природе, когда все меняется ежечасно, все осыпано цветами и светится, ликует, поет. Вступала весна пока еще не очень опытная. Она словно бы только пробовала, испытывала свои способности на разные лады. Где горячим сол-

нечным лучом, нацеленным прямо в окно, где светлой зеленью кустов медлительно распускающейся сирени, где неопозволительно ранним по утрам перекликом птиц.

И вот уже прокатились, промчались по Сене полые воды, затопив было изрядную часть Парижа. Вот и пообсохли совсем загородные лесные дороги, маня любителей дальних прогулок своим неповторимым ароматом перепревшей прошлогодней листвы. Установились ровные теплые дни.

Владимир Ильич с утра, как только встал с постели и умылся, тотчас принялся чистить, протирать маслом велосипед Надежды Константиновны. Лично его велосипед в такой заботе не нуждался, был даже как следует не обкатанным, только из магазина. Оно и неладно бы: самому ездить на новенькой машине, а жене — на довольно-таки уже потрепанном драндулете. Да что поделаешь, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Взыскал с виконта по суду денежки! Наказал капиталиста! Собственных пришлось добавить всего лишь несколько франков.

И, ловко орудуя щеточкой и масляными тряпками, Владимир Ильич не без юмора, мысленно восстановил картину аварии близ Жювизи, едва не стоившей ему жизни.

...Будто испуганный конь, шарахнувшийся в сторону черный автомобиль... Пронзительный визг тормозов... И тут же сильнейший толчок в заднее колесо велосипеда — черт, ведь можно же, оказывается, успеть и соскочить с седла! — а потом на земле какая-то мешанина из лакированных трубок и тонких белых спиц... Растерянное, побледневшее лицо владельца автомобиля, прыгающая от страха нижняя губа: «Месье, месье, вы не убиты?» Болван! Не может отличить велосипед от человека! «Как видите, убит не я — убит мой лучший, верный друг». Автомобиль мгновенно исчезает. И если бы не благожелательная публика, успевшая заметить номер машины, пожалуй, и самому Шерлоку Холмсу не отыскать бы этого аристократа. Свидетели катастрофы, простой

народ, расспрашивали совсем иначе: «Месье, вы не ушиблись?», «Вы очень испугались?», «Не надо ли помочь?». А после: «Месье, это был хороший велосипед?», «Месье, вы в Жювизи наблюдали полеты аэропланов? Скажите, кто из авиаторов сегодня особенно отличился? Кто выше всех поднялся?»

Милые, добрые люди!..

А зрелище было действительно великолепное. Захватывающее зрелище. Летательные аппараты, оставляя за собой широкую ленту голубого дыма, взмывали вверх с такой чудовищной быстротой, что уже через несколько минут становились похожими на стрекозу в небе. Удивительны ловкость и мужество авиаторов, остающихся наедине с воздушной стихией. А ведь совсем не просто потом и опуститься на землю! Ах, как пострадал этот бедный Лангле! С какой отчаянностью боролся он на виду у всех со своим вдруг закапризничавшим аппаратом! Но вышел-таки победителем, хотя унесли его с поля всего забинтованного, на носилках. Завидная смелость! Нелепыми совершенно после этого представляются всякие там наземные катастрофы, автомобильные, велосипедные. А впрочем...

А впрочем, никуда и от них не уйдешь. Вон Митя, брат, нынче зимой возле своего Серпухова ухитрился даже из саней вывалиться так, что нога и ключица оказались сломанными. Перепугавшийся конь на земле ничуть не безопаснее заглохшего в воздухе мотора.

Из кухни, которая одновременно была столовой и приемной для гостей, доносились веселый звон посуды, запах крепкого кофе. Выглянула Надежда Константиновна.

— Володя, может быть, позавтракаем? Все уже на столе.

Рядом с нею появилась Елизавета Васильевна. Приглашающе поманила рукой. И стиснула ладонями голову. Уже несколько дней мучилась она мигренью.

Владимир Ильич посмотрел на нее сочувственно. Вытер тряпицей испачканные, промасленные руки. Прислонил велосипед к стене, окинул критическим взглядом.

— Да, Надюша, да! У меня тоже все готово. Но, знаешь, если бы его в мастерской сумели покрыть свежим лачком...

— Ну и к чему же это, Володя? Он и так совершенно как новый!

— Да, но все-таки...

Он с удовольствием поплескался под умывальником, намыливая руки несколько раз до самого локтя и медленно сгоняя пушистую пену в таз с водой. Плескался и рассказывал попутно, какие мелкие изъяны удалось ему обнаружить при чистке велосипеда и каким образом он их устранил.

— А не прокатиться ли нам сегодня перед обедом, Надюша? Погода, право же, совсем не плохая. В лесу сейчас прелесть как хорошо! Жаль, не может поехать с нами Елизавета Васильевна. На свежем воздухе она бы сразу порозовела.

— Мама совсем изнемогла от этой головной боли,— сказала Надежда Константиновна.— И действительно, хорошо бы поехать ей с нами. Только— как?

— Представляю себя на велосипеде!— усмехнулась Елизавета Васильевна, разливая кофе по чашкам.— Нет, мои милые, я уж просто полежу у раскрытого окна. А вы мне привезите из лесу какой-нибудь весенний цветочек.

— Привезем!— сказала Надежда Константиновна. И спохватилась:— Да, Володя, но ты сегодня, кажется, опять собирался работать в библиотеке?

— Библиотека подождет!— заявил Владимир Ильич, усаживаясь за стол и принимая от Елизаветы Васильевны приготовленный ею бутерброд с печеночным паштетом.— После хорошей прогулки по лесу я все наверстаю. Единственное, что я абсолютно обязан сделать сегодня,— это написать и отправить домой письмо. Иначе почта не успеет доставить его к маминому торжественному дню.

— Тогда я пойду переодеваться,— обрадованно сказала Надежда Константиновна.— И выедем сразу же! А по-

ка я копаюсь, тем временем ты, Володя, напишешь письмо.

Но уехать им не удалось. Не успели подняться из-за стола, пришел Григорий Евсеевич Зиновьев, носивший кличку просто Григорий. Хмурый, озабоченный, вороша кудреватые черные волосы, каким-то далеким голосом он поздоровался и попросил чашку кофе. Выпил залпом, стоя. Показал немим жестом на дверь комнаты, в которой обычно работал Владимир Ильич и где по недостатку другого места стояли две железные койки — его и Надежды Константиновны.

Обычно все разговоры с гостями велись тут же, на кухне, в общем кругу. Жест Зиновьева означал, что сейчас ему хотелось бы перемолвиться с Владимиром Ильичем наедине.

Ленин помешкал немного, с сожалением посмотрел на готовые к поездке за город велосипеды и пригласил Зиновьева войти в соседнюю комнату.

Они присели к некрашеному белому столу, заваленному рукописями, стопами книг. Ленин подвинул в сторону будильник, звонко выщелкивающий свои доли минут. Зиновьев ворошил волосы, нервно покусывал губы.

— У меня, Владимир Ильич, из головы нейдет вчерашняя наша баталия, — признался он, раскрытыми ладонями хлопнув себя по коленям. — А когда отходишь на некоторое расстояние, многое становится виднее.

— Так, — сказал Ленин, слегка наклоняясь вперед и приготовившись слушать Зиновьева. Духотой прокуренного помещения, визгливыми вскриками, галдежом несогласия всплыло в памяти вчерашнее совещание Заграничного Бюро Центрального Комитета. — Что же именно с некоторого расстояния вам стало виднее, Григорий Евсеевич? Вернее, что вам с близкого расстояния не удалось разглядеть?

— То, что мы с вами поставили на одну доску всех, кто в любой, даже весьма неопределенной форме, высказывал свои колебания по отношению к ликвидаторству.

— Гм, гм... «С вами...» Это определение сейчас в

вашей интонации звучит как взятое из словаря заговорщиков. А мы вчера доказывали истину не в заговоре с вами, а как убежденные — каждый, каждый! — в своей правоте большевики. Во всяком случае, так выступал я. И был удовлетворен, что вы наряду со мной отстаиваете нашу, большевистскую точку зрения. Теперь вас, по обычаю, начинают томить сомнения. Рассказывайте. Кто, по вашему, вопреки истине оказался «поставленным на одну доску»? И с кем?

— Ну, хотя бы... Марк¹ и польские представители. Я встретил сегодня Марка. Он этим угнетен. Единственный наш, от большевиков, представитель в Заграничном Бюро, член ЦК — и такие обвинения.

— Так, — Ленин выпрямился. — Так, разница и в самом деле была: польские представители ломили прямую, а Марк вертелся. Но судить должно всегда по результатам, а не по поведению в какой-то момент. Тем более что ломить прямую — это куда благороднее, чем вилять хвостом.

— Марк, безусловно, как вы говорите, «вертелся». Я с этим согласен, Владимир Ильич. Но ведь именно это и помешало понять его позицию. А она была не совсем уж плохой. Даже совсем не плохой.

— Отвратительной! — закричал Ленин. И вскочил, ударил кулаком по столу. — Архивоотвратительной! Разве вам не ясно, Григорий Евсеевич, что он, всячески извиваясь и маскируя свою подлинную точку зрения, тем не менее тянул на сторону Игоря² — этого разрушителя партии, — он защищал его так, как вы сейчас защищаете Марка! Да, да, точно так, как вы сейчас защищаете! Марк — ликвидатор. И это отлично видится с любого расстояния, близкого или далекого. А то, что он наш представитель, — это особенно скверно!

— Владимир Ильич, я повторяю, Марка я встретил сегодня, с ним разговаривал. Он угнетен вашей вчераш-

¹ Марк — А. И. Любимов.

² Игорь — Б. И. Горев. Гольдман.

ней беспощадностью.— Зиновьев прикладывал руки к груди, смотрел на Ленина осуждающе.— Вопросы партийного объединения — вопросы очень тонкого свойства. Тут непременно следует принимать в расчет психологические всплески каждого отдельного человека в каждый отдельный момент.

— Если принимать в расчет «всплески» каждого, в партии окажется столько фракций, сколько в ней числится членов партии,— язвительно сказал Ленин.— Да, да, ровно столько, потому что личность человеческая сугубо индивидуальна. Каждый человек в мире — неповторимое явление. И я счел бы величайшим несчастьем для себя состоять членом такой партии, которая отвергала бы это. Но, дорогой Григорий Евсеевич, партии для того и создаются, чтобы совершенно не схожим между собой по характеру людям решать сообща жизненно важные для всех них — для народа! — задачи. В каждый отдельный момент независимо от «психологических всплесков» каждого! Марк же вчера, а из ваших слов я понимаю, и сегодня тоже, хочет быть только личностью, забывая о своих обязанностях члена партии, большевика.

— Об этих своих обязанностях Марк никогда не забывал,— возразил Зиновьев.— Но он стремится в настоящий сложный момент их выполнять... ну, как вам сказать... с необходимой осторожностью. Разумеется, по отношению к другим.

— С такой осторожностью, при которой невозможно понять, что он защищает — партию или ее ликвидаторов. Впрочем, это вы не смогли понять. Я понял. И от своих обвинений не отказываюсь.

— Вы обижаете меня, Владимир Ильич,— хмуро сказал Зиновьев, поворачиваясь лицом к окну, за которым тихо раскачивались тонкие ветви сирени.— Я не могу согласиться с тем, что Марк должен остаться при убеждении, будто он в нашем представлении ликвидатор.

— Да, да, он ликвидатор, и никто иной! Он покровитель ликвидатора Игоря! Он — этот шаткий кустик сирени, на который вы, Григорий Евсеевич, сейчас с таким

удовольствием любуетесь. Красив, изящен! Но опереться на этот кустик невозможно. Повалитесь и расшибетесь. Да, да! А перед вами, если я вас обидел, я готов извиниться.

Он выбрался из тесноты, от стола, в узкий промежуток между кроватями и заходил, возбужденный, взад и вперед — привычка, оставшаяся у него от тюрьмы.

Зиновьев барабанил пальцами по столу.

— Вчера в пылу полемики, Владимир Ильич, вы говорили чрезмерно резкие слова. А резкие слова не всегда бывают самыми точными.

— Чаше — бывают, — заявил Ленин с прежней решительностью. — Во всяком случае, теперь, когда речь идет о спасении партии, когда вопрос поставлен ребром — быть или не быть объединенной партии, — резкие слова гораздо лучше и действенней мягких. Они определеннее очерчивают позиции спорящих. И помогают тому, кому адресованы. Если он хочет их понимать. Именно — хочет! А Марк понимать не хотел. И потому вертелся. Вы называли рядом с Марком польских представителей. Им я говорил те же резкие слова. Они их поняли прекрасно, хотя с ними и не согласились. Ценю. Это открытая позиция. В тысячу раз лучше, чем двусмысленная позиция Марка.

— Марк хотел и хочет понять! — вскрикнул Зиновьев. — Но с большевиками мы сами, большевики, должны разговаривать не так, как с нашими противниками.

— Совершенно верно, до тех пор, пока они большевики! А не противники наши.

— Все это чересчур, чересчур! Надо Марку разъяснить хладнокровно... — с упрямой монотонностью в голосе начал Зиновьев.

Ленин медленным шагом приблизился к столу. Хлопнул ладонью по стопе чистой бумаги. И отступил, заложив руки за спину.

— Прекрасно! Извольте, разъясним. В письменном виде разъясним, что позволит и пишущему и читающему обдумать каждое слово. Разъясним, как большевики, как члены редакции центрального органа партии, ответственные за судьбы партии.

Он протянул Зиновьеву лист бумаги, придвинул поближе к нему чернильницу. Сам примостился на уголке стола, взял и себе письменные принадлежности.

— Вам не нравилось, Григорий Евсеевич, что Марк оказался поставленным на одну доску с представителями поляков. Что же, считаете вы, поляки тоже нуждаются в разъяснениях?

Зиновьев вертел перо в руке. Что-то его не устраивало в предложении Ленина. Он покусывал губы, переводил взгляд то на окно, за которым раскачивались тонкие ветви сирени, то на чистый лист бумаги, лежащий на столе.

— Так как вы считаете, Григорий Евсеевич? — нетерпеливо переспросил Ленин.

— Представителям поляков разъяснять нечего, — с неохотой ответил Зиновьев. — Они не согласны были с нами вчера по самому существу дела. Но они не протестовали против оценки их поведения, сколь резко ни прозвучала вчера эта оценка. И поэтому, я полагаю, о позиции польских представителей должно сообщить непосредственно в главное правление польской социал-демократии. Пусть товарищи там разбираются.

— Согласен!

— Такое письмо написать могу я, — сразу оживившись, проговорил Зиновьев. — И мы его подпишем оба. А Марку пишите вы. После сегодняшнего утреннего разговора с ним мне не найти удачных формулировок.

— Согласен, — снова сказал Ленин и обмакнул перо в чернила.

В дверь постучала Надежда Константиновна. Чуть приоткрыла. Осторожно спросила:

— По всем признакам, Володя, ты еще не скоро освободишься. Вероятно, прогулка наша до обеда не состоится? Тогда я пойду по разным домашним делам. Мама сегодня что-то совсем плохо чувствует себя. Надо помочь ей.

— Да, Надюша, да, ступай, — ответил Владимир Ильич, весь поглощенный работой.

Перо его, как и всегда, стремительно летело по бумаге, временами в конце слова забывая поставить твердый знак. Он останавливался, перечитывал еще не законченную строку, исправлял, чтобы немного погодя опять к ней вернуться.

Наконец удовлетворенно перебелил письмо, а черновик скомкал, бросил под стол в корзину. Расправил плечи, сел прямее.

Зиновьев тоже положил перо. Свое письмо он не переписывал и не сделал в нем ни одной поправки.

— Прочтите,— предложил Ленин.

Поднеся близко к глазам лист бумаги, Зиновьев стал читать:

— «Дорогие товарищи! Вчерашний обмен мнений с Вашими представителями в общепартийном учреждении показал нам, что Ваши делегаты обнаруживают колебание в проведении решительной борьбы за партийность и против ликвидаторов, вступая на путь «примиренчества», объективно служащего службу только ликвидаторам.

Колебание в такой важный момент перелома в партийной жизни, по нашему глубокому убеждению, пойдет на пользу только врагам партии.

Мы вынуждены будем проводить линию партийности без Ваших делегатов или, может быть, даже против них. Об этом мы сейчас же доводим до Вашего сведения в нескольких словах. Подробно же мы объяснимся с Вами в ближайшие дни, вероятнее всего, в печати.

Надеемся, Вы поймете, почему именно к Вам, организации, с которой мы так близки идейно-политически, мы обращаемся в первую голову. С товарищеским приветом. Члены редакции ЦО—большевики». И дальше, Владимир Ильич, идут наши подписи.

— Отлично,— сказал Ленин. Взял письмо, пробежался по тексту глазами. — Очень правильно! Хотя местами и несколько жестковато. Не затронет ли национальные чувства? И еще. Может быть, тут же нам следовало упомянуть, приводя как факт борьбы против единства партии, о безобразнейшей позиции Игоря. О его гнуснейшей

попытке сорвать решение пленума ЦК путем противодействия закрытию всех фракционных печатных органов. Как вы думаете?

— В письме обещается в ближайшие дни подробно выступить в печати. Все это тогда мы сделаем там.

— Ага! Ну, что же — подписываю! — сказал Ленин.

Он расчеркнулся на письме, и вслед за ним проделал это же и Зиновьев.

— Теперь читаю я.— Ленин схватил перо, поправил еще одно слово.— «Уважаемый товарищ! Вчерашнее совещание окончательно убедило нас в том, в чем мы почти не сомневались и до него, именно, что Вы совершенно не представляете большевистского течения, представлять которое в ЗБЦК¹ Вы претендуете.

Имея все основания считать себя представителями большевистского течения, по письмам русских единомышленников и по данным о политике зарубежных большевиков, мы заявляем, что Ваши колебания в политике, Ваше желание допускать...» — Он еще сделал поправку: — Нет! «...терпеть пребывание в ЗБЦК ликвидатора и заговорщика против партии Игоря, прикрывать срыв им партийного объединения...» — Ленин поднял руку с вытянутым указательным пальцем: — Вот тут абсолютно необходимо еще раз напомнить Марку о подлейшем поступке Игоря, ибо если и это его не отрезвит, то что еще? Что еще должно ему разъяснить? Я продолжаю. Здесь в скобках: «(вместо того, чтобы разоблачить Игоря, потребовать от ЦК ультимативно его удаления и решительно вступить на путь борьбы с ликвидаторами и отстаивания союза большевиков и партийных меньшевиков, союза, который один только мог бы еще, может быть, спасти дело объединения)...» — скобки закрываются — «все это Ваше поведение убеждает нас, что, вольно или невольно, Вы являетесь игрушкой в руках ликвидаторов.

Мы оставляем за собой право довести наше заявление до сведения большевиков, а при надобности, всей партии

¹ ЗБЦК — Заграничное Бюро Центрального Комитета РСДРП.

и печати. Члены ЦО — большевики...» Мною это уже подписано. Прошу, Григорий Евсеевич!

И по столу пододвинул лист бумаги к Зиновьеву. Тот долго, очень долго вглядывался в него, пересчитывал, постукивал пальцами. Ворошил курчавые волосы.

— Но это же... это же, Владимир Ильич, скорее обвинение безусловному политическому противнику, а не разъяснение нечеткой позиции товарища,— проговорил он наконец, вставая и недоуменно разводя руками.

— Да, это обвинение,— подтвердил Ленин.— Однако в достаточной мере и разъясняющее суть ложной позиции Марка, которого мы еще продолжаем считать нашим товарищем, о чем очень определенно свидетельствует обращение к нему в начале письма. Да, конечно, мы обвиняем товарища! Но объясняем и почему. И предупреждаем о том, что мы намерены предпринять в дальнейшем, если он будет по-прежнему гнуть свою линию, вернее, изгибаться от каждого дуновения любого ветерка. И оставляем ему протянутой дружескую руку, если он сам захочет принять ее. А не руку Игоря.

— Все это следует значительно смягчить. Вы нашли мое письмо полякам жестковатым местами. Ваше письмо Марку все сплошь очень жесткое.

Теперь оба они стояли. Зиновьев, как-то бочком навалившись на стол, на груды книг и тесня их так, что они вот-вот могли свалиться. Ленин стоял, всем корпусом откинувшись назад и ухватившись за прутья железной спинки кровати.

— Вещи надо всегда называть своими именами, Григорий Евсеевич. И не след сопоставлять наши письма по тону, ибо писаны они в совершенно различные адреса. Вы настаивали, чтобы Марку были даны разъяснения. Даны! Неужели теперь и вы сами нуждаетесь в этом?

— Ищу точной меры словам — и только!

Книги посыпались на пол, Зиновьев пытался подхватывать на лету. Это не удалось. Он наклонился и стал собирать их. Ленин помог восстановить на столе порядок.

— Как видите, Григорий Евсеевич, точная мера долж-

на соблюдаться в движениях, в действиях,— проговорил он, улыбаясь и вытирая руки платком.— Не мои слова вызвали эту катастрофу, а ваши неправильные действия.

— Вызванные вашими словами.— Зиновьев тоже улыбался, но как-то недобро кривя губы. И вдруг заговорил уже совсем сердито: — Если вы хотите навсегда оттолкнуть Марка, таким письмом вы этого можете добиться легко.

— Вот как! — воскликнул Ленин.— Члена ЦК, большевика, и можно оттолкнуть от большевизма? Да настоящий большевик, черт возьми, тут же полезет в драку, если прочтет несправедливые слова о нем! А если они справедливы — как могут они его оттолкнуть? Они лишь дадут ему пищу для серьезнейших размышлений. «Оттолкнуть»! Вот вы же сейчас лезете со мной драться!

— Защищаю человека!

— А истину?

— Истина сложна, Владимир Ильич. Пока она раскрывается и высветится во всей полноте — человек может уйти.

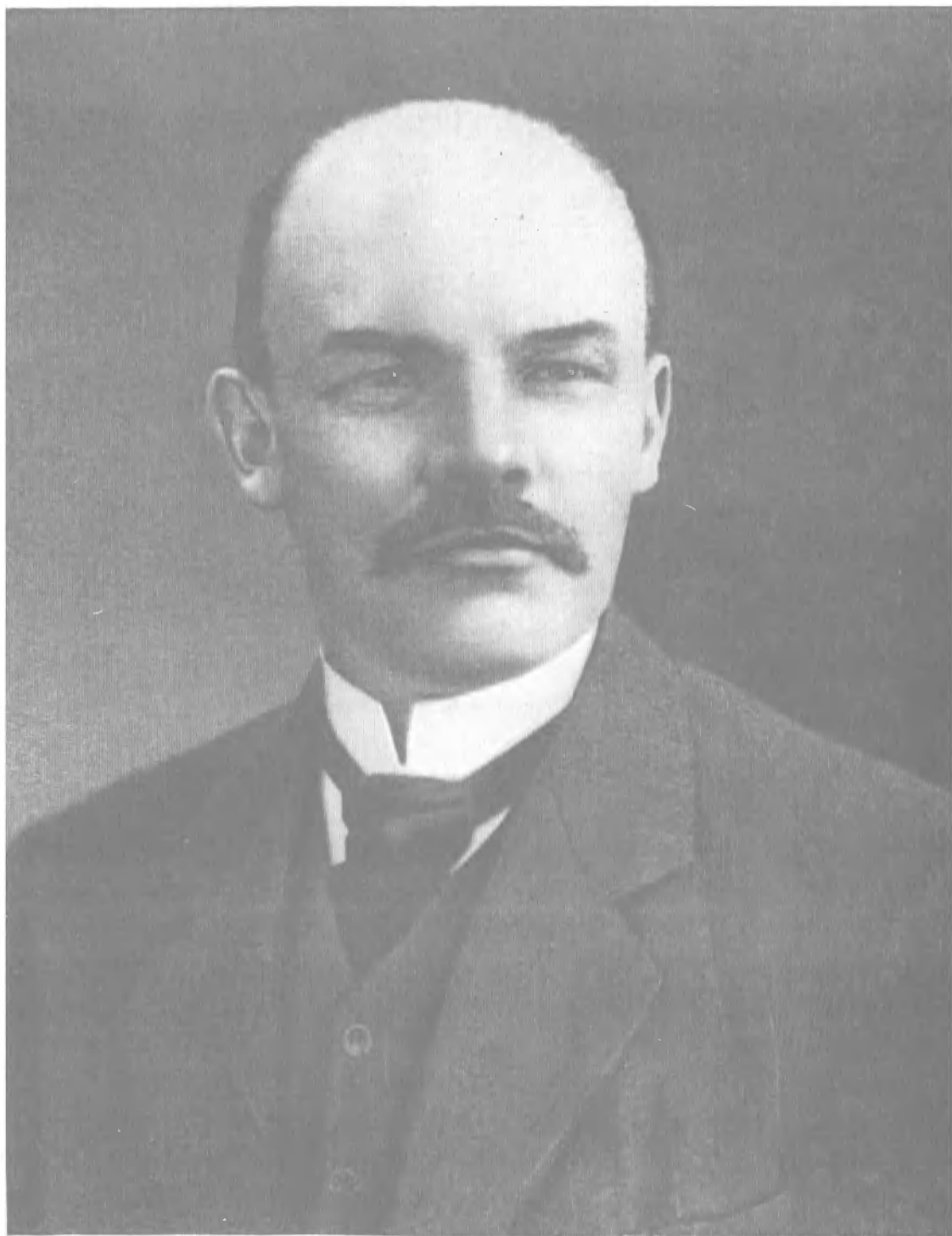
— Гм, гм... «Сложна...» А «человек» может «уйти»... Многие уже уходили! Только потому ли, Григорий Евсеевич, что истина для них оказалась слишком «сложна» и никак «не высвечивалась во всей полноте»? Не вернее ли предположить, что их просто не устраивала наша истина?

— Мы говорим сейчас не вообще, а об определенной личности!

— Именно так! Именно, хочу я сказать, Марка наша истина сейчас и не устраивает. Иначе бы он с нею согласился. Иначе бы он боролся за нее вместе с нами, а не против нее, вместе с ликвидаторами.

— Ну, я не знаю, как вам еще доказать...— Зиновьев раздражался все больше.— Так мало осталось товарищей, на которых можно во всем и вполне положиться! Надо держаться за каждого!

— Когда товарищей остается мало, они должны быть только такими, на которых можно во всем положиться. Держаться за них не следует — это и тому и другому

Владимир Ильич Ленин. Париж. 1910 год.

связывает движения. Надо идти рядом, плечом к плечу. И свободно! А кто метит в кусты, такого вообще удерживать не годится — он может не добежать, со всеми последствиями.

— Хорошо, Владимир Ильич,— сказал Зиновьев. И нервная дрожь отозвалась у него в голосе. Он еще раз перечитал письмо.— Пусть так. Хорошо. Но вы отдаете себе ясный отчет в том, что таким решительным тоном мы ставим Марка как бы на карту? Либо выигрываем его, либо проигрываем окончательно. Третьего не дано!

— В карты люблю играть иногда, но — не на деньги и тем более не на товарищей,— резко ответил Ленин.— А в том, что я делаю, я всегда отдаю себе ясный отчет. Большевикам не в первый раз приходится бороться в столь тяжелой обстановке, когда все кости трещат. У вас нет желания, Григорий Евсеевич, разделить со мной эту тяжесть, нет желания подписать это письмо. Не подписывайте. Оно пойдет за моей подписью только!

Он сказал это, и воцарилась сразу какая-то странная тишина. За окном немо качались тонкие бледно-зеленые ветви сирени. На кухне кот — любимец семьи Ульяновых — грыз косточку, постукивал ею об пол. А где-то в конце улицы глухо урчал автомобильный мотор. За стеной, на половине Елизаветы Васильевны, часы пробили двенадцать. Но все эти звуки никак не разрушали напряженную тишину комнаты, тишину — предвестницу крупной ссоры.

Ленин стоял, согнув руки в локтях, а локти положив на спинку кровати. Прищурясь — один глаз у него видел хуже, и этим он корректировал зрение,— прищурясь, он выжидательно всматривался в Зиновьева.

Тот постукивал пальцами по столу. Потом скрестил руки на груди. Обвел глазами углы комнаты. Поворошил волосы. Опять сложил руки вместе. И очень быстро, передернув плечами, наклонился к столу, схватил перо, подписал письмо, вложил его в конверт — стопка конвертов лежала рядом с чернильницей,— начертал адрес: Mr. Lûbimoff E. V. Rûe Campagne Premiere, 7.

— Я сам занесу его в почтовую контору, — сказал. И вышел, не попрощавшись.

Ленин устало повернулся. Подавшись всем корпусом вперед, зашагал туда и обратно в узком пространстве между кроватями.

Ни в чем нельзя по-настоящему положиться на этого человека. Твердит о своей приверженности большевистской линии в партии, а сам на деле гнет совсем в другую сторону. Извольте находиться с ним в одной упряжке! Состоит членом редакции «Социал-демократа», центрального органа партии, представляя в нем большевиков, а сам добивается признания органом ЦК венской «Правды», которая целиком находится в руках подлейшего карьериста Троцкого. Заявляет о своей солидарности с Лениным, а всего лишь на январском пленуме из кожи вылезал вон, поддерживая примиренцев и ликвидаторов. Да-а...

Январский пленум... Он мог бы стать действительным союзом двух фракций, объединить на общей политической платформе большевиков и меньшевиков-партийцев. Так нет, опять-таки при помощи того же Зиновьева туда притащили всех — примиренцев, ликвидаторов, отзовистов, и прочая, и прочая. Решили числом задавить! Ну что ж, пришлось сражаться. Три недели тягчайшей борьбы. С уступками. Но и с победами. Каких невероятных усилий стоило добиться хотя бы недвусмысленного признания ликвидаторства и отзовизма проявлением буржуазного влияния на пролетариат! Были и другие полезные решения. Но все эти решения теперь саботируются. Большевистский «Пролетарий» закрыт. Центральный орган партии «Социал-демократ» испорчен, а с приходом туда Мартова и Дана — воткнули-таки их! — работа стала совершенно каторжной. Ни дня без склоки, без истерик и угроз со стороны этих господ меньшевиков. Большевистского «Пролетария» нет, а ликвидаторский «Голос социал-демократа» преспокойно выходит. Вот вам и решения пленума о закрытии, в пользу единства партии, всех фракционных органов! В Заграничное Бюро ЦК от большеви-

*Виктор Павлович Ногин
(1878—1924).*

ков вошел Любимов — Марк, а он, пожалуйста... И Зиновьев уговаривает делать перед ним реверансы!

Коллегия членов ЦК в России... Вот там, вдали от этой тяжелой и подлейшей эмигрантской грызни, там, где теперь свирепствует жесточайший столыпинский террор, но где, несмотря на все это, живет святое дело пролетарской борьбы, — вот там сейчас всеми мерами надо закрепить и упрочить свои позиции! Через Русскую коллегию ЦК приблизить руководство к местным организациям, оставшимся ныне опять разобщенными. Крепкая, работоспособная коллегия... С этим на пленуме все согласились. А между тем персональный состав не определили. Коллегия на паритетных началах, однако своих представителей господ ликвидаторы не выделили. Ударились в демаго-

гию: пусть большевики-цекисты, приехав в Россию, обратятся за советом к местным работникам. Что это, как не губительная затяжка во времени, как не стремление засаботировать партийную работу? Что это, как не стремление удалить ЦК от Ленина, зная, что Заграничное Бюро уже обессилено? Нет, нет, и здесь еще поборемся! Большевики-цекисты уже уехали, товарищи Ногин и Гольденберг. И вот Гольденберг уже там арестован. В явной опасности Ногин. Тяжело!.. Но все равно нельзя сдавать позиции ни на йоту.

Он все ходил и ходил взад и вперед, то всовывая руки в карманы, то закладывая их за спину. Десятки мучительных вопросов не давали ему покоя.

Кому теперь должно поехать в Россию вместо Гольденберга? Быть может, тоже на провал, а значит, и в тюрьму, на каторгу.

Не имея работоспособной Русской коллегии, каким образом бороться там, на месте, с Потресовым и компанией, организовавшими уже свой, ликвидаторский «центр»? И если им удастся в ближайшее время объявить официально о создании легальной социал-демократической партии, то есть партии просителей-реформаторов, какой страшный удар тогда будет нанесен революционной, нелегальной РСДРП! О, тогда господину Столыпину руки и вовсе будут развязаны, он оборудует своими виселицами все города!

Как обезвредить подлую деятельность Дана и Мартова в центральном органе партии? Как вышибить их отсюда? И как приблизить Плеханова, который в этот тяжелый момент, оставаясь хотя и меньшевиком, все-таки честно воюет за сохранение партии?

Как добить окончательно Богданова с его мерзейшей философией богостроительства? Философией махизма, к которой так сильно потянулись — черт с ним, с Базаровым! — и Луначарский и даже Горький?..

Ах, Алексей Максимович, Алексей Максимович, милый и умный человек! Куда вас потянуло? От подлинного искусства слова, понятного и нужного народу искусст-

ва, которым вы владеете в высшей степени, к какой-то нелепой, надуманной «пролетарской философии» и «пролетарской культуре»! А вашим именем теперь козыряют...

Ленин подошел к столу и сделал пометку в тетради, служившей ему для памятных записей: «Завтра — подробно о наших делах Ал. М-чу».

Из кухни сквозь полуприкрытую дверь доносились голоса. Надежда Константиновна кого-то тихо убеждала зайти попозже, потому что Владимир Ильич сейчас работает... Ленин усмехнулся. Дорогая! Как незаметно, а настойчиво она все время его оберегает. Ему представилось: вот Надя вернулась из магазина, сумка с провизией оттягивает ей руку. А в квартире тишина. Значит, Зиновьев ушел. Надя заглядывает в щелку двери. Видит мерно шагающего человека. Стало быть, человека работающего, ибо она хорошо знает, что этому человеку, когда он работает, обязательно надо шагать. И вот — от ворот поворот любому гостю! Ах, не его оберегать Надюше, ему Надюшу надо бы побережь, не позволять ей носить тяжелые сумки...

— Надюша! — крикнул он. И широко распахнул дверь. — Работу я уже закончил. С кем ты ведешь переговоры?

— Да вот Иосиф Федорович с Яковом Абрамовичем в гости пожаловали, — весело откликнулась Крупская. — А я было совсем уже их отправила обратно. Согласились.

— Вот «примиренцы»! — воскликнул Ленин, входя на кухню. — Сразу и согласились? Без всякой борьбы?

— Не надо так шутить, Владимир Ильич, — просительно сказал Дубровинский, пожимая протянутую Лениным руку. — Из всех неприятных слов это слово для меня самое неприятное. Бывал такой грех, и не раз, но, право же, поверьте, я стремился всегда не к «примирению» непримиримого, а просто к желанному миру в партии.

— Простите! Простите! Сказал без злого умысла, навязло слово в зубах. Хотя, впрочем, позвольте заметить,

в наше сложное время, увы, путь к миру часто лежит через войны. Товарищ Житомирский, дорогой доктор, здравствуйте! — Ленин подал ему руку. — Надеюсь, вам достаточно общих моих извинений?

Житомирский, высокий, худой, с узким, длинным лицом и чуть кривоватым носом, беспечно отмахнулся.

— Владимир Ильич, — сказал он несколько нараспев, — я следую всегда превосходной народной поговорке: хоть горшком назови, только в печку не ставь.

— Знаете, а по-моему, этот принцип не из лучших. Уж если называться горшком, так и выполнять все его обязанности, — заявил Ленин. — Мы сумеем покормить товарищей?

— Да, конечно, — гостеприимно отозвалась Крупская. — Сейчас соберу что-нибудь. Время как раз обеденное.

Поставила на стол молоко, хлеб, подсоленный миндаль.

— Понадоблюсь, кликните. Буду в маминой комнате.

— Спасибо, Надежда Константиновна, не хлопчите, — сказал Дубровинский. — Мы с Яковом Абрамовичем уже пообедали в нашей столовой.

— После нашей столовой всегда особенно сильно есть хочется, — заметил Ленин. И принялся рассаживать гостей. — Прошу, без стеснения! Чем богаты, тем и рады. Рассказывайте, что нового?

Дубровинский налил себе полстакана молока, выпил. Разглаживая вислые усы, вздохнул.

— Да что тут нового, Владимир Ильич... Опять Алексинский набезобразничал. Вчера поздно вечером ввалился в кафе на авеню д'Орлеан. Еще какие-то передовцы с ним. И давай шуметь, орать, что партию на лучины собираются расщепить Ленин. От его несговорчивости, мол, и пошли всяческие группировки. Вообще произносил такие слова... — Дубровинский с отвращением покрутил головой. — Противно, Владимир Ильич! Противно!

— Так, так, — сказал Ленин, и в глазах у него заиграла злая ирония: — Значит, «на лучины собирается пар-

тию расщепить»? Партию — на лучины! Во всяком случае, из Алексинского лучину, которая может гореть и светить, никак не сделаешь. А деревянный гвоздь, затыкать бочки с ночным золотом, из него впередовцы уже вытесали.

— Да черт с ним, с Алексинским! — Житомирскому спокойно не сиделось. Он то и дело дергался, словно бы его снизу кто-то подкалывал. — Психически неуравновешенный человек. Больной...

— Больной фракционностью! — уточнил Ленин. — При том самой отвратительной — «впередовской» фракционностью!

— Ваш диагноз, Владимир Ильич, безупречен, — Житомирский поднял руки. — Но я хочу сказать совсем о другом. Слыхали, Чернов написал водевильчик? Называется «Буря в стакане воды». Это по поводу январского пленума. На будущей неделе собирается разыграть в своей эсеровской эмигрантской колонии. Пригласительные билеты уже заготовлены. Предполагается организованный свист и улюлюканье по адресу социал-демократов и в первую очередь, конечно, большевиков.

— Негодяй! — вскипел Ленин. — Об этих литературных потугах господина Чернова я слышал достаточно. А вот то, что он выступает теперь и в роли гросс-ведьмы, скликая на шабаш всю эсеровскую нечисть, — это ново. Ну что же, потанцуют! Пусть потешат свои душеньки над черновской «бурей в стакане воды», а мы свою бурю устроим на море! Устроим, черт возьми! — Он пристукнул по столу. — И насчет нашего январского пленума пусть особо они не злорадствуют. Они в нем увидели только склоку. А мы там все-таки идейно разбили наголову ликвидаторство и отзовизм. Добьем и практически! Очистим партию! От пустозвонства Троцкого, от махизма Богданова, от оппортунизма Потресова, от прочих «больных». Все это доведем до рабочих масс, они воочию должны увидеть, что через все эти накипи развитие партии, социал-демократического рабочего движения неуклонно идет и идет вперед. — И повернулся к Дубровин-

скому:— А вы что так горько задумались, Иосиф Федорович?

Дубровинский сидел ссутулясь, тихонечко ладонью растирая узкую, впалую грудь. Взгляд его был устремлен неподвижно куда-то на угол стола, где клеенка проби-лась насквозь и осыпалась. Обращение Ленина вывело его из задумчивости. Он тронул усы, заговорил глуховато:

— Не по мне, Владимир Ильич, эта жизнь эмигрант-ская. Душно! Дни текут томительно, медленно.

— Согласен. И все же очень бесполезно,— строго сказал Ленин.— Происходит важная внутренняя работа.

— Знаю... И тем не менее не могу! Хочу к живому делу. Хочу в Россию!

— А мне,— закрыв глаза и голосом, полным дружес-кого сочувствия, проговорил Ленин,— а мне разве тоже не хочется в Россию?

— Ну... Вам нельзя, Владимир Ильич. Это пока со-вершенно исключено.

— И вам нельзя,— тихо сказал Ленин.— Вы сбежали из ссылки. Если вас поймают, вас снова упекут на ка-торгу...

— Не поймают,— перебил Дубровинский.

— ...А по нынешним драконовским законам к неотбыто-му сроку могут прибавить и еще. А закатать уже не в Воло-годскую губернию, а куда Макар телят не гонял.

В разговор вмешался Житомирский. Он все время с удовольствием грыз подсоленный миндаль.

— Вам бы в Швейцарию лучше, Иосиф Федорович, в Давос. Повторить курс лечения. Не забывайте, что тубер-кулез — болезнь коварная. Извините, Владимир Ильич, что я опять о болезнях. Но как врач я обязан...

— В данном случае, Яков Абрамович, вы обязаны не только сказать это, но и решительно повлиять на Иосифа Федоровича. Ему надо поехать в Давос. Сейчас, как никог-да, партии нужны сильные, здоровые люди,— проговорил Ленин.— Послушайтесь совета, Иосиф Федорович!

Дубровинский отрицательно покрутил головой.

— Я здоров.

— Вы больны,— настойчиво сказал Житомирский.— Серьезно больны. Вам надо лечиться.

— Здоров в достаточной степени, чтобы поехать в Россию и заниматься там делом, к которому я привык, которое, мне кажется, я умею делать несколько лучше, чем барахтаться в здешнем болоте.— Вялость слетела с Дубровинского. Он говорил решительно, страстно: — Я все обдумал и взвесил. Гольденберг арестован. Как член ЦК я имею право настаивать, чтобы мной теперь в Русской коллегии заменили его. Одному Ногину там сейчас очень трудно.

— Одному Ногину там очень трудно,— повторил Ленин и, слегка пожимая, взял худую, с крупными синими жилами руку Дубровинского в свою руку.— Но, Иосиф Федорович, без вас мне будет здесь очень трудно. Мы так отлично с вами сработались, понимаем друг друга.

— А разве, работая в России, тем самым, Владимир Ильич, я не буду вам помогать? — возразил Дубровинский.— Ведь все, что сейчас мы делаем здесь, мы делаем для России.

— Гм, гм... Да...

Ленин по-прежнему держал руку Дубровинского в своей руке. Горячая. Опять, наверно, вспышка температуры. Врач Житомирский прав. Иннокентию — в уме Владимир Ильич привык называть его так — надо лечиться. Но прав, черт подери, и сам Иннокентий: в России он будет чувствовать себя здоровее, потому что Давос — это только месяц, а остальное время — Алексинский, Мартов, Дан и иже с ними. Политическая грызня и просто безобразные выходки. Где настоящее дело: здесь или там? И здесь и в России. Прав Иннокентий: все, что делается здесь, делается только для России...

...Разоренные нищетой и голодом деревни. Беднота, тянущая бесконечную лямку страдальческой жизни на лоскутках земли, где, по Толстому, «и куренка выпустить негде». Дымящие трубы заводов и фабрик, жилы выматывающий ручной труд, и если даже машина — она не помощник, а погонщик рабочего. Убивающее душу бесправье. Призрачные тени объявленных когда-то «свобод». И тягчай-

шее, опаснейшее подполье для тех, кто сражается за действительную свободу, кто хочет вырвать Россию из мрака. Провал за провалом. Аресты, военно-полевые суды, жесточайшие кары. Но ведь нельзя же сдаваться! Нельзя ни на йоту ослаблять борьбу! Да, да, Иннокентий прав, стремясь поехать в Россию. Он великолепный организатор, пропагандист. Он сумеет поднять, всколыхнуть многих из тех, кто устал. Он отлично знает места, людей, на которых там можно всегда опереться. Он введет в дело новые силы. Да! Хотя и жаль, очень жаль, что не будет тогда здесь, близко, хорошего друга, товарища...

— Иосиф Федорович, попомните, и в Питере и в Москве вы настолько известны охранке, что показываться там для вас сейчас небезопасно. В высшей степени небезопасно!

Ленин снял свою руку с руки Дубровинского, как бы подчеркивая этим, что предоставляет ему полнейшую свободу для размышлений. А сам только советует, кое на что обращает его внимание.

— Ни в Москве, ни в Петербурге я долго задерживаться не собираюсь,— сказал Дубровинский.— Цель моя видится так: объехать в первую очередь города, где наиболее сохранились наши партийные организации. Восстановить связи. Когда сформируем там, на месте, Русскую коллегию в полном составе, обдумаем, как целесообразнее повести нам практическую работу.— И усмехнулся: — Я ведь главным образом практик.

— Пересечь границу будет не просто,— заметил Житомирский,— Гольденберга как раз на границе уже охранка взяла под наблюдение.

— Хороший паспорт, немного грима, немного актерского мастерства. У меня это иногда получается,— сказал Дубровинский.— А если попробовать через австрийскую границу, на Краков, так можно, пожалуй, и по «полупаску» пройти. Даже фотографической карточки для этой штуки не требуется. И стоит совсем недорого.

— Продать там не только «полупаски», но и людей продать там могут недорого,— с сомнением проговорил

Житомирский.— Ох, связываться с этими контрабандистами! И все же через Краков—это наиболее верный путь.

— Вы рассуждаете как о совершенно решенном деле,—сказал Ленин.

— Оно должно быть решено только так,—сказал Дубровинский.—Послать отсюда кого-то в Россию абсолютно необходимо. Этим человеком буду я. Все равно здесь я не останусь! Владимир Ильич, поймите меня: я истомился.

— Очень хорошо понимаю,—проговорил Ленин. Лицо у него сделалось торжественно-грустным. Он знал превосходно, на какую опасность идет Иннокентий, добиваясь поездки в Россию. Знал, что никто другой сейчас не окажется там, в России, столь полезным, как Иннокентий. И знал, что, если отъезд состоится, долго, очень долго и здесь будет не хватать Иннокентия. Он встал.—Иосиф Федорович, немного пройдемся? До кафе? Возможно, встретим и еще кого-нибудь из товарищей. Надо посоветоваться.

Житомирский осведомился, не будет ли он на пути до кафе, так сказать, «третьим лишним»? Дубровинский ответил, что, наоборот, Яков Абрамович может много помочь своим деловым подсказом. Ленин, смеясь, прибавил, что врач бывает «третьим лишним» только у постели больного.

— Надюша, извини, мы уходим! — крикнул он.—Если погода не испортится, потом мы непременно с тобой покатаемся.

И стал боком, пропуская гостей вперед.

Вернулся он не скоро, совсем уж под вечер. Пришел вместе с Зиновьевым. Вздурораженный незаконченным спором. Нервничая, стащил с себя пиджак, швырнул на спинку стула. Схватил другой стул, крутнул перед собой, поставил на него ногу, согнутую в колене.

— Но вы убеждены, что Марк говорил вам все это совершенно искренне? Вы убеждены, Григорий Евсеевич, в том, что эти его слова впоследствии не разойдутся с делом?

— Да, убежден, Владимир Ильич, полностью убеж-

ден! — с жаром сказал Зиновьев. — Жалею, что вас не оказалось при нашем разговоре. Марка нужно было слышать, Марка нужно было видеть, чтобы понять, какая нестерпимая обида, что я и предполагал, нанесена ему нашим письмом. Он прибежал ко мне, едва владея собой. Нужно было слышать наш двухчасовой диалог!

— Обида — вполне естественно. Но если человек обиделся, это еще не значит, что человек исправился. Готов исправиться!

— Ликвидаторство — только шелуха его слов. Шелуха легко сдувается ветром. А несправедливо нанесенная обида надолго впивается в сердце железным ржавым гвоздем, — проговорил Зиновьев.

Ленин вдруг расхохотался.

— Ах, черт возьми, — «железным»! И «ржавым» еще! Не меньше? — Он перестал смеяться. — Но без красивых слов, чего вы все-таки хотите, Григорий Евсеевич?

— Хочу одного. Чтобы Марк знал: его разговор со мной не был пустым, бесполезным. Ему верят. Вот и все.

Ленин убрал ногу со стула, повернул его, как удобнее, и грудью навалился на спинку, исподлобья разглядывая Зиновьева. Тот кипел еще. Обида, о которой он говорил, ссылаясь на Марка, горела и в его собственных глазах.

— Полагаю, вы Марку уже ответили именно так, как сейчас заявили, — сказал Ленин.

— Да! Но письмо ему утром подписали мы оба.

— Иными словами?

— Необходимо послать ему второе письмо. И тоже за двумя подписями.

— Вы это тоже ему пообещали, — Ленин не спрашивал, говорил утвердительно. И сухо, осуждающе.

— Разумеется! Никакими другими способами нельзя снять обвинение, несправедливо возведенное на человека. Повторяю и подчеркиваю: выслушав подробнейшие его объяснения.

— Итак, вы распорядились мною, Григорий Евсеевич, не спросив меня, — холодно сказал Ленин. — А если я не подпишу?

Зиновьев растерялся. Холодность Ленина обескуражила его.

— Владимир Ильич... Вы ставите меня в ужасное положение... И... и... гуманность... Истина этого требует!

— Да-а, действительно, положение,— сказал Ленин.— Если я не подпишу второе письмо Марку — я должен буду написать первое письмо вам. Аналогичное утреннему. Так ведь складываются теперь обстоятельства и наши с вами отношения, Григорий Евсеевич? Вы с этим согласны?

— Владимир Ильич, меньше всего хотел бы я ссоры с вами,— укоризненно проговорил Зиновьев.— Моя вина лишь в том, что я не привел Марка для объяснений сюда, я считал, что вы мне поверите.

— Так,— невесело усмехаясь, сказал Ленин.— Теперь вы ставите меня в ужасное положение. Вы заявили, что не ищете ссоры со мной. Стало быть, вы хотите, чтобы я начал ссору?

Лицо Зиновьева налилось багрецом.

— Мне остается только покинуть ваш дом! — сказал он, сдерживая дрожь в голосе.

— Да! Или мне — показать вам на дверь,— сказал Ленин. Сцепил кисти рук, поднес их ко лбу, отбросил решительно.— Но я не сделаю этого лишь потому, что нам с вами работать приходится все-таки вместе. Пишите. Но, бога ради, только два слова!

Через минуту Зиновьев протянул ему лист бумаги с неровными, прыгающими строчками: «Уважаемый товарищ! Берем назад наше письмо и сожалеем по поводу предъявленного Вам несправедливого обвинения в поддержке ликвидаторства в ЗБЦК. 10 апреля 10 года. Григорий».

Ленин прочел и ниже молча расписался. Зиновьев всунул бумагу в конверт, поднялся торопливо.

— Я сам занесу в почтовую контору,— сказал он.

Вошла Крупская. Притворила за Зиновьевым неплотно захлопнутую дверь — с улицы вползала сырая прохлада,— опустила на окнах шторы. Владимир Ильич выша-

гивал по комнате из угла в угол, стремительно, круто поворачиваясь у стены. Так бывало, когда его слишком уж выводили из душевного равновесия. Надежда Константиновна знала.

— Володя, я все слышала,— тихо проговорила она.— Ты поступил очень правильно. Григорий Евсеевич ведет себя безобразно. Надо было дать ему это почувствовать. А совершенно испортить с ним отношения сейчас действительно не время. Тогда ты останешься совсем один против всех этих разрушителей партии.

— Надюша, у меня, оказывается, уже насквозь протерлись подметки,— сказал Владимир Ильич сердито и очень громко, так, будто он заговорил первым.— Черт знает, как скверно работают парижские сапожники! Ставят, вероятно, не кожу, а картон.

— Я тоже думаю, что Марк хотя сейчас и отказался поддерживать ликвидаторов, но когда-нибудь после, не на этом, так на другом, подведет. Он способен. Так же, как и Григорий Евсеевич. А что подделаешь? Такой момент. Из двух зол выбирать приходится меньшее.

— Помню, Алексей Максимович Горький рассказывал, с какими подошвами ботинки носят грузчики на пристанях. Позавидовать можно! Мне бы на целый год хватило! — еще более громко сказал Ленин.

— Это письмо...

Он вдруг всплеснул руками. Метнулся к столу.

— Батюшки! — воскликнул, беря перо и придвигая поближе чернильницу.— Я так и не написал еще письмо домой! Этот новый стиль и старый стиль календаря... Европа и Россия... Боюсь, не опоздало бы мое послание.

— Володя, ты очень расстроен. Немного отдохни. Потом напишешь.

— Нет, нет, ни в коем случае! — Потряс головой и сразу засветился, весь уйдя мыслью в первые строки письма: «Дорогая мамочка! Надеюсь, ты получишь это письмо к 1 апреля. Поздравляю тебя с днем ангела и с именинницей и Маняшу тоже. Крепко, крепко обеих обнимаю. Письмо твое с новым адресом получил на днях,—

перед тем незадолго получил и Митино письмо...» Надюша, закончу, немного пройдемся вместе? До почтовой конторы? Спасибо! — И снова перо его побежало по бумаге: «...Я не знал, что старая квартира ваша была так далеко от центра. Час езды по трамваю — это беда! У меня здесь полчаса езды по трамваю до библиотеки, и то я нахожу это утомительным. А ездить каждый день по часу туда да час обратно — из рук вон. Хорошо, что теперь вы нашли квартиру близко к Управе. Только хорош ли воздух в этих местах? Не слишком ли...»

— Ты не забудь, Володя, ответить Марии Александровне, что встретиться нам с нею в Стокгольме нынче очень даже возможно, — сказала Крупская, одеваясь для вечерней прогулки.

— Да, да, Надюша, разумеется! «...не слишком ли там пыльно, душно? За письмо историку большое спасибо: ему уже отвечено...» Да, сколько времени с мамочкой не видались! «...Насчет нашего свидания в августе было бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога. От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже...» Распишу маршрут в подробностях, чтобы мамочке с Маняшей меньше наводить справок. «...От Або до Стокгольма пароход «Буре» — обставлен отлично, открытым морем идет 2—3 часа, в хорошую погоду езда как по реке. Есть обратные билеты из Питера. Если бы только не утомительность железной дороги, то в Стокгольме чудесно можно бы провести недельку!...»

— Володя, я через пять минут буду готова. Не задерживаю?

— Ничуть! «...У нас пока насчет дачи ничего не вырешено. Колеблемся: не лучше ли пансион вроде прошлогоднего, с полным отдыхом Наде и Е. В., или дача, где им придется самим готовить; Е. В. сильно это утомляет...» — Владимир Ильич подумал, написать или нет, что вот и сейчас Елизавете Васильевне нездоровится. И не написал. Не надо зря расстраивать. — «...У нас весна. Вытащил уже Надин велосипед. Так и тянет гулять или кататься. Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здо-

ровья. Маняше — большущий привет. Твой В. У.» Ну вот, и я готов!

К почтовой конторе они шли неторопливо, умышленно избрав кружной путь, подальше от гремящей трамвайной линии. Короткая и тихая улочка Мари-Роз томилась весной. Вечером это сказывалось в особенности. Болтали о том, о сем, а больше говорили о России, как дома, в Москве, отметят «мамочкин день», какая там сейчас погода. Должно быть, всюду текут ручьи, а галки весело галдят на заборах...

На почте Владимир Ильич выбрал, купил самую красивую и необычную марку с каким-то крылатым чудищем, похожим на химеру с собора Нотр-Дам. Опуская письмо в ящик, он вдруг рассмеялся. Рисунок на марке подсказал ему такое сравнение:

— Надюша, этот ящик словно память попа в страстную неделю, когда валом валят к нему исповедоваться. Каких только тайн тогда попы не набираются!

— Ну нет, Володя, это не точно, — возразила Надежда Константиновна. — Попы на исповеди всегда рассказывают только что-либо стыдное. Тайны исповеди — самые неприглядные. Тяжелые грехи! А в письмах, что опускаются в этот ящик, люди делятся между собою самыми простыми и честными житейскими заботами.

— Гм, гм... Возможно, ты права. — Обернувшись, Ленин еще раз посмотрел на почтовый ящик. — Хотя пари готов держать, что и в нем сейчас есть много такого недоброго и стыдного, о чем писавший не решился бы рассказывать вслух.

Владимир Ильич угадал. На самом дне ящика лежало письмо Житомирского. Местное. В двойном конверте. На верхнем конверте обозначен некий промежуточный адрес. Но в конечном счете письмо должно было попасть в руки москве, а в российском чине — статского советника Красильникова, жандарма, заведующего заграничной агентурой.

Письмо начиналось так: «Многоуважаемый Александр Александрович! Очевидно, в самые ближайшие дни будет

решен окончательно вопрос о точных сроках отъезда в Россию члена ЦК РСДРП, большевика Дубровинского (Иннокентия). Мною для него разработан маршрут...»

— Знаешь, Надюша,— говорил Владимир Ильич, бережно помогая Надежде Константиновне переступить через трамвайный рельс — теперь они шли другой, более короткой дорогой,— знаешь, меня не только эта история с Марком сегодня так выбила из настроения, ничего доброго не жду ни от него, ни от Григория Евсеевича с его постоянным стремлением всюду выскакивать очертя голову, но ведь работать действительно с кем-то надо! Уезжает Иннокентий — вот что существенно. Удержать его невозможно. И не следует удерживать. Поступает он правильно. В России он очень нужен. Но без него нам с тобой здесь, в этой маете, среди всяческой накипи, долго будет тоскливо. Жалею, что расстаемся, и в то же время завидую. В какую большую работу он сразу там уйдет с головой! А я все еще окован эмигрантской цепью. Мы только письма пишем домой, а Иннокентий скоро увидит своими глазами все: и Питер, и Москву, и Волгу мою родную!

— Ты не попросил его передать поклон Волге?

— Конечно, попросил! В Москве он долго не задержится, недельки на две в Питер, а там на Волгу...

Через неделю по прибытии в Москву Дубровинский был арестован. В первых числах октября сослан на четыре года в далекий Туруханский край. И оттуда уже не вернулся.

А Марк, продержавшись недолго на верных позициях, как и предполагал Владимир Ильич, повел новые атаки на партию.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

— Богумир, ты когда-нибудь спишь?

— Всегда сплю. Когда хочется спать и когда для этого нет препятствий. Вот видишь, я и сейчас зеваю — хочу спать. Но не могу. Должен разговаривать с тобой. Потом должен пойти на собрание у «Белого лебедя». А там уж — не давать спать другим.

И через час он на Поржичи, в зале «Белого лебедя». Жарко. Оттого, что это происходит в июле. Еще оттого, что народу в тесном зале набито битком. И наконец, оттого, что собралась не случайная, праздная публика, живущая бог весть какими интересами,—пришли рабочие со всех пражских предприятий, чтобы услышать слова правды о последних событиях в России—великой соседней стране, объятая пламенем революционной борьбы. А этот огонь незримо перебрасывается через любые границы и расстояния, именно он, этот огонь, греет сейчас, накаляет зрительный зал больше всего. Люди ждут нетерпеливо.

Богумир Шмераль поднимается на трибуну, привычным движением поправляет очки. Они его не делают старше, двадцать пять лет—всегда двадцать пять. Но в очках на этот раз видится как-то по-особому далеко и свободно. А разместившиеся в зале среди рабочих полицейские ищейки—они видны все наперечет—похожи на мышат, нюхающих воздух из норки.

— Красное знамя на мачте военного корабля...— спокойно, чутьчку растягивая первые слова, начинает Шмераль.

И видит, как сразу притянулись к нему и замерли сотни глаз, доверчивых, дружелюбных.

Только в глазах полицейских отчаянная тревога: этот юноша, философ и юрист, умеет владеть аудиторией, захватывать ее, подчинять своей воле. Он не любит красивых, звонких фраз, не любит рассуждать «вообще», он берет только факты, но такие всех волнующие факты и так их предъявляет, показывает, что становится не по себе. Как на пороховой бочке. Еще, еще искра—и вдруг все взлетит! Но останавливать, обрывать доктора Шмерала, одного из редакторов «Право лиду», популярнейшей среди рабочих газеты, обрывать Шмерала посреди его речи еще опаснее. Тогда взрыв уж и совсем неизбежен. Эти пролетарии всегда с наслаждением слушают «своего» Шмерала и сорвать его выступление ни за что

не позволят. Вот тут и выполняй свои полицейские обязанности, верно служи императору Францу-Иосифу и не навлеки на себя лишнего гнева народного.

Но Богумир Шмераль это все тоже знает. И знает, каким языком допустимо ему говорить на открытых рабочих собраниях, когда не только в зрительном зале, но даже за столом президиума торчит полицейский комиссар. Не надо касаться личности императора, не надо с трибуны призывать народ к свержению правительства своей страны, не надо говорить о том, что чешские рабочие...

— Красное знамя на мачте военного корабля — это неизбежное и совершенно естественное продолжение той борьбы против самодержавного строя, которую с особой яростью начали русские рабочие после Кровавого воскресенья, когда у рабочих начисто была убита, расстреляна вера в царя и в царскую справедливость. Народ потянулся к оружию. И разве могло быть иначе? Только каменное сердце осталось бы спокойным. И вот уже рабочие Лодзи воздвигают баррикады на улицах, вступают в сражение с полицией, с царскими войсками. Вы слышите? Слышите? Русский народ сделал грозное предупреждение своему правительству: не думайте, что можно запугать нас винтовками и нагайками, принудить вечно оставаться рабами! Но Лодзь только звено в непрерывной цепи горячих битв, которые не стихнут, пока не завершатся полной победой народа. Вслед за Лодзью — Одесса! Здесь тоже всеобщая забастовка. Бьют подкованные копыта казацких коней в булыжные мостовые, каратели выискивают очередные жертвы. И когда на рейде появился крупнейший броненосец Черноморского флота «Потемкин» и взял на прицел своих тяжелых орудий город, многие сердца дрогнули. От радости, что уж теперь-то, перед этой силой, рабочие сдадутся. У забастовщиков сердца дрогнули от гнева: даже штыков и пуль государю императору мало — против рабочих он шлет в бой броненосцы! Но ближе, ближе к берегу, и все увидели, что «Потемкин» — корабль революции. Армия, флот перестали

быть опорой царской власти. На «Потемкине» реет красное знамя восстания и призывает русских рабочих, рабочих всего мира к нему присоединиться...

Шмераль замечает, что последние его слова не очень-то нравятся пану полицейскому комиссару. «Рабочие всего мира» — значит, и чешские рабочие. Но придраться к этому прямо на публике комиссар не решается. В зале напряженная, сочувственная тишина. Попробуй комиссар ее разрушить! И Богумир, тая в уголках губ довольную улыбку, еще «чуть-чуть» добавляет:

— И кто же сейчас на земле всей душой не с ними? Кто не желает победы русскому народу в его благородной борьбе?

Он слегка поворачивается к полицейскому комиссару, как бы спрашивая именно его, и комиссар вынужденно делает неопределенный жест рукой: «Н-да, в общем, конечно...»

С прежней обстоятельностью и неторопливостью, выковывая каждое слово и лишь временами возвышая голос до громовых раскатов, Шмераль продолжает свой горячий, взволнованный рассказ о революционных событиях в России. Но это не простой рассказ — это совет, наставление всем сидящим в зале рабочим: быть готовыми к такой же непримиримой и упорной борьбе.

Его речь заканчивается под бурю аплодисментов, под выкрики: «Слава «Потемкину»!», «Да здравствует революционная Россия!»

Грохочет чей-то крепкий бас:

— Да здравствует революция!

Полицейские встревоженно оглядывают зал. Это уже не о России. Это уже, черт возьми, призыв к революции вообще. Может быть, даже и в Австро-Венгерской империи...

Но все поднялись, стоят, аплодируют Богумиру Шмералю, а потом спокойно начинают расходиться, поглядывая на полицейских гордо, свысока, с сознанием собственной силы.

Вечером Богумир сидит с друзьями в небольшом, пропитанном табачным дымом ресторанчике на Жишкове. Вспоминают, обсуждают, как прошло собрание. Хохочут, разыгрывая в лицах смятение, охватившее полицейских, когда в зрительном зале вдруг раскололась тишина и начались здравицы в честь русской революции, в честь матросов мятежного «Потемкина». Это же — не надо быть дураком! — великолепный пример для всех чешских рабочих. Этого не может не понять и правительство.

— А зацепиться им не за что. Нарушения закона о рабочих собраниях нет,— говорит Антонин Запотоцкий.— В сердца же человеческие им не проникнуть. Да если бы и проникли! В тюрьму сердца не посадишь за то, что они бьются не так, как правительству нашему хочется.

— Собрание! — Шмераль хохочет громко, заразительно.— Я напишу в «Право лиду» теперь такую статью о русской революции, что ее захочется и у нас повторить каждому чеху. Не знаю, как и чем закончат русские, но пятьдесят семь лет кряду быть императором, думаю, Францу-Иосифу совершенно достаточно.

— Ты тише, пожалуйста...

Плечистый черноволосый официант расставляет на столике кружки с пивом. По две на каждого. Не очень торопится. Он рассчитывает поймать хотя бы еще несколько фраз, кажется, довольно-таки любопытного разговора. А там будет видно, какую пользу извлечь для себя из подслушанного. Польза определится потом. Он, словно шашки на доске, передвигает кружки с пивом туда и сюда, в десятый раз обмахивает столик полотенцем, строит подчеркнуто равнодушную физиономию.

— Святая дева Мария! — изумленно всплескивает руками Шмераль.— Я вижу на столе только пиво. Где же курица?

— Прошу прощения, но молодые господа не заказывали,— говорит официант.— Сколько порций прикажете?

— Курицу! Целую курицу! — наставительно объясняет ему Шмераль.— Мы хотим пообедать во славу государя нашего. Вы любите императора?

— О да, конечно, господа! Конечно!

— Курицу!

Официант убегает мелкой рысцой. Главная польза здесь может оказаться, пожалуй, только от щедрых чаевых. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Эти люди пришли хорошо пообедать.

А разговор между тем продолжается. Поглаживая не по-юношески жесткой, заскорузлой рукой каменотеса узорчатую льняную скатерть, Антонин Запотоцкий перебирает последовательно российские события. Позорное поражение царской армии в войне с Японией, бессмысленность, никчемность этой бойни. Запустели невспаханные крестьянские земли, горе, нищета разлились по городам. Но фабриканты и купцы, конечно, греют и на этом руки. Наступает предел терпению народа. Волна забастовок, митингов, демонстраций. И тогда покорно-ласковым искусителем выполз...

— Этот поп Гапон оказался ну и гадиной же,— размышляет Запотоцкий.— Привести под дула винтовок народ, тысячи людей: «Повели, государь, и поклянись исполнить наши просьбы и сделаешь Россию счастливой. А не повелишь—мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом...»

— И умерли,— жестко перебивает Шмераль.— Вот что значит довериться попу. А броненосцем «Потемкин» уже не поп командовал. И если ему на этот раз победа не удалась, то и поражения он не потерпел все-таки. А это, друзья мои... Ну вот и курица!..

На время разговор прерывается. Курица очень вкусна. Особенно когда есть так сильно хочется.

Плечистый официант вертится поблизости.

— Вам, господа, что-нибудь подать еще?

— Гуся! — размашисто требует Шмераль.— Вы можете подать нам гуся?

— Только пожелайте. Сколько порций?

— О боже! Конечно, целого! Запомните: всегда — только целого. Меня зовут Богумир Шмераль.

Официант недоверчиво улыбается. Молодых господ

всего лишь четверо, и они уже скушали большую курицу. Но... Жареный гусь появляется на столе. Целый гусь.

— Знаешь, Богумир,— говорит журналист Иван Ольбрахт,— знаешь, я все время с восхищением думаю о России. У нас существует социал-демократическая партия, мы имеет даже легальную рабочую газету, а за права свои не боремся с такой настойчивостью, как борются в России.

— Могучего духа там люди,— добавляет Йозеф Поспишил, штукатур из Бубенеча.

— Это верно. Революционный дух, сила и страстность из Франции и Германии переместились в Россию. Там сейчас очень сильные наставники. Но ты прав, Ольбрахт, мы могли бы — и должны — сделать больше. Ну что такое в самом деле наша борьба, и газета, и социал-демократическая партия, если рабочий класс, как и в России, совсем не имеет избирательных прав!

— Рабочие — это живые машины,— подтверждает Йозеф.

— Когда политики рассуждают о государстве, подразумеваются, что это весь народ, его населяющий. Но когда что-то делается в государстве, всего народа касающееся, народ как раз ничего не решает. Как будто у простого рабочего в голове не мыслящий мозг, а мякина. Но, черт возьми!.. — взрывается Ольбрахт.

— Это уже довольно точный план действий,— улыбается Шмераль.— Собственно, если весь народ заявил бы столь же решительно: «Черт возьми!» — остальное было бы сделать не так уж трудно. То есть трудно, и очень, но — черт возьми!..

— Надо внимательнее нам приглядываться к тому, что сейчас происходит в России,— задумчиво говорит Антонин Запотоцкий. И осторожно, кончиками пальцев разглаживает скатерть.— Хорошо, когда в большом деле есть с кого брать пример. А с России брать пример можно.

— Мне очень хочется там побывать.— Шмераль необыкновенно серьезен. Рывком сдергивает очки, словно бы это они ему чем-то мешают.— Мне очень хочется там

побывать, и еще больше — повстречаться, побеседовать с теми русскими, кто ведет сейчас у них эту сложную и опасную работу. Да в таком еще жесточайшем и глухом подполье!

— А ты хоть что-нибудь знаешь об этих людях? — интересуется Йозеф Поспишил.

— Знаю мало. Мне называли такие фамилии: Мартов, Плеханов, Ульянов. Ну, Мартов вроде тесного ботинка — не дает партии широко шагать. Плеханов — в суждениях умница, а жизни настоящей не знает. Но вот Ульянов — он родной брат Александра Ульянова, повешенного за покушение на царя, — вот с кем бы повстречаться! Говорят, сейчас он в Женеве. А я читал его статьи, напечатанные в Германии. Не знаю, но мне кажется, никто так глубоко не изучил всех философов мира, всех революционеров мира, как он. О положении рабочего класса в самых главных странах он пишет и как политик и как экономист, с таким превосходнейшим знанием дела, будто прожил на свете уже сто лет и все время изучал этот вопрос. А между прочим, он всего лишь на десять лет старше меня...

Опять возникает официант, пятится спиной от соседнего столика. Нет, нет, эти люди пришли сюда совсем не для того только, чтобы выпить по паре кружек пива и съесть курицу и гуся. Здесь, уж наверное, разговор ведется о чем-то интересном.

— Послушайте! — окликает его Шмераль. Официант с готовностью поворачивается. — Послушайте, мы хотели получить императорский обед. Накормите же нас, ради бога! Жалкая курица, гусь... Ну что это? Дайте свинины.

— Один момент, — с готовностью отзывается официант. И тут же замирает: — А... сколько?

— Ну, целую свинью, конечно! Всегда целую.

— Про... шу прощенья... Боюсь, у нас... только порции.

— Тогда вот вам за курицу, за гуся, за пиво. А это — на чай. Впрочем, можете истратить их на газету «Право

лиду». Отличная газета. Читайте. Это лучше, чем вслушиваться в отдельные слова. Будьте здоровы!

Распрощавшись с друзьями, Богумир Шмераль идет по ночному Жижкову и дальше, на Винограды. Здесь он снимает комнату в рабочей семье. Немного шумновато, когда затеваются драки среди ребят, а их у Ольманова мал мала меньше пять человек, но этот шум — хороший шум. Жизнь. Люди. И Богумир подмигивает сам себе. В их, Шмералевой, семье тоже было пять братьев, отчаянных озорников. Мать в бессилии опускала руки: «Да за что же это господь бог такую беду мне наслал!» А отец ласково успокаивал ее: «Ничего, ничего, Роза! Вот беда была бы, если бы дети нам удалось тихие. А эти не пропадут!» Он, народный учитель из Тршебича, в детях знает толк. В самом деле, уже все братья надежно в жизнь вошли, кусок хлеба иметь будут. А Теодор и совсем молодец, тоже в политику ударился, зачитывается Марксом...

День стоял жаркий, и даже ночь не принесла прохлады. Узкие улицы пахнут пылью. Сквозь усталую листву каштанов едва заметны звездочки. Небо тусклое. Отлично думается в такие тихие, спокойные ночи.

«Богумир, ты когда-нибудь спишь?»

Во всяком случае, сегодня вряд ли удастся. Просто некогда, надо обдумать статью в очередной номер газеты. Да и нет уж такой необходимости растянуться на постели, сытный ужин и доброе, крепкое пиво восполнили растраченные силы. Эх, если бы еще «свинью целиком»... Официант, кажется, всерьез поверил. Любопытствующий до чертиков! Но не лакей, не слуга по натуре, нет, рабочий человек. У таких ключ к сердцу всегда подобрать можно. Не помешает при случае и еще заглянуть в этот ресторанчик.

Итак, статья. Она предположительно будет называться «Неумолимый ход истории». Это звучит и некрикливо и веско. Во вступительной части пройти по всем ступеням развития рабочего движения на всей современной территории Австро-Венгерской империи. Акцент: Чехия,

Моравия, Словакия. Начать с падения канцлера Меттерниха, поражения революции 1848 года и восхождения на престол Франца-Иосифа с его бесхвостой конституцией, даже для крупной буржуазии. Акцент: чешской, словацкой. Потом глухой период баховского абсолютизма, когда рабочие были лишены решительно всех политических прав, включая и право на забастовки и профессиональные объединения. Сложнейший переплет межнациональных взаимоотношений внутри империи, при самом беззастенчивом и жестоком подавлении малых народов. Акцент: особенно словаков и чехов. I Интернационал и образование социал-демократической партии. Борьба за реформы... Очень сильный акцент: борьба за реформы!

Да, вот так, вот так, по ступеням. Ему, уже как члену Центрального Комитета партии, следует подробнее рассказать о роли социал-демократов в развитии рабочего движения, опять — в борьбе за реформы. Вся сердцевина статьи — последние события в России, которые нельзя рассматривать иначе, как общепролетарские, касающиеся рабочих всего мира. И тут акцент: чешских рабочих. Наконец, взгляд вперед, что ожидает нас в течение одного-двух ближайших десятилетий...

А ночь по-прежнему тиха и тепла. Давно бы можно добраться до дома и даже улечься в постель. Статья обдумана до мельчайших подробностей. Но что-то все еще гонит и гонит Богумира по сонным улицам Жижкова.

Нет, почему же сонным? Вон, прислонясь к дверному косяку, в глубокой нише стоят двое. И девушка, слышно, шепчет: «Франтишек, милый...» Для них вообще не существует ночи. Они сейчас переполнены счастьем. Ну, а наступит рассвет и вместе с ним тяжелый трудовой день, достаточно ли им будет вот этого лишь только, ночного счастья? Интересно представить себе их жизнь через десять — пятнадцать лет!

А собственную жизнь?

Где через пятнадцать лет окажется эта нежная пара? И где окажется он, Богумир Шмераль?

Смольный — штаб вооруженного восстания 24—25 октября 1917 года.

Через пятнадцать лет в вагоне пассажирского поезда, кружным путем, с десятком пересадок в Германии, Литве и Латвии, при бесконечной проверке документов Богумиру Шмералю впервые довелось пересечь государственную границу России — той самой России, магнитной и необыкновенной, о которой им за эти годы было столько переговорено и передумано. Россия была теперь свободной, советской и социалистической. Это слово собою вытесняло все другие политические определения. И партия российских социал-демократов приняла иное название — Коммунистическая. РКП(б). А во главе партии стоял Ульянов. Ленин. Во главе Российской Коммунистической партии и во главе всего человечества, стремящегося к свободе, равенству, миру, труду и счастью.

Да, минувшие пятнадцать лет все равно что добрых полвека. Удивительно, как много может иногда выпасть на долю одного лишь поколения людей. И даже одного человека.

За окном вагона медленно уползали назад заснежен-

ные поля, на пригретых бугорках уже тронутые первыми весенними проталинами. Поезд тащился вне всякого расписания, его скорость определялась не графиком, а дровами на тендере паровоза. Попадались дрова посуше, шел и поезд быстрее. На разъездах, ожидая свободного пути, стояли воинские составы. Возле них бродили одетые во что попало красноармейцы. Шмераль знал: на польской границе неспокойно. Пан Пилсудский грозит обрушиться на Советскую Россию новой войной. В дополнение к тем тяжелым боям с белобандитами, которые Советам все еще приходится вести на юге. Вот и едешь из Праги в Москву, проделывая такой гигантский крюк.

Почему сейчас вспоминаются прошедшие годы с отсчетом назад именно в пятнадцать лет? Скорее всего потому, что в год восстания на броненосце «Потемкин», затем декабрьских баррикадных боев в России, потрясших всю Европу, и, может быть, больше всего чешский, словацкий, венгерский пролетариат, отозвавшийся на эти события крутой гневной волной забастовок и демонстраций, ему, Богумиру Шмералу, в тот год с особенной силой захотелось как можно теснее сблизиться с русскими революционерами, встретиться с Лениным. И все эти пятнадцать лет были как бы дорогой к Ленину, к тому революционному ленинскому мастерству, которое определило падение целого ряда европейских монархий, расшатало устой капитализма. Да, собственно, помогло и чешскому народу обрести свою национальную независимость. Разве не отразилась самым прямым и непосредственным образом на убыстренном распаде Австро-Венгерской империи революция в России? И главным образом Октябрьская, ленинская революция! Это она привела и Чехословакию к своему Октябрю.

Впрочем, чехословацкий Октябрь пока еще походит больше на русский Февраль. И надо социал-демократической партии работать и работать, реформы даются нелегко. Если бы оказался возможным разговор с Лениным, интересно, в живой беседе как он оценит деятельность

чешских социал-демократов? Какие даст он советы?

Но прежде всего сам Шмераль должен сообщить Ленину, что в Чехословакии теперь уже нет единой социал-демократической партии, что разделилась она, по существу, на две партии, подобно тому как это было когда-то и в России. Он должен также рассказать, что ленинский труд «Государство и революция» с гигантской силой укрепил теоретические позиции марксистской левой партии. Должен сказать, что левая партия преодолела многие ошибки социал-демократизма, левая партия теперь отнюдь не реформистская, а партия революционного действия, и ее достойным именем было бы — коммунистическая. Он, Шмераль, приехал в Москву, в секретариат Коминтерна, чтобы от имени руководства партии выяснить возможность ее вступления в III Интернационал. Вот о чем необходимо поговорить с Лениным.

Шмераль оторвался от окна, окинул взглядом купе, своих спутников — членов чешской делегации. Спят, как один. Скуки ради чуть не всю ночь напролет играли в карты.

Интересная, увлекательная игра — марьяж, «свадьба». И ему, Богумиру, все время удивительно везло, не хотелось даже бросать игру. Хоть на картах иметь марьяж! В жизни все как-то времени не хватает.

Вот Франтишкеу Кучере хватило. Франтишек женился как раз завтра после той ночи, когда он, Богумир Шмераль, бродил по затихшему Жижкову и обдумывал свою очередную статью. Теперь, уже в дороге, случайно выяснилось, что это именно Франтишек стоял в нише у двери неизвестного дома, прощался и не мог никак, даже всего-то на несколько часов, до свадьбы распрощаться со своей Марженкой. Богумиру тогда подумалось: «Где через пятнадцать лет окажется эта нежная пара? И где окажется он сам, Богумир Шмераль?» Оказались оба, он и Франтишек, в одном поезде, в одной делегации. А Марженка незримо, из Праги, расстраивает Франтишкеу игру в карты. Что ж, так и положено: Франтишкеу и Марженке очень в любви повезло...

*Богумир Шмераль
(1880—1941).*

Но если уж отдаваться воспоминаниям, связанным с Франтишеком Кучерой, так надо бы, конечно, вспомнить и другую встречу.

В 1911 году его, Богумира Шмералья, избрали от Жиждкова по списку социал-демократической партии в австрийский парламент. Он заделался ни много ни мало — паном депутатом! Как парламентария, ему полагалось довольно приличное жалованье, но он целиком отдавал его в партийную кассу, а сам жил на свой маленький литературный заработок. И комнату снимал прежнюю и в гости к друзьям ездил на трамвае, прихватив с собой горшок вареной картошки, совсем не стесняясь при этом громкого звания парламентария. А друзья у него были рабочие с жиждковских предприятий — давние товарищи, которые знали его, что называется, как облупленного. Встреча-

ясь, здоровались за руку так, чтобы косточки хрустнули, а вслед ему между собой говорили: «Наш Шмераль!»

И вот, поди ж ты,— было это в самом начале войны — однажды к пану парламентариям явился на квартиру молодой рабочий. Вполне естественно. Где лучше всего и душевнее поговорить о горьких нуждах, как не на квартире у своего рабочего представителя в органах высшей власти? И пан парламентарий, еще весь в муке, побежал на кухню, чтобы сварить кнедлики со сливами, которые он только что успел приготовить себе на ужин. Как славно, что гость появился так вовремя! Сыскалась и пара бутылочек доброго пильзенского пива. А разговор вязался плохо. Гость отказывался и от кнедличков и от пива. Трудно было понять, зачем он пришел. Но у пана парламентария настроение все еще не портилось. Он пробовал задавать гостю наводящие вопросы, пробовал даже сам говорить за пришедшего, угадать, что томит человека. Беззаботно хохоча, пил и ел «за него».

Крепкое пиво слегка ударяло в голову. Шмераль подсел к гостю, обнял за плечи и, озорничая, негромко запел революционную песенку на мотив государственного австрийского гимна. Гость теперь смотрел на него уже не так сурово. Вдруг и сам подтянул:

Если месяц-другой будет так же и впредь,
то король, император, отечество
нас до нитки могут раздеть...

Потом вскочил, ударил себя в грудь кулаком. Вытащил из кармана и положил на стол... маленький револьвер.

— Пан депутат, а я ведь пришел вас убить.

— Убить? За что?

— Ну, никак не верилось мне и моим товарищам тоже, что вы такой вот, совсем наш, и речи не фальшивые говорите, не продались за большое жалованье. Мне говорили, а я не верил. Сейчас посмотрел, как вы живете, какой вы дома. И не могу. Простите!

— А, еще чего! Вот мы пива вдвоем не выпили — это

как простить? И давай друг друга будем называть просто по имени и на «ты». Согласен?

Они вместе выпили пива, закусили остывшими кнед-ликами и dokonчили с удовольствием «австрийский гимн» — дерзкую противоправительственную песенку:

Нищета к нам и голод придут;
вместе с ними придет революция.
Пролетарии, стройтесь в ряды!
Пусть в поток они мощный сольются!

Вот тогда они по-настоящему познакомились с Франтишкой. И теперь шестой год уже плечом к плечу работают в партии как самые лучшие товарищи. Но в том, что встречались еще и раньше, пятнадцать лет тому назад, разобрались только сейчас, за игрой в марьяж, в дороге...

Припоминается еще, тоже с австрийским парламентом связанное. После заседания вышли с одним из министров на площадь. Министр чем-то счастлив, от удовольствия светится.

— Пан Шмераль, вы что сегодня — пешком?

— Не только сегодня, всегда пешком.

— Но вы ведь член парламента!

— Совершенно верно, точно так же, как и вы. Каждый из нас получил, что хотел: вы — машину, я — улицу. Не знаю, кто из нас в большем выигрыше.

Теперь у этого министра нет ни машины, ни улицы, его фамилию все произносят с брезгливостью — так он опозорил себя своей парламентской деятельностью.

А после образования Чехословацкой республики и ему, Богумиру Шмералу, предложили пост министра. Даже премьер-министра. Он отказался участвовать в буржуазном правительстве. Можно быть членом парламента, представляя и защищая в нем интересы рабочих всей силой авторитета социал-демократической партии. Нельзя социал-демократу быть премьер-министром, другими словами, премьер-лакеем у крупной буржуазии. Вот тогда-то Франтишек Кучера имел бы все основания не положить виновато на стол свой револьвер, а выстрелить из него.

С обязанностями же премьер-лакея сейчас отлично справляется доктор Тусар...

Но что это? Набежал прозрачный березовый лесок, а в нем потянулась длинная вереница аккуратных маленьких домиков. Село? Или небольшой городок? Но кто-то из русских прыгнул с верхней полки, сладенько потянулся и произнес для всех вполне понятное слово: «Подмосковье...»

А вот, наконец, и сама Москва!

Нет, нет, она совсем не похожа на бесстрастные, словно бы усталые и постаревшие европейские столицы, она вся в движении, в молодом беспокойстве. Здесь все перемешано. Трамваи облеплены людьми так, что даже трудно разглядеть, где там, в вагонах, окна и где двери. Катят по мостовым извозчики, а седоки такие важные, будто в России и не было революции. Кто они, эти важные птицы? А революция — на тротуарах, среди толпы пешеходов, одетых и в полушубки, и в шинели, и в потертые драповые пальтишки, и просто в ватные стеганки. По тротуарам вышагивает уверенно третий год революции.

Этот особый, московский ритм жизни захватывает сразу и всю чехословацкую делегацию. Ах, уметь бы говорить по-русски! Богумир Шмераль встречающим приносит свои извинения по-чешски, по-немецки. Но вдруг оказывается, что каким-то неведомым образом отлично друг друга и так понимают. С вокзала делегацию везут в гостиницу «Савой». Гостиница хорошая. И чай в ней очень хорош.

Неожиданно появляется Иван Ольбрахт. Он в России, оказывается, уже несколько месяцев. Ольбрахт тащит к себе, во Второй дом Советов — какое необыкновенное название! Отсюда с пятого этажа, из окна его комнаты, великолепно видны кремлевские башни и уходящие как бы в бескрайность кривые московские улицы.

Ольбрахт торопится доложить:

— А ты знаешь, две недели тому назад я слушал Ленина. На траурном заседании, посвященном памяти Свердлова. О-о! Вот это оратор! Вот это вождь револю-

ции! Ты знаешь, мне кажется, революция для Ленина все: только к ней прикованы его мысли, только о ней он говорит, только ее духом он и живет.

— И ты с ним разговаривал?

— Н-нет пока. Но я ему известен. Он прочитал мою статью о положении в Чехословакии. Писал я для журнала «Коммунистический Интернационал» и разбежался—огромная получилась статья. Немыслимо! И вдруг открываю журнал, помещена полностью. Оказывается, Ленину ее показали еще в рукописи, и он похвалил: такую статью напечатать непременно, без всяких сокращений! Вообще Россия, ну, знаешь, это сила. Это такая сила! Ногами даже, от земли, ее чувствуешь. И сам наливаешься какой-то совершенно необыкновенной энергией.

Ольбрахт обернулся, у кого-то попросил табачку, ловко смастерил самокрутку, потащил Шмераль за руку.

— Куда?

— Пошли на первый этаж, прикуривать. Там топится плита. А спичек в России нет. И еще, знаешь, поспеши получить гостевой билет на съезд. Ну, делегация—конечно, делегация, а билет все-таки лучше получить заранее.

IX съезд РКП(б) открывался в Кремле. Запомнив шуточный совет Ольбрахта «не зевать», Богумир Шмераль занял место у входа на трибуну президиума заранее. Ему почти по-детски хотелось, чтобы Ленин прошел поблизости, хотелось пусть даже самое малое время, но взглянуть в этого необыкновенного человека прежде, чем он начнет свою речь. Ведь на трибуне любой оратор все же волнуется, взвинчивается. Может ли Ленин сохранять спокойствие, готовясь к ответственнейшему выступлению? И вообще представится ли еще когда-нибудь в жизни другая возможность увидеть и услышать Ленина?

А сколько народу, делегатов съезда уже набилось в зале! Гудит в ожидании зал. Кое-кто вошел и сел, так и не снял папаху, или суконный красноармейский шлем с красной звездой, или кожаную приплюснутую кепку.

В. И. Ленин в президиуме IX съезда РКП(б) в Свердловском зале Кремля. Март — апрель 1920 года.

Цветут яркие женские косынки, платки. А лица все больше молодые...

— Геноссе Шмераль? Гутен таг! — на чистейшем немецком языке. — Ну как поместили вас, вашу делегацию? Хорошо ли доехали? Секретариат Коминтерна вам оказывает необходимую помощь?

Град вопросов. Крепкое рабочее рукопожатие. Шмераль глядит изумленно. Это же Ленин! Как неожиданно он появился. Голова чуточку склонена к плечу, а глаза словно бы подталкивают, торопят с ответом: «Нуте-ка!»

— Все очень, очень хорошо, товарищ Ленин.

— Ну, батенька мой, положим, все никак не может быть хорошо. Тем более очень. А впрочем, поговорим. Встретимся не на ходу и поговорим. Непременно.

И вот Ленин уже на трибуне. Шмераль это понял по вспыхнувшим в зале аплодисментам. Они были не по-

театральному восторженны, громки, а какие-то проникновенно-дружеские и всеохватывающие, поднявшие делегатов на ноги.

Шмераль вслушивался в речь Ленина и, хотя различал лишь отдельные слова — переводчика поблизости не было, — все равно смысл речи угадывал по интонациям ленинского голоса. Быстрым, меняющимся и в то же время спокойным, точно бы между собой спорят два собеседника, спорят с упрямством, настойчивостью, но все же приходят к согласованной истине. И тогда Ленин, торжествуя, делал рукой утверждающий жест. Всем корпусом подавался вперед, в угол трибуны, и зрительный зал отзывался ему, казалось, таким же, встречным движением.

Здесь не было оратора и массы, было нечто единое, цельное, друг друга взаимно дополняющее. Нет, никак не смог бы столь свободно и просто разговаривать Ленин, если бы в зрительном зале сидели не рабочие, не крестьяне, не красноармейцы, а чопорные, холеные господа, с которыми приходилось иметь дело ему, Богумиру Шмералю, в буржуазном парламенте. И не стали бы слушать так, окаменев, затаив дыхание, эти рабочие, крестьяне, красноармейцы, если бы с трибуны сейчас выступал какой-нибудь лощеный аристократ, не понимающий душу народную. А Ленин очень интеллигентен и в то же время похож на любого из этих тружеников, рабочего или крестьянина. Пиджак грубой шерсти, неновый галстук в крупную горошинку, совсем растоптанные, с загнутыми носками штиблеты. Но все это выглядит опрятным, ухоженным бережливой рукой. Да, это Ленин. Только таким он и может быть.

Речь закончилась короткой, совсем непатетической фразой. Ленин в конце не возвысил голос, как это обычно любят делать профессиональные говоруны. Он просто остановился, медленно опустил ладонь на кромку трибуны, стиснул пальцы, как бы прощаясь легким рукопожатием с аудиторией, и отошел. Сел на свободный стул, вторым или третьим с краю. И тут же принялся что-то

записывать в блокнот, иногда левой рукой касаясь высокого, в залысинах лба.

Зал опять гремел теми же, не барабанными, а дружескими и дружными аплодисментами.

После этой, первой, встречи с Лениным для Богумира Шмералья наступили хлопотливые и напряженные дни. Надо было в качестве гостя выступать на рабочих собраниях, рассказывать о деятельности социал-демократической партии, отвечать на вопросы, главным образом одни и те же, но по смыслу своему очень трудные: «Почему пролетариат Чехословакии не стремится взять власть в свои руки? Почему у вас не создана коммунистическая партия?» Надо было вести политические переговоры в секретариате Коминтерна, потому что к превращению левого крыла социал-демократической партии в коммунистическую дома, в Чехословакии, как раз уже приготовились. А можно ли будет вступить в III Интернационал? Примут ли? Наконец, надо было и просто познакомиться с Москвой, с Россией, этой давней и глубокой любовью.

Он успел побывать в Петрограде. На митинге в Народном доме. Отмечалось пятидесятилетие Ленина. Не будучи в силах сдержать свою радость — оказаться в России в столь знаменательный день! — Шмераль выступил. Он искал самых сильных и точных сравнений, чтобы оценить эпоху. Он сравнил ее с распадом античного, рабовладельческого строя и коммунистические идеи сопоставил с учением раннего христианства. Уезжал из Петрограда Шмераль немного сконфуженный. На митинге ему прислали записку: «Против сравнения с Иисусом имеем возражения!»

Ольбрахт потом разводил руками.

— Эх, куда тебя занесло! Такого превосходного оратора. Но понимаю. И меня здесь иногда такой восторг охватывает, что пишу я только гиперболоми.

Шмераль тоже отшучивался. Но говорил и всерьез:

— Моя ошибка совсем иная. Не в преувеличениях дело. Запоролся я в самой аналогии.

Так незаметно прошел целый месяц. На бульварах

зазеленели первые листочки, облака в небе стали высокими и сверкающе белыми. Только бы веселье и радость на улицы города! Но Москва не веселилась, газеты печатали гневные сообщения о нападении панской Польши на Советскую Россию. Шмераль припоминал воинские эшелоны, ожидавшие свободного пути, когда он подъезжал к Москве, и думал: «Вот ведь в какой тяжелой и непрестанной борьбе, в боях приходится строить ленинской партии, русскому народу свое новое государство. Слава такой партии, слава такому народу!»

Кто-то из служащих секретариата Коминтерна сказал:
— В Большом театре будет выступать Владимир Ильич.

Шмераль разволновался:

— Кто может проводить меня?

Ведь скоро придется покидать Россию, все самые главные вопросы прояснены. И как же отказаться от надежды еще хоть раз увидеть, послушать Ленина!

Вместе с сопровождающим Шмераль направился к площади перед Большим театром, но оказалось, что она оцеплена. Красноармеец на контроле слегка качнул представленную к ноге винтовку.

— Нельзя.

Ах, до чего же непереносимы всегда эти слова: нени доволено, ман дарф нихт, нельзя!

Шмераль остановился в замешательстве. Сопровождающий взял у него пропуск и предъявил. Он тыкал пальцем в бумажку.

— Написано...

Красноармеец прочитал вслух:

— «Владелец этого документа имеет право прохода повсюду».

— Не знаю. Не могу. Нам точно сказано: специальный билет и никаких исключений.

— Так это же чехословацкий коммунист...

— Не могу.

Кто-то стиснул Шмералью руку у локтя, сердечно, дружески.

Голос знакомый:

— Не пускают? Что поделаешь — правила! Здравствуйте, товарищ Шмераль! Вы очень, очень кстати.

И повел рядом с собой.

Красноармеец оттянул к плечу винтовку, белозубо заулыбался.

Сквозь запотевшие стекла очков Шмераль разглядел только пиджак грубой шерсти, стоптанные штиблеты, рабочую кепку. Но это же Ленин! Какая удача, что на контроле красноармеец оказался таким непреклонным, не пропустил сразу!

— Мне хочется рассказать вам, товарищ Ленин...

— Да, да, мне тоже хочется вас послушать, товарищ Шмераль. Идемте скорее! У нас есть еще сорок минут.

После яркого уличного света Шмераль спотыкался на темной лестнице. Ленин поддерживал его под руку, тактично ободрял:

— Представьте, я тоже ничего не вижу. Шагаю совсем наугад.

Они очутились в маленьком салоне дирекции театра. Ленин снял кепку, провел рукой по голове, у висков, возле затылка, чуточку приподнялся на носках, качнулся и быстрым движением отбросил руку, оперся ладонью о стол.

— Рассказывайте, товарищ Шмераль. И пожалуйста, простите, что прошло так много дней, а наша встреча все-таки опять на ходу. Рассказывайте! Как вы оцениваете современное политическое положение в Чехословакии? И садитесь, садитесь, пожалуйста!

— Должно быть, мне следует начать свой рассказ, товарищ Ленин, с некоторых моих ошибок...

— Каких? Если прежних — не говорите. Не Иисус Христос, но знаю об этом. Кто в Западной Европе не грешил социал-демократизмом и сейчас еще не грешит! Расскажите не о прошлом — о настоящем. Как решается у вас национальный вопрос? Как вы полагаете: после образования независимой Чехословацкой республики решена ли эта архисложнейшая проблема? Наследство Австро-

Венгерская империя вам оставила очень нелегкое. Чехословакия вышла из среды чрезвычайно чувствительных национальных отношений. Вы согласны со мной?

На это отвечать было и легко и трудно.

Легко потому, что Ленин ставил свои вопросы с удивительной точностью и ясностью формулировок. Каждый его вопрос был подобен отдельному кирпичику, из которых он постепенно выстраивал большое здание. И, строя, все время приглашал своего собеседника проверять, так ли положен кирпичик.

А трудность ответов заключалась в том, что Шмераль не был готов к столь подробнейшему и исчерпывающему анализу межнациональных взаимоотношений, сложившихся в Центральной Европе после распада Австро-Венгерской империи. Ему казалось, главное — приобретение чехами и словаками политической независимости — решено. А остальное — что касается других национальных меньшинств новой Чехословакии — постепенно доделает сама жизнь.

— А отношения между чешским и немецким пролетариатом? — прищурясь, спросил Ленин.

— Здесь торопиться некуда, товарищ Ленин. У всех еще в памяти пренебрежительность, если не сказать больше, с которой в прежней Австро-Венгрии относились немцы к чехам. Поспешностью мы оттолкнем от партии чешских рабочих.

— А не есть ли это, товарищ Шмераль, национальный эгоизм, идущий от предрассудков мелкой буржуазии? «Мы добились для себя известной свободы, а вы как хотите». Где же здесь пролетарский интернационализм? Не кажется ли вам, товарищ Шмераль, что это играет на руку как раз буржуазии?

И Ленин с обычной своей увлеченностью стал развивать мысль об обманчивости только лишь формального осуществления принципа «национального самоопределения», так, как его понимает и признает западная «демократия», породившая фальшивый и несправедливый Версальский мир.

Шмераль зачарованно следил за быстрой, свободной речью Ленина, произносимой на чистейшем немецком языке, и тут же непроизвольным ходом собственной мысли перерабатывал ее по-чешски. Тогда она впечатляла еще сильнее и накрепко врезалась в память.

Ему хотелось не то чтобы в спор вступить с Лениным, но вызвать его на особую, повышенную остроту суждений. Пусть станет немного больно от этого, зато отчетливее обнаружатся и слабые места в его, Шмералья, понимании путей борьбы за самоопределение наций.

И вдруг уже:

— Владимир Ильич, зал переполнен народом. Пора открывать митинг...

— Да, да, иду. Простите, я, кажется, заговорился. Товарищ Шмераль, нас просят. Пожалуйста, сюда. Но мы с вами еще увидимся, непременно увидимся. Если вам что-нибудь нужно, звоните, вот телефон, обращайтесь прямо ко мне и не стесняйтесь — я знаю, у нас в разных там канцеляриях еще не все совершенно.

То же самое Ленин написал ему в записке.

До поздней ночи Шмераль сидел у себя в гостинице, занося в дорожный дневник подробности столь неожиданной и необыкновенной беседы. Как много свежих, сильных мыслей принесла эта встреча! О, теперь он уедет из Москвы, из России в тысячу раз богаче, нежели приехал сюда! Путей к свободе, к лучшей жизни у людей много, есть хотя и трудные, но прямые и надежные пути, и есть такие, по которым, может быть, и легче идти, но будешь ходить бесконечно, как по кольцу, не приближаясь к цели. В России все время видят цель. Ах, как точно видит ее Ленин, неизменно еще из тех далеких лет, когда о социализме, о коммунизме велись лишь бесконечные споры в подпольных революционных кружках! И вот теперь здесь, в России, заложен первый камень коммунизма прочно, как скала. Такое же твердое, как скала, убеждение увезет отсюда он, Богумир Шмераль: быстрее, быстрее следует создавать Чехословацкую коммунистическую партию, это единственно правильный путь к спло-

чению рабочего класса и к подавлению сил реакции. И еще: всеми силами хранить идейную чистоту партии, никаких уступок оппортунистам и реформистам...

Если бы еще раз встретиться с Лениным! Но до отъезда домой осталось никак не больше двух или трех недель.

И они, эти недели, прошли. Был уже заказан билет. И приготовлено в дорогу несколько банок консервов, кулек с сухарями. Шмераль сидел в своем номере в гостинице «Савой». Горничная сказала, что сейчас будет готов чай. Здесь умели его заваривать. И действительно, когда в стране всего не хватало, это казалось маленьким чудом. Стакан хорошего чая доставлял огромное удовольствие.

Горничная принесла на этот раз особенно крепкий и душистый. Блаженно вдыхая его аромат, Шмераль потянулся рукой к стакану, хотел придвинуть поближе, но зазвонил телефон. Высокий женский голос, тщательно подбирая немецкие слова, осведомился:

— Товарищ Богумир Шмераль? Здравствуйте! Владимир Ильич Ленин просит вас прийти сегодня вечером к нему на квартиру. Для вас это удобно?

Телефонная трубка прикипела к руке Шмералья. Он не знал, что ответить. Правильно ли понял он все? К Ленину на квартиру? Если ему, Шмералю, это удобно?

— Декуи,—наконец выговорил он.—Приду обязательно.

— Действителен будет ваш постоянный кремлевский пропуск. Пожалуйста, если вам удобно, в семь часов.

Сейчас было без десяти четыре. Чай, золотистый, душистый, остывал, совершенно ненужный. Шмераль коснулся пальцами подбородка. В эти дни подготовки к отъезду он изрядно себя запустил, плохо побрит и давно не стрижен. Слава богу, сорочка чистая есть. А времени сходить в парикмахерскую как раз хватит.

Ленин сам встретил Шмералья, открыл ему дверь, сразу проводил в библиотеку — узкую и длинную комнату, сплошь заставленную книжными шкафами.

— Ну как, товарищ Шмераль, на этот раз вам часовые не чинили препятствий? — Ленин посмеивался, жес-

том руки предлагая гостю занять место в кресле. — Мне кажется, у нас иногда пересаливают с этими строгостями. Хотя, вы знаете, в меня и стреляли и, представьте себе, самым обыкновенным образом грабили на улице. Да, да, не далее как в прошлом году. Вытряхнули из автомобиля, забрали деньги, документы и даже угнали автомобиль. Вы управились со всеми делами? Я слышал, билет уже заказали. С каким настроением уезжаете?

— Настроение у меня превосходное, товарищ Ленин. Всегда превосходное. А от этой поездки в Россию — в особенности. Я уезжаю отсюда богачом.

— Согласен! Вы очень похожи сейчас на богача. Только прошедших времен, когда не было еще революций. У теперешних богачей дурное настроение. А скажите, товарищ ваш, писатель Ольбрахт, тоже уезжает вместе с вами?

— Нет, он задержится на некоторое время, товарищ Ленин. Писателю нужны наблюдения, впечатления.

— И каковы же у него впечатления? Жалуется он на что-нибудь?

— Он восхищен Страной Советов, товарищ Ленин, — сказал Шмераль. Подумал и добавил: — Только никак не может достать спичек. Бегаёт прикуривать вниз с пятого этажа.

Ленин весело засмеялся:

— Это вполне типично для нашего времени. Но безнадежно. Будут даже и спички у нас. Да, да, будут! А пока передайте ему от меня этот вот коробок, — вынул из кармана, встряхнул. — Он почти полный. — Наклонил к плечу голову. — Я слышу звон посуды в соседней комнате. Нас ожидает чай. Пройдемте. Я хочу расспросить вас, каким способом готовятся кнедлики со сливами. Удивительно вкусная вещь!

И, усаживая Шмералья в маленькой гостиной к столу, накрытому для вечернего чая, знакомя его с Надеждой Константиновной, Ленин с удовольствием объявил:

— Надя, оказывается, наш гость лично владеет секретом изготовления кнедликов со сливами. Тех самых,

которыми я объедался в Праге. Как жаль, товарищ Шмераль, что я не могу соперничать с вами! Хотя в Разливе я научился великолепно жарить рыбу. Да, да!

Надежда Константиновна подала Шмералю стакан чаю, такого же душистого и золотистого, какой у него остался невыпитым в «Савое», предложила закуски, масло, сыр, колбасу.

— А хлеб у нас сегодня только черный,— просто сказала Надежда Константиновна.— Может быть, Маша, возвращаясь с работы, принесет белую булку. Извините, сейчас в Москве трудно с пшеничной мукой.

— Больницы даже, детские учреждения не можем обеспечить,— прибавил Ленин.— Но перелом уже наступил. Интервентов мы разбросали, покончено с колчаковщиной, с паном Пилсудским, справимся и с Врангелем. Если бы только в эту осень нам еще урожай! Хороший урожай. Вас не пугают наши трудности? Что вы будете рассказывать о них в Чехословакии?

— Товарищ Ленин,— сказал Шмераль,— я буду рассказывать правду. А правда в том, что я очень полюбил Россию. Когда любят, все понимают.

Ленин шутливо погрозил пальцем.

— Еще говорят: любить—это прощать. А прощать никому ничего не надо. Разумеется, в политике. Я, например, вас очень люблю, но я не могу вам простить некоторой, знаете ли, мягкости, деликатности к своим политическим противникам. Исправляйтесь! Надо драться—деритесь! И отвергайте, отвергайте начисто всякое соглашательство с буржуазией. Оно разлагает рабочее движение, сводит его к решительно опрокинутому революционным опытом социал-демократизму. Не полумеры нужны—рабочему классу нужна власть. У вас имеется великолепная левая партия, надо на ее сторону перетянуть симпатии основной массы рабочих.

— Оно почти так уже и есть. Но мы добьемся полного успеха, товарищ Ленин. Мы создадим коммунистическую партию.

— Браво! Превосходно! И вы готовы к вступлению в

III Интернационал? Вас в свое время ознакомят с условиями, которые будут вынесены на обсуждение II конгресса Коминтерна в июле.

— Ознакомили. Эти условия совпадают со взглядами Центрального Комитета нашей партии.

— Да, но вы сами, товарищ Шмераль, не вполне интернационалист.— И Ленин лукаво прищурился, помешивая ложечкой чай.— Припомните наш разговор в Большом театре относительно политики быстреего сближения чехов и немцев в одной партии. Вы, батенька мой, держались упорно.

— И пока еще продолжаю держаться, товарищ Ленин. Поверьте, не в принципе, а тактически.

— Есть ведь и немецкая левая в Чехословакии,— заметил Ленин.— Она поможет сближению.

— С Карелом Крейбихом мы очень давние друзья, и мы отлично понимаем друг друга. Но иногда приходится учитывать и массу самых сложных обстоятельств, подспудных настроений...

— Ох, уж эти подспудные настроения! Ну что же,— Ленин задумался, отхлебнул из стакана,— при определении ближайших стратегических и тем более тактических задач необходимо действовать весьма осторожно. Когда большевики в России захватывали власть, они, то есть мы, действовали с отчаянной решимостью. И осторожно-стью, да, да, осторожностью. Во всем вредит лишь чрезмерность. Против чрезмерности я вас предостерегаю. Поверьте, нет ли чрезмерности?

— Володя,— сказала Надежда Константиновна,— а ведь это тоже чрезмерность: вести деловые разговоры даже за чашкой чаю. Притом еще с такой горячностью, от которой чай становится холодным.

— Совершенно верно, Надюша! Впрочем, необходимое уточнение.— И Ленин многозначительно поднял палец кверху.— Мы ведем не деловые, а политические разговоры. А политика для нас — как воздух.

— ...и чай, товарищ Ленин,— подтвердил Шмераль.

— Тогда и кнедлики! — весело заключил Ленин.

Чай был выпит. Надежда Константиновна налила по второму стакану, сочувственно покачивая головой,— разговор снова пошел политический. Говорили о том, как и когда разумнее всего было бы созвать в Праге учредительный съезд Коммунистической партии Чехословакии. Без спешки, но и без ненужных, вредных делу проволок. Говорили долго, с удовольствием отмечая каждый для себя, что мысли их в самом главном совпадают.

Шмераль совсем забыл, что он в гостях у очень занятого большими государственными делами человека и, вероятно, отнимает у него и без того скудные, до крайности редкие часы отдыха. Ему казалось, что он сидит в доме своего давнего друга, где-нибудь в Жижкове или на Виноградах, и если уж захватит слишком позднее время, так можно будет у него и заночевать.

Вдруг на колени к Владимиру Ильичу вспрыгнул большой серый кот, потерся головой о борт его пиджака и, примащиваясь поудобнее, замурлыкал длинно и ласково. Ленин мизинцем пощекотал ему шею.

— Между прочим, коту положено ловить мышей. И когда его держат в доме, где нет мышей, кот становится вот таким лежебокой.

— Хозяев, которые держат кота в доме, где нет мышей, очевидно, следует считать...— Шмераль замялся, вдруг сообразив, что шутка у него получается весьма неуклюжая.

Но Ленин подхватил уже на полуслове.

— ...либералами? — И засмеялся. — Вот к каким парадоксам приводит иногда неумолимая логика. А в общем, да, да, либералами! Вы совершенно правы, товарищ Шмераль. Но в данном случае это простая человеческая слабость.

В соседней комнате зазвонил телефон. Ленин быстро поднялся, сказал Шмералю: «Простите, пожалуйста!» — и вышел.

Через несколько минут он вернулся. Лицо у него было печальным. Взгляд сделался жестким и острым.

— Звонила Маша,— проговорил он медленно.— Еще

задержится на работе... И потом она сказала: получено сообщение, что в боях против Врангеля погиб сын писателя Серафимовича. Какое несчастье! Какое страшное несчастье обрушилось на человека! А народу так нужны работа, талант этого замечательного писателя! Ужасный удар для человека. Я должен сейчас же написать ему письмо...

Шмераль встал.

Ленин вместе с Надеждой Константиновной проводили его до двери. Потом, уже один, прошел рядом со Шмералем по длинному коридору, пока они не миновали последний контрольный пост.

— Счастливого пути, товарищ Шмераль! Домой и — в побеждающую пролетарскую революцию! Пусть трудного пути, но счастливого. Да, да, счастливого! — сказал он, светясь улыбкой и еще раз пожимая Шмералью руку.

— До последнего дыхания — в революции, в пролетарской революции, товарищ Ленин!

Выйдя из Кремля, Шмераль долго бродил по притихшим ночным улицам Москвы. Весна ароматом молодых тополей кружила голову.

«Богумир, ты когда-нибудь спишь?» — вдруг вспомнилось ему.

Сегодня, во всяком случае, он спать не будет.

В гостиницу Шмераль вернулся уже на рассвете. Стакан золотистого чая, холодного, но не помутневшего, все еще дожидался его. Шмераль отхлебнул один, другой глоток.

— Вчерашний вечерний чай, — сказал он вполголоса. — Какой вкусный!

И вот на больничной тумбочке у кровати стоит стакан горячего золотистого чая. Глубокие сумерки. Едва различим на стене листок отрывного календаря: 7 мая 1941 года. Немного кружится голова. А за окном весна. Клейкие листочки молодых тополей пахнут медом.

Шмераль придвинул стакан к себе поближе. Засмеялся. Точно таким же движением когда-то в «Савое» он при-

двинул к себе стакан горячего чая, а выпил его уже утром. Хороший был чай! Этот стакан он тоже выпьет утром. Потом...

Соня, конечно, прибежит уже часов в шесть и вместе с Янеком. Мальчику двенадцатый год. На кого он больше похож? Любой отец всегда считает — сын должен быть похожим только на него. А Соне хочется, чтобы сын походил и на отца и на мать одновременно. Скорее всего в действительности так оно и есть.

Спать не хочется. Надо в эти ночные, тихие часы обдумать речь на предстоящем пленуме ЦК Международного общества помощи борцам революции.

Двадцать один год прошел с тех пор, как Владимир Ильич Ленин, прощаясь, пожелал ему хотя и трудного, но счастливого пути в побеждающую пролетарскую революцию. Не надо думать о трудностях, большие дела легко не даются. Не надо сейчас думать и об ошибках, которые, несмотря на предостережения Ленина, он тем не менее допускал, борясь за создание крепкой и боеспособной Коммунистической партии Чехословакии. Да, конечно, на III конгрессе Коминтерна он сразу не принял близко к сердцу настойчивый совет Владимира Ильича «сделать три шага влево», с тем чтобы Карел Крейбих «сделал один шаг вправо». Желанный ход событий этим замедлился. Но несколько позже ошибка была им прочувствована и исправлена. Компартия создана на ленинской основе. И она существует, действует, борется даже теперь, в глубочайшем подполье, в поработанной врагом стране. И жить ей вечно и праздновать вместе с народом час победы, час освобождения родной земли от человеконенавистнического фашистского ига.

Спать не хочется, Шмераль протянул руку, нащупал на тумбочке пачку писем, полученных за последние только дни. Дорогие друзья! Не забывают, пишут все...

Вот это письмо от Ивана Ольбрахта. Пробилось-таки через фашистский заслон. Пишет: закончил сборник «Из старых легенд». Да, иное сейчас там пока невозможно...

Это от Марженки Кучеровой письмо. Печальное. «Нет

уже моего Франтишека...» — пишет. Да, вражеская пуля настигла его...

А это местное письмо, с московским штемпелем, от Клемента Готвальда: «Богумир, напоминаю: через две недели мы отметим твоих бессменных двадцать лет во главе нашей партии...» Да, двадцать лет в ЦК, это верно. Годы, годы летят...

Сколько хороших отметин они оставили в памяти! И горьких тоже...

Памятен 1924 год, когда Россия, плачущая от горя, хоронила своего Ильича, а рабочие сотнями тысяч подавали заявления о вступлении в партию Ленина. Эту скорбь и эту готовность бороться вместе с русским народом разделяли пролетарии всего мира. В этот год он, Богумир Шмераль, стал членом Президиума Исполкома Коминтерна — и это было как клятва ученика над гробом своего учителя, и это было как заявление рабочего о вступлении в партию на смену ушедшему навсегда. Что только можно было сделать коммунисту, облеченному столь высоким доверием, и перед собственной совестью и перед народным мнением, сделано. Разве забудется, когда вслед за ним в ряды коммунистической партии сразу встало двести сорок тысяч рабочих: «Ну, раз наш Шмераль вступил...» А потом Монголия, Сирия, Германия, Франция — где только не пролегали по заданиям Коминтерна его и трудные и счастливые пути в революцию! Исполком Коминтерна... В самом сочетании этих слов — великая борьба за светлое будущее всего человечества. Без Ленина — по ленинскому пути.

Памятна ночь в московской гостинице «Люкс» под новый, 1928 год. Товарищеская встреча сотрудников Коминтерна... И даже странно теперь, как можно было до той памятной встречи Нового года жить без нее, без Софьи, Сони, такого верного и нежного друга, мужественного солдата партии. Счастливейшие тринадцать лет! Он, Шмераль, из моравского Тршебича, всем сердцем полюбил Россию; она, Соня, армянка из горной Грузии, полюбила Чехословакию. А оба вместе они живут на Земле Человеческой.

Скорее бы выписаться из больницы и вновь в большую жизнь, в большую борьбу. Сегодня 7 мая...

Удивительно, как вспоминаются иногда и забавные пустяки. 7 мая — день рождения Франтишека Кучеры. Вместе с ним и с его друзьями в тот день — кажется, было это в 1935 или 1936 году — они забрели в маленький ресторанчик на Жижкове. Заказали по две кружки пива и четыре порции жареной курицы. Седой плечистый официант покачал головой и сказал: «Пан Шмераль, я вам сразу принесу целую курицу и целого гуся. А свиньи целой, извините, подать не смогу». Наклонился и прошептал: «Я с 1921 года член коммунистической партии, товарищ Шмераль, с того самого дня, когда вы на съезде объявили, что в Чехословакии создается такая партия. Читаю «Руде право». И все деньги, какие мне оставляют посетители, я теперь вношу в партийную кассу».

— Забавно! И хорошо...

Многое что-то в эту ночь вспоминается.

Эге! Уже золотится заря. Выходит, уже наступило 8 мая. Скоро прибегут Соня и Янек. Явится и Георгий Димитров, старый друг...

Какой золотистый чаек! Словно утренняя заря. Его приятно будет выпить и холодным.

Чай остался невыпитым. Утром восьмого мая жизнь Богумира Шмерала оборвалась.

ВДОХНОВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Автор книги «Слово — строитель», вошедшей в настоящий том, Сергей Борисович Сутоцкий был известным советским журналистом, партийным литератором. С полным основанием можно сказать, что он принадлежал к плеяде таких журналистов, о которых Владимир Ильич писал: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты».

Сергей Борисович Сутоцкий родился в 1912 году и безвременно ушел из жизни в возрасте шестидесяти двух лет, в 1974 году.

Пятнадцатилетним мальчиком он начал уже трудиться, работал в Госиздате РСФСР. После окончания

школы сразу же стал заниматься журналистской деятельностью и дальнейшую учебу сочетал с ней.

В 1937 году С. Б. Сутоцкий написал свою первую статью на ленинскую тему. Она была посвящена первому изданию (1899 года) знаменитой книги Владимира Ильича «Развитие капитализма в России» и напечатана в выходившем тогда журнале «Книжные новости» (1937, № 2). В 30-е годы Сергей Борисович стал уже признанным журналистом и писателем, историком партии. Он являлся ответственным секретарем редакций журналов «Книжный фронт» и «Книга и пролетарская революция».

В 1941—1946 годах С. Б. Сутоцкий работал в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в качестве заведующего сектором филиалов Института, ответственного секретаря редакции журнала «Политическая и социально-экономическая литература».

В 1943 году С. Б. Сутоцкий принял активное участие в написании брошюры «О публикации литературного наследства В. И. Ленина за 20 лет (1924—1944 гг.)», вышедшей в начале 1944 года, к двадцатилетию со дня смерти Владимира Ильича. Эта брошюра положила начало глубокому изучению вопросов издания и распространения ленинских произведений и документов.

После этого он работал в ряде центральных газет — ответственным секретарем «Известий», главным редактором «Советской культуры», заместителем главного редактора «Советской России», был ответственным секретарем и членом редакционной коллегии центрального органа нашей партии — газеты «Правда».

Где бы ни работал Сергей Борисович, он отдавался делу целиком, не щадил сил, не жалел времени ради выполнения своего партийного долга. «Всю сознательную

жизнь, свой незаурядный публицистический талант, удивительную работоспособность и энергию,— писала газета «Правда» в связи с его смертью,— он посвятил служению делу Коммунистической партии, в рядах которой состоял более тридцати лет».

Статьям, очеркам и книгам С. Б. Сутоцкого присущи партийная страстность, профессиональное мастерство, эмоциональность.

Ленинской теме, преобладавшей в журналистской работе Сергея Борисовича, посвящено свыше шестидесяти книг, брошюр и статей. Последними его работами, которые он написал несмотря на то, что был уже болен, явились статья «Начало новой эры» — о четвертом томе Биографической хроники В. И. Ленина, опубликованная в «Правде» (№ 20, 20 января 1974 года), и первое издание книги «Слово — строитель», вышедшее в свет в 1974 году.

«Слово — строитель» органически продолжает ранее написанную им книгу «Слово — полководец». Обе эти книги, если можно так сказать,— биографии произведений Владимира Ильича Ленина: первая — дооктябрьских, вторая — послеоктябрьских.

В книге «Слово — строитель» автор рассказывает читателям о том, когда и при каких обстоятельствах, в каких конкретно-исторических условиях были задуманы и написаны В. И. Лениным те или иные его труды, о чем он писал в них, как они издавались, распространялись, как их читали и изучали, какое воздействие они оказывали и оказывают на строительство Советского государства и нашего нового общества, на социально-экономические мероприятия, осуществляемые под руководством партии, на воспитание людей в духе коммунизма, на развитие мирового революционного и коммунистического движения.

В «Слове — строителе» читатель найдет рассказы о таких важных статьях и книгах и других документах В. И. Ленина, которые были тесно связаны с поворотными этапами первых лет истории нашего государства и содержат ответы на вопросы, встающие перед нами в современных условиях. С. Б. Сутоцкий останавливается вначале на ленинских трудах, написанных им с октября 1917 года по июль 1918 года, когда начиналось в нашей стране бурное послеоктябрьское строительство: «Из дневника публициста», «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «Как организовать соревнование?», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Серьезный урок и серьезная ответственность», «Главная задача наших дней», «Очередные задачи Советской власти», «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности».

Рассказывает автор книги «Слово — строитель» и о ленинских работах, созданных в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда все силы советского народа были направлены на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и вместе с тем продолжалось социалистическое строительство: «Письмо к американским рабочим», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г.», «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», «Завоеванное и записанное», «Великий почин», «От разрушения векового уклада к творчеству нового», «Задачи Союзов молодежи» (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.).

Большое внимание в книге уделено произведениям В. И. Ленина, написанным после разгрома иностранных интервентов и внутренней контрреволюции; в них Ленин

писал и говорил о задачах мирного социалистического строительства, обосновывал новую экономическую политику партии, нацеленную на переход к социализму, определял задачи международного коммунистического движения. К таким произведениям относятся: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «О продовольственном налоге», «Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

Рассмотренные в книге С. Б. Сутоцкого ленинские произведения свидетельствуют о том, как вдумчиво, с учетом уровня подготовки и интересов читателей, он отобрал для анализа труды В. И. Ленина. Чтение книги «Слово — строитель» показывает нам, как искусно, постепенно, осторожно, бережно, исподволь, не навязчиво и вместе с тем целеустремленно и увлекательно автор вводит молодого, еще неопытного в чтении политической литературы читателя в сложный мир ленинских идей и связанных с ними исторических событий.

В заключительной главе «Бессмертие зодчего» С. Б. Сутоцкий показывает заботу Центрального Комитета нашей партии и Советского правительства о собирании литературного наследия В. И. Ленина, его хранении, изучении и публикации, о работе Института Ленина, позднее Института Маркса — Энгельса — Ленина, ныне — Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в области издания теоретического ленинского богатства и, прежде всего, его Сочинений.

Произведения Сергея Сутоцкого и включенная в этот том книга отвечают ленинскому требованию, предъявляемому к партийным публицистам, сформулиро-

ванному им еще на заре создания большевистской партии. «Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли,— писал В. И. Ленин,— к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные **выводы** из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя,— напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и **помогает** ему делать эту серьезную и трудную работу, **ведет** его, помогая ему делать первые шаги и **уча** идти дальше самостоятельно».

Написанию книги «Слово — строитель» предшествовал большой исследовательский труд ее автора как историка партии, известного знатока биографии В. И. Ленина и его произведений. Названная книга представляет собой вдохновенное научное исследование, результаты которого изложены популярно, доступно и увлекательно.

Молодые читатели нашей и других социалистических, а также капиталистических и развивающихся стран, прежде чем прийти к глубокому изучению непосредственно самих трудов Ленина, с большой для себя пользой прочтут книгу «Слово — строитель». И взрослые читатели, приобщающиеся к систематическому чтению и изучению произведений Ленина и познающие мудрость ленинских мыслей, познакомятся с ней также с большим интересом.

Р. М. САВИЦКАЯ,
доктор исторических наук

СЕРГЕЙ СУТОЦКИЙ

СЛОВО-СТРОИТЕЛЬ

«ВЕТХИЙ АДАМ» ОБРЕЧЕН

1

— Это хорошо, что Ильич хотя бы несколько дней проведет вне Смольного и даже за пределами Питера,— радуется Надежда Константиновна, беседуя с товарищами.— Отдых ему совершенно необходим... Шутка ли, сколько пережито, переделано сколько за эти два месяца,

что минули после октября! А то ли еще предстоит... Ильич полон всяческих планов. Мечтает писать...

Улыбаясь невесело, Крупская умолкает. Как бы самой себе отвечая, думает: «Только когда писать... Каждый день, закончив дела в Совнаркоме, уставший донельзя, Ильич поздно ночью спускается с третьего этажа на второй — приходит домой, в комнату, где мы теперь обосновались здесь же, в Смольном. Приходит, ложится спать и никак не может заснуть. Опять встает, идет кому-то звонить по телефону — дает неотложные распоряжения. А заснув наконец, во сне продолжает говорить о делах...»

— Нет, нет, хотя бы короткий отдых Ильичу совершенно необходим, — прервав свои раздумья, вслух произносит Надежда Константиновна. — Абсолютный отдых! Полное отключение от всякой работы! И, уж конечно, пока ничего не писать...

А Ленин в это время свою думу думает: «Отпуск использовать следует как можно лучше, продуктивнее... Чтобы ни один день не пропал...»

И когда у них с Крупской разговор заходит на эту тему, Ленин говорит нарочито серьезно:

— Поскольку постановление об отпуске принято, нужно выполнять постановление... Ты, надеюсь, согласна со мной, Надюша?

Крупская, конечно, согласна. Целиком и полностью согласна. Радует: наконец-то и Владимир Ильич сам понял, как для него это важно — хотя бы на короткое время отключиться от всякой работы. «Теперь это так необходимо, так необходимо!» — про себя повторяет Надежда Константиновна, глядя на Владимира Ильича.

2

В одной из петроградских типографий в эти дни заканчивается печатание книги Владимира Ильича «Государство и революция» — теоретического труда, посвящен-

ного учению марксизма о государстве и задачах пролетариата в революции. Ленин написал эту работу совсем недавно: в августе — сентябре нынешнего, 1917 года. Тогда власть в России еще принадлежала буржуазии, страной правили помещики и капиталисты. Социалистическая революция тогда еще была делом будущего...

А ныне это будущее уже стало настоящим. Уже два месяца прошло с тех пор, когда Ленин вместе с партией большевиков, с рабочим классом России в повседневной действительности жизни начал писать продолжение своей книги «Государство и революция» — утверждает диктатуру пролетариата, готовит грядущую победу социализма и коммунизма.

Владимир Ильич теперь часто напоминает товарищам мысль Карла Маркса: до сих пор философы различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его...

— Теперь это — главная задача российских большевиков, — утверждает Ленин. — И нужно бороться с нелепыми предрассудками, будто управлять государством может только буржуазия. Управлять государством должен пролетариат, пролетариат должен взять на себя выполнение этой задачи... И чем скорее, тем лучше!..

Начало уже положено. Впервые в истории человечества все самые важные вопросы политики и экономики, строительства новой демократии в Российской Республике Советов решают — и успешно решают — сами трудящиеся, исходя из своих насущных интересов, из самых насущных своих задач...

Но сделаны пока лишь, конечно, первые, самые первые шаги. В ближайшее время, говорит Ленин, следует вплотную приступить к воплощению идеи диктатуры пролетариата в повседневную жизнь: надо начинать рыть котлован и закладывать фундамент, а потом возводить в России стены здания нового общества — социалистического государства.

Не простой, не легкой представляется Ленину работа, за которую берутся теперь большевики, многомиллионный трудовой народ России.

— Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится,— предупреждает Владимир Ильич. Даже на чертежах не во всех деталях отработаны контуры здания. Не организованы еще и не обучены как следует строители...

Владимир Ильич обдумывает планы предстоящей работы. Она будет тем более успешной, предупреждает Ленин, если каждый рабочий и каждый крестьянин, еще вчера не имевшие, как говорится в народе, ни кола ни двора, теперь осознают себя полноправными хозяевами огромной страны, ответственными за преумножение ее богатств и охрану их от любых врагов. Только тогда дела на стройке пойдут успешно!

В те дни трудящиеся люди Республики, со всех сторон окруженной сворой злобных врагов, из уст Ленина слышали слова, взывавшие к их достоинству, будившие в них гордость и силу.

— Станьте во весь рост, выпрямьтесь, и тогда нам не страшны угрозы,— говорит Владимир Ильич рабочим и крестьянам-беднякам России.— Вы — власть,— говорит трудовому народу Ленин.

Со страниц «Правды», газеты партии большевиков, Ильич обращается с призывом:

«Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством... *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы... Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям *практического* опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма...»

Люди живо откликаются на ленинские призывы. Трудящиеся люди хотят как можно лучше знать существо, смысл политики новой власти, чтобы трудом своим превратить ее в жизнь.

Люди тянутся к Ленину со всеми своими вопросами. По опыту прошлых лет люди знают: слово Ленина дело творит — хорошее, доброе дело.

Среди множества других писем, отправленных из разных уголков страны в Петроград, в Смольный пришло и послание из города Пскова, адресованное лично председателю Совнаркома товарищу Ленину. Автор послания — учительница, подписавшаяся инициалами «В. Г.», просит разъяснить ей: в чем главная суть новой земельной политики, которую большевики намерены проводить в стране теперь, после победы социалистической революции, после опубликования Декрета о земле?

Видимо, впервые узнав о радостном декрете из большевистских газет и с тех пор еще крепче уверовав в способность этих газет нести людям добрые вести, псковская учительница и письмо свое к товарищу Ленину закончила словами:

«Очень прошу ответить мне через газету «Правда». Я буду страшно благодарна».

Вопрос, волнующий учительницу из города Пскова, является теперь крайне важным и злободневным. Это — вопрос о земле, о новом порядке пользования ею. Ведь только теперь российский крестьянин-труженик становится наконец действительным хозяином всей земли. Поэтому он и хочет знать: как великое благо, провозглашенное товарищем Лениным от имени партии большевиков и Советской власти, будет осуществляться на деле?

И вот 19 декабря 1917 года на страницах газеты «Правда» напечатан ответ на вопросы псковской учительницы. Рекомендация:

«Советуем вам, товарищ, почитать Ленина: «Мате-

риалы по аграрному вопросу», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции». Цена первой книги 50 копеек, второй 4 руб. 50 коп.

Их можно выписать из склада издательства «Прибой», Николаевская, 12, Петроград».

В том же номере «Правды», под рубрикой «Библиография», появилась и аннотация — краткая заметка о содержании рекомендуемого сборника статей Владимира Ильича «Материалы по аграрному вопросу». В предисловии к брошюре, сообщает «Правда», автор говорит, что в сборник вошли документы, статьи и речи по аграрному вопросу, относящиеся к периоду с конца апреля до конца октября 1917 года. Эти труды Ленина дают, продолжает газета, точную картину развития взглядов большевизма и применения этих взглядов на практике.

Пробужденная к активной политической жизни, бурлила трудовая Россия. Товарищи, работавшие тогда в большевистских издательствах и на книжных складах партии большевиков, рассказывали: сюда то и дело являлись рабочие, солдаты-фронтовики, требовали печатные издания произведений Владимира Ильича. Десятки экземпляров ленинских книг и брошюр их не могли удовлетворить — они хотели получить сотни.

Бывало, шумели товарищи, если их заказы почему-либо не удовлетворялись полностью. А некоторые собирались по этому поводу даже самому Ленину жаловаться, в Смольный к нему собирались идти. Наиболее горячие посетители, фронтовики в первую очередь, так те, случалось, и оружием грозили работникам складов: давай, мол, книги товарища Ленина — все, сколько требуем! До единого экземпляра!

4

Соратники Владимира Ильича вспомнили тогда и брошюру его, изданную совсем недавно, незадолго до событий, которые ныне потрясли Россию, потрясли весь

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Телефонъ 227-42.

Библиотека Обществольднія. №. 40-я.

В. ИЛЪИНЪ (Н. Ленинъ).

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦІЯ

**Ученіе марксизма о государствѣ и задачи
пролетаріата въ революціи.**

ВЫПУСКЪ I.

**ПЕТРОГРАДЪ.
1918•**

*На рубеже двухъ эпох. Книга «Государство и революция»,
написанная В. И. Ленинымъ незадолго до Великой Октябрьской
социалистической революціи и вышедшая в светъ уже в советское
время.*

мир. Эти события положили конец времени, отпущенному историей на пребывание в стране у власти буржуазного Временного правительства.

«Удержат ли большевики государственную власть?» — так называлась брошюра Владимира Ильича, написанная и изданная незадолго до захвата власти революционным пролетариатом.

— Революция двадцать пятого октября перевела вопрос, поставленный в этой брошюре, из области теории в область практики, — радуется Владимир Ильич, уже в советское время листая экземпляр первого издания своей работы.

Ведь именно коренные, самые животрепещущие вопросы практической деятельности новой власти Ленин и рассматривал в этой брошюре: сущность Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Без Советов, без Советской власти, действующей повсеместно, действующей активно, писал Владимир Ильич, пролетарская революция была бы в России делом безнадежным...

Значит, еще больше возросло теперь и значение ленинской брошюры для партии и народа, которым предстоит не когда-то потом, не в более или менее отдаленном будущем, а именно теперь — немедленно, сейчас же! — приступить к выполнению на деле задач строительства и упрочения новой, социалистической государственной власти.

Поэтому и было решено: как можно быстрее выпустить новое издание брошюры Владимира Ильича «Удержат ли большевики государственную власть?». Решено снабдить это издание таким предисловием: «Задача теперь в том, чтобы *практикой* передового класса — пролетариата — доказать жизненность рабочего и крестьянского правительства...»

Ленин ничуть не сомневается в жизненности новой власти, в ее способности творить новую жизнь. Владимир Ильич далее писал в предисловии к брошюре: «Все сознательные рабочие, все, что есть живого и честного в крестьянстве, все трудящиеся и эксплуатируемые напря-

гут все силы, чтобы на практике решить величайший исторический вопрос».

А решить этот вопрос правильно — значит удержать государственную власть. И они ее удержат, рабочие и беднейшие крестьяне, все трудящиеся люди страны.

Непременно удержат!

5

Общественная жизнь России, невиданные силы порывнув в победе социалистической революции, неудержимо шла теперь вперед все быстрее. Она выдвигала все новые задачи и требовала немедленного их решения.

Но именно теперь, когда перед народом возникла необходимость и открылась реальная возможность идти на леса стройки здания Советского государства, немедленно приниматься за дело, — именно теперь кое-кто растерялся не на шутку. Беспомощно разводят руками эти кое-кто, недоумевают: что же делать теперь, какими путями двигаться дальше, вперед? Ведь ни Карл Маркс, ни Фридрих Энгельс не оставили исчерпывающих инструкций насчет того, как следует действовать в условиях, возникающих после победы социалистической революции...

— Что же делать? Как быть? — недоумевают некоторые.

А Владимир Ильич отвечает им спокойно, уверенно:

— Да, есть ряд вопросов, о решении которых даже Маркс не догадался написать ни одного слова и умер, не оставив ни одной точной цитаты и неопровержимых указаний. Поэтому нам сейчас приходится выкарабкиваться самим.

И Владимир Ильич не устает подчеркивать мысль, которую высказывал не раз и прежде, много лет назад:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни».

И сам Ленин на каждом поворотном этапе развития общества в своих научных трудах, книгах, брошюрах, статьях осмысливает изменившуюся историческую обстановку, намечает новые пути, которыми следует двигаться дальше, навстречу коммунистическому будущему.

Теперь, после завоевания политической власти в стране пролетариатом, главной его задачей, долгом всех трудящихся города и деревни Ленин считает положительную, созидательную работу: налаживание сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для планомерной деятельности государства, для нормальной жизни миллионов трудящихся людей.

Это должно быть прекрасное здание, достойное тех, кто будет строить его и будет в нем жить — рабочие и крестьяне, трудящиеся, подлинные творцы всех ценностей, какие только существуют, какие могут и будут существовать на свете.

Взглядом своим проникая сквозь толщу годов, Ленин еще много лет назад отчетливо видел, как они будут противостоять друг другу — старый мир буржуазии и новый мир трудящихся масс. Там, писал о старом мире Ленин, — все темные силы эксплуатации, гнета, надругательства над человеком. Здесь, в мире, творимом трудовым народом для самого себя, — союз свободных граждан, равноправных во всех государственных делах. Там — союз эксплуататоров, богачей, полицейских. Здесь — союз всех трудящихся, всех живых сил народа, всей честной интеллигенции. Там — черные сотни, здесь — организованные рабочие, борющиеся за свободу, за просвещение, за социализм.

Теперь, в условиях советской действительности, говорит Ленин, нужно все делать, все сделать для того, чтобы этот новый мир строить и построить.

Ну, а что касается отдыха, который Владимиру Ильичу действительно крайне необходим...

Двадцать четвертого декабря 1917 года Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной и сестрой Марией Ильиничной Ульяновой приехал в санаторий «Халила», расположенный неподалеку от Петрограда. Пока спутницы его знакомились с живописными окрестностями здешних мест, Владимир Ильич постарался как следует обосноваться в отведенной ему комнате: уселся за письменный стол и немедленно приступил к работе.

Владимир Ильич теперь даже радуется, что товарищи настояли на предоставлении ему кратковременного отпуска. Благодаря этому можно будет теперь хотя бы несколько дней посвятить литературной деятельности: писать, писать и писать...

Даже в самые напряженные, до предела заполненные неотложными делами дни, урывая минуты от времени, приходившегося для сна, Ленин не переставал обдумывать темы, разрабатывать планы новых публицистических произведений. Он хотел их писать, публиковать, чтобы и таким образом, через печать, беседовать с партией, с народом, через печать вовлекать как можно более широкие круги трудящихся в обсуждение самых насущных перспектив строительства нового общества.

Ленин готовил, обдумывал планы этих произведений в размышлениях наедине с самим собой и во время бесед с товарищами. Темы многих из этих произведений рождались у Владимира Ильича при встречах и беседах с рабочими и крестьянами, солдатами и матросами, нередко посещавшими Смольный, или при чтении писем, что хлынули сюда со всех концов России — из городов и деревень, из фронтовых окопов, блиндажей — от рабочих, крестьян, солдат, матросов. Эти темы, вопросы Владимир Ильич формулировал и «советуясь» с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, вновь и вновь перечитывая их труды, размышляя над их гениальными выводами в све-

те новых уроков, самой жизнью, жизненной практикой преподанных теперь революционерам России и всех стран.

Вернувшись с прогулки и застав Ленина склонившимся над рабочим столом, Надежда Константиновна только руками развела. Мария Ильинична ответила ей тем же...

«Отдых у Ильича как-то не выходил,— рассказывала впоследствии Крупская.— И хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита. Думал Ильич о делах и все больше писал».

Все больше писал...

7

Приступив к отдыху, а вернее сказать, к работе, Владимир Ильич первым делом взял большой лист бумаги, написал на нем крупными буквами:

ИЗ ДНЕВНИКА ПУБЛИЦИСТА. (Темы для разработки.)

Далее следовал пространный перечень — более пятидесяти! — самых разнообразных тем, вопросов, проблем, охватывающих буквально все стороны жизни страны, деятельности ее народов. Среди намеченных Лениным тем главное место занимают те, что трактуют вопросы самые животрепещущие, жизненно важные для общества в целом и для каждого члена общества — каждого трудящегося человека в отдельности.

В первую очередь внимание Ленина занимала организация народной жизни на основе осуществления первых декретов Советской власти о мире, о земле. В перечне тем, намеченных для разработки в «Дневнике публициста», нашло свое отражение и многое из того, о чем Владимир Ильич беседовал с Крупской в первые советские дни в Смольном или во время их ночных прогулок по Питеру: как наилучшим образом по-новому организовать повседневную жизнь страны и народа; как лучше устроить жизнь рабочих, избавить их от необходимости жить в очень трудных условиях, которые унаследованы ими от

времен правления царя, помещиков и капиталистов; как наладить снабжение малых ребят из рабочих семей молоком, переселить рабочих в лучшие квартиры и как в этих целях организовать повседневный учет и контроль; как все это организовать так, чтобы в работу вовлечь самые широкие массы трудящихся. Надо развивать самостоятельность, пробуждать инициативу масс в решении совершенно новых для них вопросов управления государством. Как выдвинуть на это дело наиболее талантливых организаторов из рабочей среды...

Спешит перо, едва поспевая за быстрым течением ленинской мысли. Владимир Ильич включает в перечень все новые темы. Среди них такие, например: пропаганда делом и организация соревнования; учет и контроль как сущность социализма; организация управления предприятиями, установление сознательной трудовой дисциплины в рабочей среде и борьба против босых привычек; «травля» спекулянтов, саботажников, национализация промышленности и «долг» рабочих в труде...

Да, разные, очень разные вопросы, темы. Разные стороны общественной жизни народа, завоевавшего власть в стране...

Но все эти, как и другие темы, включенные Владимиром Ильичем в перечень для разработки в «Дневнике публициста», подчинены одной, самой главной, которую Ленин обозначил крылатыми словами одной из работ Карла Маркса:

РЕВОЛЮЦИИ — ЛОКОМОТИВЫ ИСТОРИИ.

Ленина радовал подъем народной инициативы, охвативший теперь все края, все стороны жизни новой России. Этот подъем бушевал повсюду: в городах и селах, в центре страны и на самых далеких ее окраинах. «Живое творчество масс — вот основной фактор новой общественности, — часто повторял Владимир Ильич. — Социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс...»

В перечне тем для разработки в «Дневнике публициста» Ленин образно формулировал задачу правофланговых трудового народа России — большевистской партии на ближайший период после победы социалистической революции:

*РАЗОГНАТЬ ЛОКОМОТИВ И УДЕРЖАТЬ ЕГО НА
РЕЛЬСАХ...*

*ПОДНЯТЬ НАИНИЗШИЕ НИЗЫ
К ИСТОРИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ...*

Четыре дня Ленин провел в санатории «Халила» — всего четыре дня. А сколько успел даже за столь короткий срок! И каждая строчка, написанная Владимиром Ильичем в те дни, — это мудрый совет партии и народу, как лучше идти вперед, к великой цели вести локомотив истории: как продолжать, углублять социалистическую революцию в России, осуществлять перестройку жизни страны и народа на новых, социалистических началах. И как к этому историческому творчеству поднять широчайшие массы трудящихся людей...

Революция победила — революция продолжается! — напоминает Владимир Ильич. В новых формах деятельности народа, в новых проявлениях народной инициативы революция завоевывает все более высокие рубежи.

С первых лет деятельности большевиков Ленин считал недопустимым, чтобы их тактические лозунги, призывы кovyляли вслед за событиями, приспосабливаясь к ним после свершения этих событий.

Владимир Ильич так и писал однажды: *ковыляли...* Он требовал: коммунисты, большевики должны стремиться, чтобы их революционные лозунги вели вперед, освещали массам дальнейший путь, поднимали массы выше непосредственных задач минуты.

Большевики, воспитанные Лениным, всегда стремились, чтобы их лозунги светили массам, как звезды, яркие и негасимые...

С тем большей настойчивостью Ленин подчеркивает необходимость руководствоваться этим правилом теперь, в новых исторических условиях, возникших или только еще возникающих после победы в России социалистической революции. И сам Владимир Ильич решает эту задачу в своей каждодневной партийной и государственной деятельности. Теперь этой задаче Ленин посвящает и свою деятельность партийного литератора, публициста.

8

«Запуганные крахом старого и борющиеся за новое» — так Ленин назвал статью, которую начал писать в эти декабрьские дни семнадцатого года в санатории «Халила».

Запуганные крахом старого — капиталисты, буржуи и помещики, их сознательные и полусознательные прислужники. Они не понимают, не хотят и не могут понять, какая великая созидательная сила заключена во всех проявлениях нынешней деятельности революционного народа и его партии, борющихся за новое, смело сметающих старый строй и закладывающих первые венцы здания нового общества, нового строя — социализма.

Революция продолжается!

Созидание через разрушение...

Большевики, трудовой народ только еще два месяца находятся у власти, а шаг вперед, к социализму, ими сделан уже громадный, пишет Владимир Ильич в статье «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое». Не видит этого тот, кто не хочет видеть или не умеет оценивать исторические события в их связи. Эти люди не хотят видеть, что за несколько недель, минувших после октябрьских событий, в России разрушены почти до основания недемократические, враждебные народу учреждения в армии, в деревне, на фабриках и заводах. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может...

Действительно, разве можно возвести новый, прекрасный дом, не расчистив предварительно строительную площадку от грязи, от уродливых остатков здания старого, отжившего свой век и теперь только мешающего людям во всей полноте пользоваться благами подлинно человеческой жизни?! Не за подмалевку трещин на старом здании борются строители нового мира — коммунисты, большевики во главе с великим зодчим — Лениным.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем! —

провозглашают они свою цель, задачу своей борьбы. И выполняют эту задачу: строят новый мир, какого еще не знала история.

За несколько недель на место империалистической лжи во внешней политике старой власти, затягивавшей войну и прикрывавшей грабеж и захват других народов и государств, в Стране Советов ныне поставлена отвечающая интересам трудящихся действительно революционно-демократическая политика действительно демократического мира.

Рабочий контроль над всеми фабриками и заводами во всей стране, национализация, передача в ведение рабоче-крестьянского государства центров финансовой жизни — банков, бывших до той поры частными, — все это уже начало проводиться в жизнь. А это именно и есть первые шаги к социализму, пишет Ленин...

Работая над статьей «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», Владимир Ильич, как он это делал часто, прохаживается по комнате, шепотком произносит текст очередного абзаца, который обдумал и который теперь намеревается записать:

— Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутиной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, «хаосом» (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых

Ис. Дневника публициста (Темы для разработки).

1. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
2. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
3. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
4. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
5. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
6. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
7. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
8. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
9. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
10. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
11. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
12. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
13. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
14. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
15. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
16. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
17. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
18. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
19. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
20. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
21. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
22. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
23. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
24. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)
25. Материал на каде донесет бис. (с. 100-101)

построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну, единственно законную, единственно справедливую, единственно священную,— не в поповском, а в человеческом смысле слова священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение, за освобождение трудящихся от всякого гнета...

Владимир Ильич отнюдь не преуменьшает всей огромной сложности предстоящей борьбы тружеников города и деревни против классов, свергнутых великой революцией,— класса капиталистов, класса помещиков. Он предупреждает: чтобы окончательно победить буржуазию в городе и деревне и стать во главе общества, руководить обществом,— пролетариат должен *научиться* этому, ибо сразу такого умения ему неоткуда взять. А научиться надо в борьбе. А учит только борьба — серьезная, упорная, отчаянная борьба.

На чьей стороне будет победа?

Владимир Ильич в статье, которую сейчас пишет, отвечает на этот вопрос так: по мере роста сопротивления буржуазии и ее прихлебателей растет сила пролетариата и присоединяющегося к нему крестьянства. Эксплуатируемые крепнут, мужают, растут, учатся. Они, пишет Владимир Ильич, в ходе социалистической революции скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства — решительно освобождаются от стародавних привычек слепой покорности «господам», привычек, выработанных веками жизни эксплуатируемых под гнетом эксплуататоров. Они духовно обновляются, трудящиеся люди.

Ленин не сомневается: этот «ветхий Адам» веками насаждавшегося рабства и покорности людей труда эксплуататорам обречен. Победа будет на стороне эксплуатируемых, пишет Ленин, ибо за них — жизнь, сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просящегося к строительству нового,— всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «просто народа», рабочих и крестьян.

— За ними победа.— Ленин произносит вслух и пишет эти слова, заключающие статью «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое».

Эта статья и другая работа, написанная Владимиром Ильичем тогда же, в декабре 1917 года, во время недолгого отпуска,— статья «Как организовать соревнование?»— явились первыми произведениями ленинской публицистики советской эпохи.

9

Во время пребывания в санатории «Халила», работая над статьями, Ленин, наверное, думал и о том, что приближается день, когда он, Председатель Совета Народных Комиссаров, от имени правительства Советской державы будет впервые отчитываться перед верховным органом власти революцией преобразенной страны: на 11 января 1918 года назначен доклад Совнаркома Всероссийскому съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

11 января 1918 года...

Да, именно тогда исполнится два месяца и пятнадцать дней со времени победы Великой революции, установления Советской власти. И Владимир Ильич скажет на съезде:

«Два месяца и пятнадцать дней—это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной...— власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года. Эту власть рабочих мы должны вспомнить, прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 25 октября. И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская

власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи...»

Трудящиеся России сразу же опирались на Советскую власть, и поэтому для них никогда не было сомнения в том, что эта власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс и что поэтому Советская власть непобедима... Пусть велики трудности предстоящей борьбы — Ленин верит: победа будет за рабочим классом!

В статьях, написанных во время «отдыха», Ленин указал путь, следуя которым можно наилучшим образом использовать открывшиеся перед советским народом реальные перспективы развития. Этот путь — самоотверженность народа в труде на благо социалистической Родины. Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплуататора и отобрали его землю, является теперь и только теперь поприщем, на котором может проявить себя человек труда, может разогнуть спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком, писал Владимир Ильич. Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры.

Об этом Владимир Ильич скажет на предстоящем съезде Советов. А Яков Михайлович Свердлов, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, огласит написанный Владимиром Ильичем проект важного государственного документа — «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»:

«1) Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам...

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик...»

Съезд примет «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая впоследствии ляжет в основу великой книги — первой в истории человечества Конституции Советского государства рабочих и крестьян.

«Ветхий Адам» наемного рабства обречен: освобожденный от эксплуатации капиталистами и помещиками трудящийся человек России встал во весь свой исполинский рост — встал для творчества, для созидания новой жизни.

На предстоящем съезде Советов Ленин скажет: будущее сулит трудящимся страны счастье, невиданное и невозможное при власти капиталистов и помещиков. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития, скажет на съезде Владимир Ильич. Он подчеркнет в своем докладе, что теперь все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, скажет Владимир Ильич, и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать все силы?

Владимир Ильич выразит твердую уверенность: трудящиеся совершат эту титаническую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления!

С трибуны съезда Ленин призовет трудящихся взаимными усилиями на основе Советской власти строить новое здание — социалистическое общество.

— Приветствуя вас, — скажет Владимир Ильич трудящимся России, — я призываю вас к строительству этого нового здания...

ЖАЖДА ТВОРИТЬ

1

Поезд № 4001, о котором ничего не сообщалось в обычных расписаниях Николаевской железной дороги, вечером 10 марта 1918 года отправлялся с платформы Цветочная площадка, расположенной на окраине Петрограда, за Московской заставой. Этим поездом Советское

правительство переезжало в Москву: древний город России отныне станет столицей молодого Советского государства рабочих и крестьян.

До выхода в районе станции Любань на главные пути специальный поезд в целях предосторожности следовал без освещения. Только в салон-вагоне, за шторами, опущенными на всех окнах, несколько раньше зажглась одна-единственная электрическая лампочка.

Приближалась полночь. Уже сто двадцать четыре дня — первые сто двадцать четыре дня деятельности Советской власти в России — становились достоянием истории.

Впереди — новые дни, недели и месяцы. Новые годы и десятилетия советской жизни.

В салон-вагоне поезда № 4001, где горела одна-единственная во всем составе электрическая лампочка, склонившись над маленьким столиком, работал Владимир Ильич Ленин. Он писал статью для газеты «Известия». «Главная задача наших дней» — так называлась статья.

2

Возраст страны Октябрьской победы — если только по календарю судить — был еще не очень велик. Однако результаты происшедшего в мире за эти несколько месяцев под воздействием событий, потрясших Россию, поистине являлись беспредельно глубокими. История человечества, писал Ленин, проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угне-

тателей, за освобождение от ига капитала; из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира...

Невиданный подвиг свершила трудовая революционная Россия. И перед великими испытаниями встала теперь: мировой империализм, самый злобный в то время, наиболее воинственный отряд его — помещичье-капиталистическая Германия, как хищник, давит и душит и рвет на части Советскую Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед нею призрак рабочей революции в ее собственной стране.

Об огромной опасности, нависшей над Республикой, о необходимости во что бы то ни стало Республику отстоять пишет Владимир Ильич. О значении предстоящей народу и партии большевиков работы — строгой и стройной организованности и организации, перевооружении промышленности и установлении строжайшего учета и контроля во всем — говорит само название, данное Лениным новой статье: «Главная задача наших дней».

Большевизм, Советская власть за короткий срок, минувший после Октября, прошли триумфальным шествием из конца в конец громадной страны. К свободе и к самостоятельной жизни поднялись самые низшие из угнетавшихся царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс.

Мир не видел ничего подобного тому, что происходит сейчас у нас в России, указывал Ленин. Идет колоссальная организационная работа во всех краях, непосредственная работа масс, творческая, созидательная деятельность. Рабочие и крестьяне начали небывалую по своим титаническим заданиям работу...

Многое поистине великое и благородное осуществлено за столь короткий срок в Стране Советов. Всемирное значение свершенного здесь Ленин определил в таких словах статьи: «Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей рево-

люции. Мы бросили вызов империалистическим хищникам всех стран».

Хищники, конечно, поняли: в прошлом веке гениально *предсказанная* Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом неминуемая гибель капиталистической системы теперь, в наши дни, благодаря распространению идей, заключенных в трудах Владимира Ильича Ленина, благодаря деятельности созданной им партии уже начала *осуществляться в действительности*. Об этом убедительно говорит прежде всего такое событие, как уход из-под власти мировой буржуазии огромной страны, занимающей одну шестую часть суши земного шара.

А что власти буржуев сулит будущее? Да и есть ли будущее у господ капиталистов, у общественного строя, который они представляют и защищают изо всех сил?

В начале статьи «Главная задача наших дней», как эпиграф к ней, Ленин привел строки своего любимого поэта Николая Алексеевича Некрасова:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

Он повторит эти строки и в тексте статьи, предупреждая: чем яснее партия, все трудящиеся поймут всю сложность жизни молодой Советской страны, оказавшейся в окружении злобных империалистических хищников, тем более твердой, закаленной, стальной сделается воля трудового народа к освобождению. Тем более непоколебимым станет стремление народа подняться от порабощения к самостоятельности, непреклонная решимость его добиться во что бы то ни стало, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле могучей и обильной!

И далее — вновь некрасовские стихи. Однако на сей раз в статье Ленина они исполнены уверенности в неизбежности торжества правого дела партии большевиков и народа, свершивших октябрьскую революцию:

«У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,— чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Страна Советов станет таковой, предупреждает Ленин, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул. Вождь призывает идти вперед по этому пути, не падая духом от временных поражений.

Но в своей статье Ленин не только призывает к защите родной страны такой, какой она есть сейчас. Он верит, что, победив врагов, страна станет, усилиями партии и народа обязательно станет социалистической державой. Зодчий нового мира, он призывает своих соотечественников, соратников, всех строителей нового мира — партию и народ: собирать камень за камешком прочный фундамент здания социалистического общества, работать не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости. Он добивается стройного сотрудничества всенародных сил, установления всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов. Таков путь Республики Советов к созданию мощи военной и мощи социалистической, писал Ленин. Следуя этим путем, партия и трудящиеся добудут все, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной.

В этом именно была главная задача тех дней.

Поезд № 4001 без остановок шел вперед по строго предписанному маршруту.

С каждым часом приближалась станция назначения — Москва...

Закончив работу над рукописью статьи, Владимир Ильич на последней странице текста поставил дату:

11 марта 1918 года.

Н. Ленин.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА наших дней.

МОСКВА

Издательство „ПРИБОЙ“.

Центральн. Ком. Россійск. Коммунистической Партіи (больш.)

1918.

*«Главная задача наших дней».
Первое отдельное издание работы В. И. Ленина.*

На следующий день ленинскую статью «Главная задача наших дней» люди читали в газете «Известия».

История «летит теперь с быстротой локомотива,— писал Владимир Ильич.—Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей».

Не исключено: пафос стремительного движения, пронизывающий эти строки, навеян той необычной обстановкой, в которой Ленину пришлось работать над рукописью статьи в ту знаменательную ночь в вагоне поезда, мчавшегося из Петрограда в Москву, навстречу новым дням и годам, новым событиям в жизни Советской страны, ее трудового народа. И потому теперь каждый абзац, каждая строчка статьи вселяли в сердца всех читавших ее твердую уверенность: историческое будущее социалистической России, к которому она устремилась с такой быстротой, прекрасно!

Она будет могучей, будет обильной, социалистическая Республика Советов!

Добиться этого во что бы то ни стало!

3

В день опубликования ленинской статьи, 12 марта 1918 года, в газетах появилось и официальное сообщение: «Всем, всем, всем!

Париж. Лондон. София. Берлин. Нью-Йорк. Вена. Рим. Константинополь. Христиания. Стокгольм. Гельсингфорс. Копенгаген. Амстердам. Женева. Цюрих. Токио. Пекин. Мадрид. Лиссабон. Брюссель. Белград. Всем СОВДЕПАМ. ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ.

Правительство Федеративной Советской Республики, Совет Народных Комиссаров и высший орган власти в стране Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов прибыли в Москву. Адрес для сношений: Москва, Кремль. СОВНАРКОМ или ЦИКСОВДЕП».

Отныне Москва — столица Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Здесь теперь работает правительство РСФСР, трудится глава правительства — Владимир Ильич Ленин.

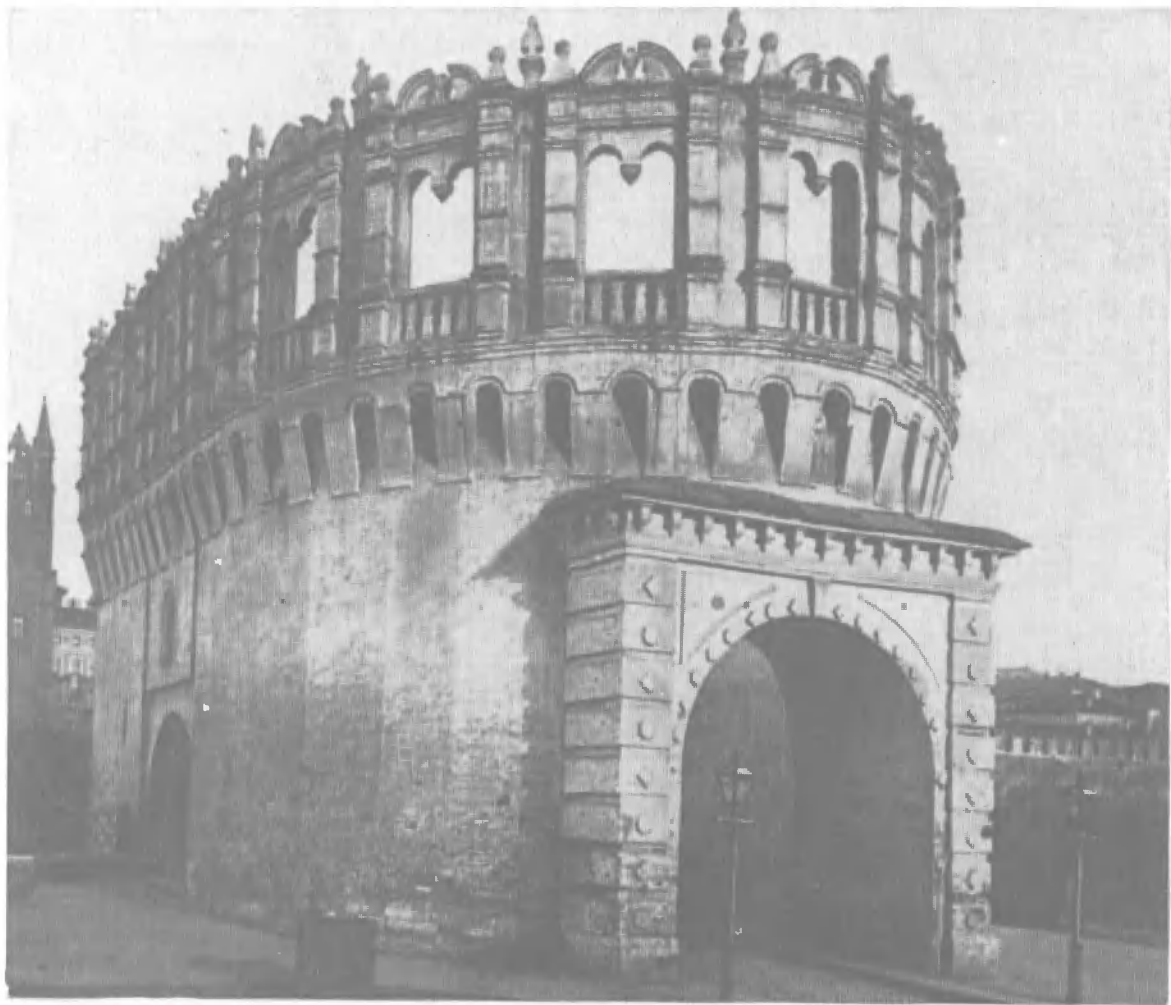
Отныне из Москвы на всю страну, на весь огромный мир будет звучать слово Ленина — зодчего новой жизни.

Владимир Ильич как никто понимает: трудящийся, рабочий человек по самой своей природе, по складу ума и душевному складу — созидатель, строитель, творец. Потому так тянется он, рабочий, и к партии большевиков-коммунистов. Видит, чувствует рабочий человек, что главной своей целью партия ставит подготовку условий, необходимых для того, чтобы утолить эту жажду трудящихся людей — ненасытную жажду творчества новой жизненной деятельности.

И вот наконец наступила пора, когда трудящийся, рабочий человек может посвятить себя созиданию, строительству, творчеству. И Ленин, как всегда, всецело разделяет эти стремления трудящихся людей. Ведь буквально в самый первый день советской истории родной страны, 25 октября (7 ноября) 1917 года, Владимир Ильич говорил о наступлении в России новой полосы развития, которая в своем конечном итоге «должна привести к победе социализма...

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

Необходимость и возможность выдвинуть и решать эти новые задачи возникла в результате осуществления Коммунистической партией, Советским правительством принципов, изложенных в первом советском законодательном акте — Декрете о мире. Верная этим принципам, Республика рабочих и крестьян отказалась от участия в мировой империалистической войне, в которую Россия втянулась сначала по воле царя и в которой потом оставалась по воле буржуазного Временного правительства. Вдохнов-

Прибыв в Москву из Петрограда, В. И. Ленин 12 марта 1918 года проследовал через Троицкие ворота в Кремль, где отныне разместилось правительство РСФСР.

ляемая идеями мира, Республика рабочих и крестьян, едва возникнув, в ноябре 1917 года начала переговоры о перемирии с Германией...

Все это делалось правительством Республики, партией большевиков во имя создания наилучших условий для созидательного труда рабочих и крестьян, для успешного строительства здания социалистического общества.

Эту цель ставит перед собой Владимир Ильич, приступая по поручению Центрального Комитета партии к разработке широкой программы социалистических преобразований жизни всех народов страны.

Сила ленинского слова, организующая сила книг, брошюр, газетных и журнальных статей — всей публицистики Владимира Ильича — всегда тем именно и определялась, что она в концентрированном виде одновременно воплощала в себе и гений вождя, и коллективную мудрость партии, и практический ум, опыт миллионов трудящихся, на лесах великой стройки творящих новую историю своей страны. Об этом несравненном умении Ленина вновь свидетельствовала теперь и его работа над брошюрой, посвященной очередным задачам Советской власти...

4

«1) Новая объективная обстановка и новая ступень нашей революции», — записывает Владимир Ильич в одном из вариантов плана брошюры.

«2) *Новая ориентация*».

И далее, в другом наброске:

«§ 4. Убеждать — завоевывать — *управлять*. (Что на 1-ом плане.) Не вместо, а вместе.

5. Учет и контроль...

6. Борьба с буржуазией переходит в стадию организованного учета и контроля. (Не вместо, а вместе.)

14. От агитатора к организатору.

15. Двигать вперед организатора...

19. Организация соревнования...

21. Сила примера...

25. Практицизм и деловитость как лозунг».

Ленин особо фиксирует в наметках плана такие вопросы:

«...Порядок, отдых... Не воруй, не лодырничай, учти правдиво все!

...*Единоличное распоряжение.*

...*Беспрекословное исполнение...*

ПОВЫШЕНИЕ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ
ТРУДА...

...Организация соревнования».

От варианта к варианту Владимир Ильич уточняет, совершенствует план, структуру своего нового публицистического труда. Включает в план многие важные вопросы из числа тех, над которыми размышлял во время недавнего пребывания в санатории «Халила»...

И вот работа завершена. Рассмотрев представленный В. И. Лениным документ, в рукописи названный им «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент», Центральный Комитет партии на заседании 26 апреля 1918 года постановил:

«Так как тезисы были отпечатаны и розданы заранее всем членам ЦК, т. к. никаких разногласий они не вызывают, то решено, приняв их в целом, отпечатать в виде приложения к 1) «Известиям» и «Правде», 2) напечатать отдельной брошюрой...»

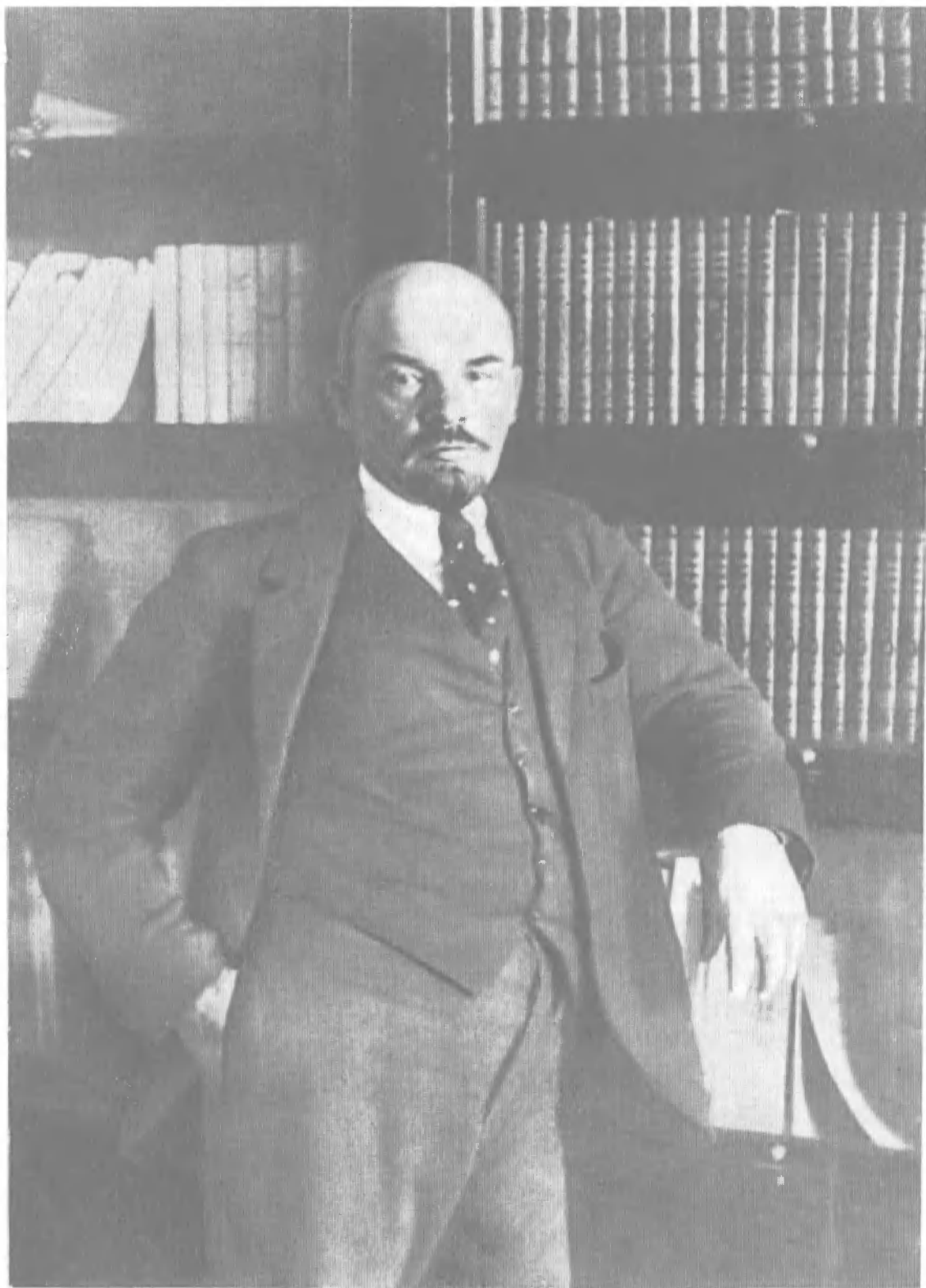
В окончательной редакции эта работа — первый крупный научно-литературный труд Владимира Ильича, написанный в советское время, — названа «Очередные задачи Советской власти». Весной 1918 года она опубликована впервые в газетах «Правда» и «Известия», а затем вышла отдельными изданиями во многих городах страны.

Партия, все советские люди получили разработанный Лениным вдохновляющий план строительства основ экономики нового государства, закладки фундамента социалистического общества.

5

Звание революционера, коммуниста-большевика ко многому обязывает. Много трудных задач ставит жизнь перед тем, кто носит это высокое звание.

Победа Октябрьской революции создала все политические и социальные условия, необходимые для преобразования общественной жизни на социалистических началах. Но это преобразование не осуществляется само собой. Чтобы его претворить в реальность жизни, партия и

В. И. Ленин в рабочем кабинете в Кремле. 16 октября 1918 года.

народ должны проявить максимум энергии, настойчивости, умения.

Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще, пишет Ленин в «Очередных задачах Советской власти». И продолжает: надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену. Причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи.

Ленинская работа «Очередные задачи Советской власти» указала партии именно это особое звено — главное после завоевания победы в Октябре, призвала партию ухватиться за это звено, как говорится, обеими руками.

Ленинская работа стала планом практического приступа к строительству социализма в Советской стране.

В любой из буржуазных революций, отметивших долгий период всемирной истории, предшествовавший Октябрю, главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной, разрушительной работы: уничтожение феодализма, монархии... Положительную или созидательную работу организации нового общества тогда выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И, разумеется, делало это в своих интересах, в интересах своего класса — эксплуататоров.

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции — а, следовательно, и в начатой 25 октября 1917 года социалистической революции в России — является положительная или созидательная работа, писал Владимир Ильич.

«Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*».

И через несколько страниц рукописи Владимиром

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“.

Н. ЛЕНИН.

ОЧЕРЕДНЫЯ ЗАДАЧИ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

МОСКВА.

Издание Всероссийск. Центр. Исп. Ком. Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатов.
1918 г.

О мире, о мирном труде брошюра В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», написанная в самом начале 1918 года.

Ильичем формулируется задача, которую нужно теперь поставить перед партией и народом во всем ее объеме,— задача простая на первый взгляд, но одновременно всё и вся решающая задача:

— Учиться управлять!

Труднейшей — и благодарнейшей! — задачей социалистической революции Ленин считал привлечение трудящихся к управлению страной, ее хозяйством, ее политикой — короче говоря, всеми без исключения делами государства, большими и малыми. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей, всего огромного общества.

— В чем общий лозунг момента?

Отвечая на этот вопрос, Владимир Ильич писал:

«Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде,— именно такие лозунги... становятся теперь, после свержения власти буржуазии, очередными и главными лозунгами момента». Осуществление этих лозунгов на деле явится, в конечном счете, одним из важнейших условий введения социализма, а именно — повышения, в общенациональном масштабе, производительности труда. Эта созидательная работа трудящихся состоит в налаживании «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего — большинства трудящихся».

6

Книга Ленина «Очередные задачи Советской власти» от первой до последней страницы, от вводных до заключительных строк, посвящена организации борьбы трудя-

щихся против буржуазии, капиталистов и помещиков.

«Как так,— спросит кто-нибудь,— о какой борьбе против буржуазии может идти речь теперь, уже после того, как произошла великая революция, покончившая с господством всех эксплуататоров в стране?»

Оказывается, речь о такой борьбе не только может идти, но и сама она, эта борьба в области хозяйства и хозяйствования, должна вестись на протяжении длительного времени даже после того, как над страной пронесся могучий очистительный ураган, подобный октябрьскому. Такая борьба — отнюдь не прошлое. Она — настоящее Республики Советов. И даже, может быть, не столь кратковременное будущее ее.

Наступившая ныне новая фаза борьбы против буржуазии — налаживание образцового хозяйства без буржуазии и вопреки буржуазии.

Да, без буржуазии, вопреки буржуазии!

Об этом и писал Ленин: «Борьба с буржуазией переходит в стадию организованного учета и контроля...» И об исходе этой борьбы, о победе над буржуазией в смысле экономическом, хозяйственном, Владимир Ильич писал уверенно: «Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления!!»

По-ленински предельно точное определение! Победить методами управления — это значит: свергнутый с политического пьедестала класс буржуазии превзойти по уровню организации экономики и производительности труда, искусству управления хозяйством — решать все эти задачи значительно лучше, решать их по-своему, на основе принципов социализма, советскими приемами.

Деятельность партии коммунистов по руководству государством рабочих и крестьян, подчеркивает Владимир Ильич, должна исходить из того непреложного факта, что социалистическая держава сильна сознательностью масс, когда массы всё знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Социализм живой, творческий есть создание самих народных масс. Политику в серьезном смысле слова могут делать только массы.

Ленин верил безгранично: трудящиеся массы способны совершить титаническую историческую работу руководства новым государством, ибо в них заложены дремавшие до сих пор великие силы пролетарской революции, возрождения и обновления всей общественной жизни.

Много внимания в своем труде Ленин уделяет характеристике организации социалистического соревнования, методов социалистического хозяйствования в советской экономике, необходимости повышать культурно-технический уровень рабочих. Все это, подчеркивает Владимир Ильич,—важнейшие очередные задачи Советской власти.

На первый план Ленин выдвигает вопросы строительства государства диктатуры пролетариата: оно является главным орудием социалистического созидания. Диктатура пролетариата — железная власть, революционно смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов, пишет Владимир Ильич. Вместе с тем диктатура пролетариата, руководство всеми делами со стороны пролетарского государства, может при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы напоминать больше мягкое руководство дирижера. Надо научиться, призывает Ленин, соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением масс воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Диктатура и демократия? Возможно ли?

Да, отвечает Владимир Ильич, возможно вполне!

Поскольку пролетариат, рабочий класс свою политическую власть использует в интересах громадного большинства народа, в интересах всех трудящихся города и деревни, потому и диктатура его является высшим типом демократии — подлинного народовластия.

Как и городские пролетарии, рабочие, беднейшее крестьянство тянулось к новой жизни. И оно жадно прислушивалось к слову Ленина о том, каковы очередные задачи Советской власти в деревне — как быстрее, как лучше деревню перевести на путь, уверенно ведущий к социализму и коммунизму.

Повсюду в стране крестьяне обсуждали свои дела. Собрались на сход и крестьяне-бедняки Гриминской волости, Ржевского уезда, Тверской губернии. С большим вниманием слушали крестьяне своего делегата на Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, который состоялся в Москве зимой 1918 года.

Делегат подробно говорит о работе съезда: какие вопросы там разбирались, кто на съезде выступал и что говорил; какие решения принял съезд и что теперь надобно делать крестьянам, чтобы те решения в жизнь провести...

Потом, не спеша расстегнув тулуп, делегат достал из кармана аккуратно сложенный номер «Правды» за 14 декабря 1918 года. Показал газету землякам — участникам собрания. Сказал:

— Вот здесь, в газете этой, напечатана речь, с которой товарищ Владимир Ильич Ленин на съезде в Москве перед нами выступал...

Тишина стояла в избе, где проходил сход, — ни звука, ни шороха... Казалось, даже дыхания людей — участников схода не слышно было, когда делегат по газете читал ленинскую речь:

— «Трудящееся, беднейшее крестьянство, которое больше всего принесло жертв для революции и больше всего потерпело от войны, отняло землю у помещиков не для того, чтобы эти земли попали к новым кулакам. Перед этим трудящимся крестьянством сама жизнь ставит теперь в упор вопрос о переходе к общественной обработке земли».

Ленин подробно говорил о том, как Советская власть намеревается в дальнейшем помогать крестьянам-беднякам и что сами они, крестьяне, делать должны для поднятия всего сельского хозяйства в стране. Большие надежды возлагает Ленин на крестьян-бедняков, верит: справятся они со своими задачами!

«В союзе с рабочими городов,— говорил в заключение своей речи Ленин,— в союзе с социалистическим пролетариатом всего мира, русское трудящееся крестьянство может быть уверено теперь, что оно поборет все невзгоды, все натиски империалистов и осуществит дело, без которого освобождения трудящихся быть не может,— дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли».

Делегат кончил читать ленинскую речь. Бережно сложил газету, снова в карман ее спрятал: очень важный документ!

А в избе было по-прежнему тихо-тихо, будто крестьяне — участники схода ждали: не скажет ли делегат о речи Ильичевой еще что-нибудь...

Но делегат, сняв очки, огляделся вокруг и сказал землякам:

— Когда Ильич закончил свою речь и сходил с трибуны, все мы, кто в зале сидел и слушал речь Ильича, шумно ему захлопали...

И в избе, где собрались на сход крестьяне-бедняки Гриминской волости, Ржевского уезда, Тверской губернии и читали ленинскую речь по газете «Правда», раздались громкие аплодисменты.

Потом до позднего вечера делились крестьяне мнениями о речи Владимира Ильича. В один голос одобряли каждое ленинское слово. С общего согласия сход решил направить в Москву, в Кремль, письмо товарищу Ленину. Крестьяне сообщали Ильичу:

«Заслушав доклад члена Всероссийского съезда земотделов Воробьева, общее собрание приветствует аграрную политику съезда. Действительно, по создавшимся условиям, благодаря четырехлетней войне, единственным выходом из тяжелого положения и перехода к коммунистическим началам есть общественная или артельная обработка земли. Товарищу Ленину шлем свой искренний сердечный крестьянский привет за благие начинания по земельной реформе».

8

Но не так-то просто и отнюдь не легко приходилось Ленину, партии коммунистов проводить в жизнь планы, получавшие одобрение рабочих и крестьян. И первыми, кто особенно рьяно мешал этой деятельности, были так называемые «левые коммунисты» с Бухариным во главе. Взгляды, действия подавляющего большинства партии, идущего за Лениным, эти отступники от подлинного марксизма, так называемые «левые», считали... недостаточно революционными, недостаточно... коммунистическими.

Каково?

Владимир Ильич «левых коммунистов» назвал героями революционной фразы. И пояснил, что значит на самом деле эта, с позволения сказать, «революционная фраза»: она есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место в действительности. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,— почвы под ними нет,— вот суть революционной фразы, указывал Ленин.

Владимир Ильич писал:

«Надо воевать против революционной фразы, придется воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

I Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун работал в Москве, в Колонном зале Дома союзов, 11 декабря 1918 года. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов — члены президиума съезда.

И Ленин, как никто, всегда энергично воевал против революционной фразы. Воевал против всех тех, кто этой фразой подменял действительно революционное дело. Против горластой печати «левых» Владимир Ильич воевал энергично, последовательно, непримиримо.

Еще в марте 1918 года группа «левых» решила самостоятельно издавать в Петрограде свой печатный орган — газету. И, будто глумясь над самым дорогим для советских людей, «левые» дали этой газете название: «Коммунист».

Ленин первым обратил внимание на кощунство «левых». Буквально на следующий день Ленин высказал свое мнение по этому поводу: статья Владимира Ильича «Серьезный урок и серьезная ответственность», напечатанная 6 марта 1918 года в «Правде», начиналась так: «Наши горе-«левые», выступившие вчера с собственной газетой «Коммунист» (надо бы добавить: коммунист

домарксовской эпохи), увертываются от урока и уроков истории, увертываются от своей ответственности.

Напрасные увертки. Увернуться им не удастся».

И действительно, увернуться «левым» не удалось. Не удалось им скрыть действительный характер авантюристической, губительной для Советской Республики тактики, которую вкуче осуществляли Троцкий и Бухарин, еще в ноябре 1917 года выступавшие против заключения Брестского мира.

Ленин тогда в статье «Серьезный урок и серьезная ответственность» показал, что эти «левые» — Бухарин, Радек и их единомышленники, сотрудники «левой» газеты, — выступая против заключения мира, принесли огромный вред и русской революции, и международному революционному движению.

«Левые» были против заключения Брестского мира, называли его компромиссом. Да, компромисс, отвечал «левым» Владимир Ильич, но как раз такой компромисс и в такой обстановке, который является обязательным для государства трудящихся.

Произнося всякие «р-р-р-революционные» речи против заключения мира, «левые» не только давали германским империалистам возможность предъявлять Республике Советов все более грабительские требования. Бухарин, как и Троцкий, срывал возможность получения Республикой Советов передышки, столь необходимой ей для того, чтобы лучше подготовить отпор объединенному вооруженному нашествию империалистов всего мира, грабительскому нашествию, неизбежность которого Ленин предвидел.

«Долой фанфаронство! — писал Владимир Ильич в заключительной части статьи. — За серьезную работу дисциплины и организации!»

Куда там! Газета «левых» не желала отказаться от фанфаронства, не желала взяться за серьезную работу дисциплины и организации — на то она не просто газета, а печатный орган «левых». И после опубликования в «Правде» статьи Владимира Ильича «Серьезный урок и

серьезная ответственность» Петроградская общегородская партийная конференция признала, что политика Петроградского комитета, выраженная на страницах «Коммуниста», глубоко ошибочная и ни в какой мере не отражает позицию Петроградской организации большевистской партии. Конференция постановила: издание указанной газеты «левых» прекратить.

Но «левые» не унимались. Башмаков, как говорится, не успев износить после бесславных похорон своей газеты, «левые» в апреле 1918 года принялись за новое издание: на сей раз это был журнал под тем же названием, выходявший в Москве.

Прочитав журнал «левых», Владимир Ильич сказал о нем:

— Более наглядного подтверждения — в политической литературе — всей наивности той защиты мелкобуржуазной распушенности, которая иногда прячется под «левыми» лозунгами, нельзя было бы и желать.

В начале мая на страницах «Правды» появилась новая статья Владимира Ильича: «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Ну и досталось же в этой статье незадачливым «левым» издателям, «левым» редакторам и авторам «левого» журнала!

«Левые коммунисты» изо всех сил ратовали — на словах, разумеется, устно и печатно — за «введение» в России социализма и коммунизма. Требовали — опять же на словах — «ввести» социализм и коммунизм в жизнь немедленно, что называется — «в двадцать четыре часа»! А на деле они же, «левые», противились прежде всего тому именно, без чего социализм вообще невозможен.

Например, «левые» были категорически против установления на советских заводах и фабриках крепкой трудовой дисциплины и строгого делового порядка во всем. Изо всех сил ратовали против борьбы за повышение производительности общественного труда. Воинственно опол-

чались против Ленина за его настойчивое требование ввести единоначалие на всех промышленных предприятиях под неослабным контролем Советской власти, большевистских партийных организаций, широких рабочих масс.

Все это — и трудовую дисциплину, и повышение производительности общественного труда, и единоначалие — «левые» считали признаками... возврата к капитализму. С особым рвением отрицали возможность и необходимость проведения в жизнь ленинских предложений об использовании буржуазных специалистов, инженеров и техников в интересах новой, рабоче-крестьянской власти, под ее наблюдением...

Как же сами «левые» объясняли эти свои действия, рассуждения?

Если говорить серьезно, толком они никак ничего не объясняли. Просто пытались утверждать, будто программа социалистического строительства, составляющая главное в содержании брошюры Владимира Ильича «Очередные задачи Советской власти», есть, видите ли...

Что бы вы думали? Оказывается, эта программа, по мнению «левых», есть... возврат к капитализму, капитуляция перед капитализмом! Ни больше ни меньше.

Ленин по этому поводу с сарказмом заявлял:

— Милые «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления!.. Я вам объясню, любезные,— продолжал Владимир Ильич, обращаясь к издателям и авторам «левого» журнала,— почему это несчастье с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете.

А думать, как известно, следует.

Всегда и во всем. Не то...

Мудрено ли, что у «левых» в их пространных рассуждениях о необходимости «немедленно» строить социализм ни слова, ни звука нет о значении диктатуры пролетариата в экономической жизни страны. «Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об

этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма», — замечал Ленин.

Швыряясь звонкими фразами, «левые», как Ленин писал, повернулись лицом к прошлому, а не к будущему. А это будущее уже возникало и утверждалось в настоящем, в повседневном труде миллионов рабочих, которые поняли и приняли большевистскую программу решения очередных задач Советской власти в жизни огромной страны. Это имел в виду Владимир Ильич, отмечая, что такая работа передовых рабочих, наряду с их работой по введению трудовой дисциплины, пошла и идет не шумно, не ярко, без звона и треска, столь милых для некоторых «левых». Она идет, эта работа, с громадной осторожностью и постепенностью, с учетом уроков практики. В этой тяжелой работе, работе практического учения строить крупнейшее производство, продолжал Ленин, залог того, что Советы — на верном пути, залог того, что сознательные рабочие России ведут борьбу против мелкобуржуазного распада и развала, против мелкобуржуазной недисциплинированности. А именно в этом — залог победы коммунизма.

Что же касается обитателей различных подворотен, всех тех, кто лает на Страну Советов, на партию большевиков, на трудовой народ...

Владимир Ильич не раз вспоминал строки из басен Крылова, очень хорошо клеймящие обитателей различных подворотен. Ленин писал:

«На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой...»

Шумели «левые», швырялись звонкими фразами. Из всех подворотен лаяли...

Большевики за Лениным шли вперед. Ни на шаг не сворачивали с указанного Лениным пути.

Подавляющее большинство партии, выражающее разум ее и волю, единодушно приветствует новую работу Владимира Ильича «Очередные задачи Советской власти».

Совсем немного времени прошло, а со всех концов Республики в Центральный Комитет РКП(б) начали поступать письма — сообщения о растущем повсеместно и с каждым днем интересе партийных работников и беспартийных трудящихся к новому произведению Ленина. Посыпались просьбы о безотлагательной присылке дополнительных количеств ленинской брошюры в местные организации партии.

Северный областной комитет, например, сообщал: работа Владимира Ильича об очередных задачах Советской власти разослана по всем ячейкам — она должна быть настольной книгой в настоящий момент.

Партийные конференции, проходившие тогда в стране, горячо, по-деловому обсуждали и единодушно одобряли ленинскую работу.

Большевики Московской области приняли резолюцию, в которой заявили: поскольку экономическая политика партии целиком и полностью намечена в этой работе Ленина, конференция высказывает свою солидарность с содержанием статьи Владимира Ильича и кладет ее в основу деятельности всех организаций на местах.

В одном лишь 1918 году вышло более десяти изданий брошюры Владимира Ильича. Она выпускалась в Москве и Петрограде, в Саратове, Тамбове и других городах страны.

Работа Ленина «Очередные задачи Советской власти» была подлинно программным партийным документом своего времени, настольной книгой каждого партийного активиста. В мае 1918 года, направляя ее на места, во все партийные организации страны, Секретариат ЦК РКП(б) указывал: «Поскольку новая программа партии еще не разработана, мы имеем возможность в своей деятельности

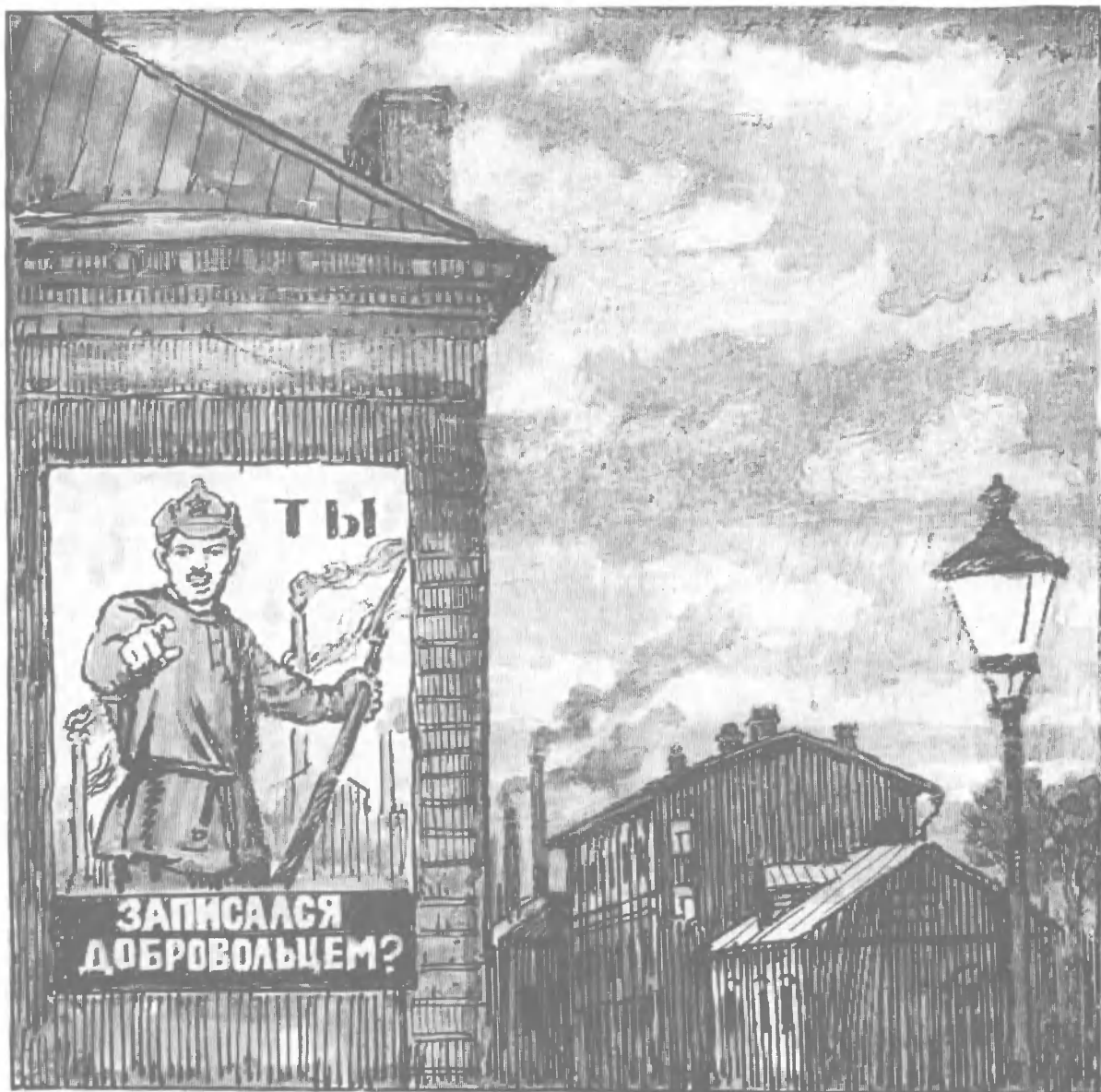
руководствоваться статьей товарища Ленина «Очередные задачи Советской власти». Вы будете в значительной степени удовлетворены в своих запросах этой статьей и увидите ясно, какую линию вам проводить».

Владимир Ильич восхищался мудрой сознательностью, силой и выдержкой рабочего класса. Восхищался им, без колебаний идущим за партией большевиков-коммунистов, не впадающим в отчаяние даже на самых трудных, самых тяжелых и опасных переходах. И, отвечая на вопли «левых», Ленин вновь повторял слова, которыми завершил рукопись своей брошюры об очередных задачах Советской власти:

— Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата.

Пришла пора, когда народ, в Октябре совершивший великий подвиг разрушения несправедливого старого мира, теперь готовился расширять плацдарм строительства новой, социалистической жизни.

Настало время творить по планам великого зодчего, начертанным им в работе об очередных задачах Советской власти.

С ВИНТОВКОЙ И ПЛУГОМ

1

Каждый новый день, прожитый Советской Республикой в мирном труде, радовал Владимира Ильича. Оглядываясь вокруг, мысленным взором проникая в грядущее, Ленин говорил с гордостью:

— Наша социалистическая Республика Советов будет

стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая Республика Советов.

Но именно этого не желала допустить мировая буржуазия. Не могла она примириться с тем, что новая Россия, одолев все невзгоды и построив свободную от эксплуатации жизнь, послужит привлекательным примером для трудящихся людей других стран.

И зарубежные капиталисты начали готовить против Республики Советов жестокую войну. Думают, уверены господа капиталисты и помещики во всем мире: сил у большевиков нет, война неизбежно приведет к падению власти рабочих и крестьян в России. А уж тогда и трудящихся других стран, думают господа капиталисты, куда как легко будет убедить в тщетности, неосуществимости надежд на жизнь, свободную от гнета эксплуататоров...

Вот почему к лету 1918 года Республика оказалась в кольце нацеленных против нее многочисленных вражеских фронтов.

— Мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности,— сказал в то время Ленин.

И тогда же, одновременно с формированием воинских частей, оснащением их боеприпасами и техникой, партия готовилась использовать против врага и грозную силу большевистского печатного слова. Владимир Ильич в феврале 1918 года писал:

«Печатный станок — сильнейшее наше оружие».

2

Оно отлично зарекомендовало себя, большевистское печатное слово, в предоктябрьские годы. Оно тогда по-

могло партии и трудовому народу подготовить добрую площадку для начала строительства здания нового государства. Теперь, в февральские дни 1918 года, этому слову, слову Ленина в первую очередь, предстояло поднять трудовую Россию и повести на защиту лесов уже поднявшейся над землей стройки здания социалистического отечества.

21 февраля 1918 года Совет Народных Комиссаров принял написанный Владимиром Ильичем декрет-воззвание: «Социалистическое отечество в опасности!»

Тревожно звучали начальные строки воззвания. В минуту грозной опасности Совнарком обращался к трудовому народу:

«Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира. Наши парламентарии 20 (7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задуть русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности...»

По-военному четко в воззвании определено, что следует делать партийным и советским организациям, всем трудящимся людям Республики для отпора коварному врагу. Их цель, говорится в воззвании, — все имеющиеся силы предоставить на дело революционной обороны Советской страны. Защищать каждую позицию до последней капли крови!

«Социалистическое отечество в опасности!» — тревожно предупреждает воззвание. Но заключительные строки его звучат уверенно:

«Да здравствует социалистическое отечество!»

Ленинский призыв набатом гудит по всей стране. Декрет Совнаркома опубликован в «Правде» и «Известиях», в других газетах в центре и на местах. Его издают в виде листовок, которые расклеиваются повсюду — на стенах домов и на заборах, распространяются среди солдат, крестьян и рабочих — на фронтах, в деревнях, на фабриках и заводах...

Многоголосым шквалом массовых митингов гудит пролетарский Петроград:

- Социалистическое отечество в опасности!
- Да здравствует социалистическое отечество!

После опубликования воззвания Совнаркома город преобразился. Куда девались тревога и растерянность, царившие в Петрограде еще вчера!

Город ожил, подтянулся. Ощетинился против угрозы вражеского нашествия.

Газета «Правда» сообщала на следующий день:

«Воззвание Совета Народных Комиссаров «Социалистическое отечество в опасности!» встречено сочувственно. Началась массовая запись социалистических добровольцев».

Правдивые, вдохновляющие слова ленинского призыва раскрыли глаза всем, кто еще вчера, быть может, в полной мере даже не представлял серьезности создавшегося положения. Толпы добровольцев буквально осаждают Смольный. Рабочие требуют, чтобы их немедленно отправили на фронт. Клянутся, не жалея ни сил, ни самой жизни, грудью отстаивать Республику...

По воле трудящихся в те дни родилось народное ополчение. Оно берет под свою защиту революционный Петроград и его окрестности. Нешадно преследует неприятель-

ских агентов и громил, хулиганов, германских лазутчиков — любых пособников врага.

Сколько честных сердец человеческих, возбужденных ленинским словом, забилося сильнее сегодня, в эти знаменательные дни!

В Питере находился тогда молодой американский прогрессивный журналист Альберт Рис Вильямс, друг известного американского писателя, коммуниста Джона Рида.

Утром 22 февраля 1918 года, вспоминал впоследствии Вильямс, в газетном киоске неподалеку от Смольного он купил свежий номер «Правды».

Тревогой веяло от заголовка на первой странице:
«Социалистическое отечество в опасности!»

С газетой в руках направился Вильямс в Смольный. Стараясь найти комнату, где записывают добровольцев в Красную Армию, добрался Вильямс до кабинета Председателя Совнаркома.

Ленин хотя и был знаком с американским журналистом, однако удивился внезапному его появлению в своем кабинете. Но узнав, что Вильямса привело сюда опубликованное в «Правде» воззвание, желание ответить на него делом — стать в ряды защитников Республики Советов, Владимир Ильич одобрил намерение американца. Рассказал гостю, сколь трудным является положение, в котором оказалась Советская Россия теперь, когда старая армия воевать отказывается, а новая еще не создана.

— Единственный выход, который я вижу, — это мир, — решительно заявил Ленин. Но тут же добавил: — Однако немцы могут не пойти на перемирие. И все же мы сделаем все возможное, чтобы избежать столкновения сейчас...

В тот день по просьбе Владимира Ильича Вильямс взял на себя обязанность: вести работу среди проживающих в России иностранцев с целью создания хотя бы небольшого вооруженного интернационального отряда защитников Республики Советов...

Альберт Рис Вильямс (1883—1962), прогрессивный американский публицист. Очевидец и участник Великой Октябрьской социалистической революции.

«Принятое и выполненное решение рождало в душе необыкновенное чувство приподнятости,— рассказывал Вильямс об этой встрече с Лениным.— Я стал теперь неотъемлемой частью революции, одним из защитников ее столицы».

Вновь и с новой силой подтвердилась давно заявившая о себе истина: слово Ленина дело творит, хорошее, доброе дело...

Всколыхнувшее всю страну ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности!» спустя недолгий

срок обернулось пришедшими в штаб революции, в Смольный, донесениями первых отрядов только что возникшей в те дни Красной Армии об упорных сражениях, об отпоре, оказанном ею врагу под Псковом и под Ревелем, под Нарвой...

3 марта, в 17 часов, в городе Бресте империалистическая Германия подписала договор о прекращении военных действий против Советской России. Республика рабочих и крестьян получила наконец мирную передышку.

3

Не долгим, однако, было время покоя, когда возможно было вернуться к работе на лесах стройки...

Летом 1918 года вчерашние приятели-союзники российского царя Николая II и ближайшие друзья Временного правительства российской буржуазии выступили как злейшие враги молодой Республики Советов.

Три четверти территории страны оккупированы были полчищами зловещей Антанты — военного союза империалистов Англии, Америки, Франции, Японии, Италии и других капиталистических держав. Вместе с ними, под их крылышком и на их харчах, собрались тогда и войска бывших царских генералов-белогвардейцев. Всякие анархисты — проповедники неподчинения законам. И просто разноперая бандитская голытьба.

Вновь ленинская мысль и ленинская воля звучали с газетных полос, призывая трудовой народ к самоотверженной борьбе, указывая верный путь к победе.

«Социалистическое отечество в опасности!» — озаглавили 30 июля 1918 года свою передовую статью «Известия».

«Снова Советская Россия провозглашает этот клич, — писала газета. — Советская Россия находится сейчас в такой же опасности, в какой находилась в момент февральского наступления германских войск. Да что мы говорим!

Сейчас положение еще более грозное и более опасное... Наступило время героических решений. Русские рабочие и беднейшее крестьянство должны теперь показать, что они способны отстоять свои завоевания... Русский рабочий класс должен дать беспощадный отпор наседавшим на него англо-французским империалистам и присоединившимся к ним внутренним врагам и изменникам...»

«Социалистическое отечество в опасности! Все, как один человек, на его защиту!» — повторяла газета ленинский призыв.

В это невероятно трудное для народа, для страны время одинаково важны и деятельность Ленина-полководца, и деятельность Ленина-публициста, чье слово способно поднимать армию и народ, вести их на отпор врагу, на завоевание победы...

Владимир Ильич говорит: «Всякий раз, когда перед Советской властью в необыкновенно трудном деле строительства социализма встают трудности, Советская власть знает только одно средство борьбы с ними: обращение к рабочим, каждый и каждый раз к более и более широкому слою рабочих... Нам неоткуда больше брать сил».

Десятки ленинских статей и писем-обращений к бойцам и командирам Красной Армии, к героическим труженикам тыла — документы партии и правительства, написанные и подписанные Владимиром Ильичем, — публикуются теперь в газетах, издаются в виде листовок. Они широко распространяются на всех фронтах, их читают в воинских частях и соединениях, в ближнем и дальнем тылу.

Ленинское слово поистине приравнено к штыку, к испытанной в боях и в песнях солдатских воспетой русской винтовке-трехлинейке. Статьи, листовки, написанные Владимиром Ильичем и взятые на вооружение Красной Армией, всем советским народом, славно помогают проведению важнейших боевых операций на фронтах и в тылу. Помогают достижению успехов в решающих сражениях,

которые станут вехами на пути Страны Советов к полной победе над врагом.

Призывами к армии, к народу звучали каждая фраза ленинских статей, каждый их заголовок:

«Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!»

«Все на работу по продовольствию и транспорту!»

«Берегитесь шпионов!»

«К незаможным селянам Украины...»

«Все на борьбу с Деникиным!»

«На помощь раненому красноармейцу!»

Современники, друзья, ближайшие соратники Владимира Ильича отмечают его непревзойденное умение говорить с людьми труда, обращаясь с трибуны митинга, со страниц печати к рабочим и крестьянам, воинам Красной Армии. Друзья свидетельствуют: при всем своем революционном дерзании Ленин, как никто, прочно, обеими ногами стоит на почве реальной действительности жизни и даже более того — как бы вырастает из глубин ее, ибо, как никто другой, он обладает особым даром проникновения в сокровеннейшие мысли и чувства миллионов, в мысли и чувства народных масс, как будто бы он находится с ними в каком-то особом, непосредственном родстве. Это, между прочим, сказывалось в особой простоте и вместе с тем народной сочности самой речи Владимира Ильича, в характере его выражений...

4

Слово Ленина зовет советских людей решительно наступать на врагов — на фронтах и в тылу, умело применять в борьбе против врагов силу винтовки и силу плуга.

Делом отвечали бойцы Красной Армии и труженики тыла на призывное слово Владимира Ильича.

В конце весны 1919 года очень трудное положение сложилось на Восточном фронте борьбы с врагами Совет-

ской Республики. Здесь тогда решалась судьба рабоче-крестьянского государства.

29 мая Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». Ленин требовал: напрячь все силы, мобилизовать поголовно все прифронтовое население, следить за политработой.

Владимир Ильич предложил: эту телеграмму довести до сведения всех коммунистов, всех питерских рабочих, по мобилизации прибывших на Восточный фронт...

С тех пор под знаком выполнения ленинской директивы протекала вся боевая жизнь на этом направлении военных действий Красной Армии...

А 9 августа политотдел Восточного фронта выпустил листовку — письмо-рапорт красноармейцев Владимиру Ильичу Ленину.

«Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь! — писали в листовке бойцы. — Ты приказал взять Урал к зиме — мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь.

Не первый раз нам приходится по твоей команде вступать в бой с неравным врагом, и всегда мы побеждали, сильные верой в правоту нашей борьбы, в торжество революции. Раздался твой мощный голос остановить зарвавшегося врага, не отдавать ему главного нерва Советского Российского организма — Волгу, мы дали отпор, и о наше сопротивление разбились полчища сибирской контрреволюции. Мы перешли потом в наступление и прогнали врага от Поволжья. Теперь мы гоним его в Сибирь за Уралом...

Остаемся на боевых постах. С коммунистическим приветом к тебе

красноармейцы Южгруппы Востфронта».

Многие военные и политические деятели, находившиеся в самом пекле сражений с врагами Республики, не раз подтверждали, какой поистине боевой подмогой им, фронту, частям Красной Армии служит ленинское слово.

Однажды Владимир Ильич получил письмо от товарища Серго Орджоникидзе — члена Реввоенсовета Южного фронта, давнего знакомого, старого большевика.

«Дорогой Владимир Ильич, пользуюсь случаем сообщить Вам кое-что о положении наших дел... — писал товарищ Серго. — На всем Южфронте мы накануне больших событий. Думаю, что Деникина разобьем, во всяком случае о Москве он должен перестать думать...»

А далее в письме — просьба особая, к Ленину-публицисту:

«Владимир Ильич, ради всего трубите в печати, не давайте заснуть тылу...»

5

Как всегда, и в годы гражданской войны и иностранной интервенции выступления Владимира Ильича Ленина в печати являются своеобразной формой бесед вождя партии с трудовым народом. А беседы, как известно, предполагают активное участие в них двух сторон. Поэтому Владимир Ильич и поощрял рабочих, крестьян и красноармейцев к активному участию в таких беседах: призывал задавать вопросы, высказывать свое мнение по поводу тех или иных явлений внутренней и международной жизни Республики, коренных задач политики, проводимой Коммунистической партией и Советским правительством. И часто случалось так, что, скажем, статья Ленина, напечатанная сегодня в газетах или изданная в виде листовки, содержала обобщенные ответы главы Советского правительства на вопросы, заданные в письмах, вчера, позавчера присланных ему с фронтов войны, с заводов и фабрик, из учреждений и школ.

Да, выступления Владимира Ильича в печати поистине были беседами, в которых активно участвовали обе стороны.

Газета «Беднота» — массовая газета для советских крестьян — сообщала, что редакционная почта ежедневно

приносит со всех концов России множество писем, адресованных лично товарищу Ленину. Есть среди них жалобы на всякие беспорядки. Есть советы, указания, предложения — что следует сделать и чего делать не следует...

Но вот, пишет газета, письмо солдата-красноармейца 3-го запасного полка Бориса Федорова. Он и его товарищи по полку засомневались: «Да можно ли писать товарищу Ленину, как простому товарищу, обо всем, что думает солдат-фронтовик, красноармеец? И что за это будет?»

Сам Федоров, правда, не сомневается, что писать Ильичу можно, а вот некоторые его товарищи сомневаются: дойдет ли письмо, прочтет ли его сам Ленин и что-то из всего этого выйдет?

Вот взяли да и написали письмо товарищи-фронтовики. И просят Ленина ответить им через «Бедноту», если, конечно, письмо до Ильича дойдет.

Владимир Ильич просил редакцию «Бедноты» сообщить товарищу Федорову: письмо его получено, а сомнения, высказанные в письме, неосновательны.

«Откуда взялись подобные сомнения?» — спрашивала редакция «Бедноты», рассказав об этом случае в номере газеты, вышедшем 6 января 1921 года. И отвечала: сомнения эти — из печального прошлого России. Простой человек в прежней России не мог писать по-простому, по-товарищески тогдашней власти, ибо та власть была не его, не народная, а барская.

Теперь власть своя, советская, рабоче-крестьянская, говорилось в заключительной части редакционной заметки, напечатанной газетой в виде ответа красноармейцу товарищу Федорову и его друзьям. Только из речей, писем, постановлений и резолюций народных может власть черпать опыт свой для управления страной. Поэтому всякое дельное письмо может принести ей пользу. И уж, само собой, за письмо ничего не будет посылающему его.

В другой раз редактор этой же газеты «Беднота», старый большевик Вячеслав Алексеевич Карпинский, вспо-

миная одну свою встречу с Владимиром Ильичем, рассказывал, что Ленин высоко ценит крестьянские письма, которые отовсюду идут в редакцию газеты. Бывало, возьмет Ильич пачку писем, читает внимательно одно за другим.

И скажет:

— Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!

Письма рабочих и крестьян, приходившие в редакции советских газет, как письма трудящихся вообще, помогали Ленину осуществлять его знаменитую формулу партийного руководства массами, однажды выраженную им в словах:

«Жить в гуще.

Знать настроения.

Знать все.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее абсолютное доверие.

Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда».

Владимир Ильич в своей деятельности партийного публициста всегда претворял эти принципы в жизнь: и когда выбирал темы для выступлений в печати, и когда писал ту или иную статью.

6

Слово Владимира Ильича — устное и печатное — для рабочих и крестьян, для всех людей труда в Советской стране было олицетворением самых главных документов, во всей исчерпывающей полноте выражающих дух наступившего нового времени.

Можно представить, с каким чувством Владимир Ильич читал письмо, направленное ему в марте 1919 года

Егором Никитиным, крестьянином деревни Алексеево, Бельского уезда.

«Покорнейше прошу Вас не оставить мою просьбу без ответа, так как при нашем крестьянском сельском Совете организовалась партия большевиков-коммунистов и в их числе состою и я,— писал крестьянин.— Желаем мы от своего кружка иметь с Вами связь и просим Вас высылать Ваши декреты и Ваши программы за подписью Вашей. Желаем поддерживать Вас; по этому поводу прошу Вас высылать декреты и программы, так как то, что Вы издаете, к нам не доходит, до бога высоко, а до Вас далеко.

За этим извиняюсь, что я Вас беспокою своим письмом».

Ленин с присущим ему вниманием отнесся к обращению сельского труженика. Направляя письмо своему секретарю, в сопроводительной записке просил сообщить Егору Никитину:

«...Я передал адрес для декретов в Бюро ЦК (и пошлите туда), а что писать мне может прямо в Москву. Кремль...»

Воины Красной Армии, каждый день, каждый час собственными глазами наблюдавшие жизнь фронтов, высоко ценили огромную боевую мощь оружия, которым вооружал их Ленин. Признавали за этим оружием — словом вождя — силу, ни в чем не уступавшую той, что властно взламывала броню и бетон вражеских укреплений, взрывала мосты и полотна железных дорог, загоняла в могилы белогвардейское воинство, полчища иностранных интервентов.

Красноармейцы хорошо понимали: слово, с которым Ленин обращается к рабочим и крестьянам зарубежных стран, будит в них чувство интернационального братства с трудящимися России. Потому-то, например, и штаб 2-й Украинской советской армии, сообщая Владимиру Ильичу об успешных операциях своих боевых частей и соединений, писал:

«Наша победа — Ваша победа. С трепетом и глубочай-

шим уважением прислушивается пролетариат мира к Вашим словам, дорогой Владимир Ильич».

А вот строки письма, посланного Владимиру Ильичу молодыми советскими воинами — курсантами Кремлевской военной школы:

«Мы, будущие командиры Красной Армии, командиры меча и молота, знаем, что наше оружие не только винтовка, но и правдивое пролетарское слово... Мы учимся владеть и этим смертельным для буржуазии оружием».

Отлично сказали молодые товарищи красноармейцы: для воинов Страны Советов оружие — не только винтовка, но и правдивое пролетарское слово. И в первую очередь — слово вождя.

Ну, а как реагировали на действие этого рода оружия те, кто противостоял Красной Армии, кто сражался по другую сторону баррикад?

Скажем прямо: в большинстве случаев правильно реагировали!

Слова революционной правды и справедливости, звучавшие в миллионах экземпляров советских листовок, из которых многие несли ленинское слово, будили совесть солдат, обманутых командованием войск интервентов, белогвардейскими генералами. Нередко под воздействием большевистского, ленинского слова солдаты противника переходили на сторону Красной Армии. При этом советские листовки те солдаты несли не только как белые флаги — свидетельства готовности солдат сдаться в плен, но как знаки согласия их с мыслями, взглядами тех, кто эти листовки писал и печатал...

Что же касается господ белогвардейских и заграничных генералов...

Один такой господин, в страхе перед неизбежным на время даже о советских винтовках и пушках позабыв, заявил однажды откровенно, во всеуслышание:

— Красная Армия бьет и убьет нас листовками...

Вот ведь до чего довел бедного генерала страх перед оружием советского печатного слова, перед словом Лени-

на! Видать, на своем веку не раз встречался с этим словом генерал — хорошо знал, что оно может, что делает с врагами оно, большевистское, ленинское слово...

Когда пришла желанная победа и настал черед подвести итоги борьбы советских людей против иностранных интервентов и белогвардейцев, Владимир Ильич сказал:

— Только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены,— только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить.

В разработке и пропаганде лозунгов партии коммунистов-большевиков о защите социалистического отечества роль ленинского слова всегда была безмерно велика. Призывая к делу, это слово звучало с газетных полос и летучих листовок, которым знакомый нам белый генерал отводил столь заметное место в приближении конца, уготованного всем врагам Республики Советов.

7

Даже в самые трудные, в самые опасные дни кровопролитной войны иностранных интервентов и белогвардейцев против Страны Советов большевики, все рабочие и крестьяне не сомневались: победа будет за ними! И, добывая победу винтовкой и плугом — ратным трудом на поле брани и самоотверженной работой в тылу,— они не переставали думать о завтрашнем светлом и мирном дне. Готовились, победой завершив войну, вновь приняться за

т. Ленину

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Александр Людорский.

М. С. 62

≡ **ГОД—С ВИНТОВКОЙ** ≡

≡ **и** ≡

≡ **ПЛУГОМ.** ≡

1917 7 ноября 1918
25 октября

ВЕСЬЕГОНСК.

Издание Весьегонского Уездного Исполнительн. Комитета.

1918.

На обложке этого экземпляра книги — пометки В. И. Ленина.

выполнение задачи, которую после Октябрьских дней поставил перед ними Ленин:

«Строить, строить и строить!»

Однажды — это было в самом начале зимы 1918/19 года, — придя, как обычно, рано утром в рабочий кабинет, Владимир Ильич увидел на письменном столе небольшую книжку. «Год — с винтовкой и плугом» называлась она.

Любопытной показалась Ленину эта книжка. Издана в заштатном городке Весъегонске, а написал ее местный коммунист — Александр Тодорский, член исполкома уездного Совета, редактор газеты «Красный Весъегонск»...

Ленин не спрятал книжку в шкаф. Даже на стоящую возле письменного стола этажерку-вертушку не положил книжку. Оставил ее на столе: как только выдавалось хотя бы несколько минут свободного времени, знакомился с подарком, читал книжку, присланную из Весъегонска...

— Замечательная книга! — восхищался Владимир Ильич.

И эти же слова повторил в записке, где сделал подробное описание прочитанного материала: «Замечательная книга».

Вскоре Владимир Ильич написал об этой книжке статью, которую назвал: «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов».

Автор книжки описывает годовой опыт деятельности руководителей работы по строительству Советской власти в Весъегонском уезде, — сначала гражданскую войну, восстание местных кулаков и его подавление, затем «мирное строительство жизни», — отмечал Владимир Ильич и подчеркивал:

«Описание хода революции в захолустном уезде вышло у автора такое простое и вместе с тем такое живое, что пересказывать его значило бы только ослаблять впечатление». Ленин предлагал пошире распространить эту книгу. Выражал пожелание, чтобы, по примеру весъегонских товарищей, как можно большее число советских и

партийных работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта. Чтобы осуществлено было издание нескольких десятков таких описаний — лучших, наиболее правдивых, наиболее бесхитростных, наиболее богатых ценным фактическим содержанием...

Очень точно назвал свою книгу весьегонский коммунист: с винтовкой и плугом... Советским людям с самых первых революционных дней и впрямь приходилось создавать новую жизнь и одновременно с оружием в руках защищать стройку ее от многочисленных врагов — российской буржуазии, изгнанной за границу, и позарившихся на землю российскую капиталистов всего мира.

Только, в отличие от срока, вынесенного в название книги весьегонского коммуниста, не один год продолжалось это невероятно трудное для Советской Родины время. Почти три года прошло, пока народы Республики своей собственной рукой разгромили врагов, заставили их с огромными потерями убраться восвояси.

8

Наступил апрель 1920 года. Это была пятидесятая весна в жизни Владимира Ильича.

Незадолго до юбилейного дня проходивший в то время IX съезд РКП(б) принял решение: издать собрание Сочинений основателя и вождя партии — Ленина.

Первым по времени — в том же 1920 году — увидел свет порядковый, четвертый том Сочинений, в который вошли статьи, написанные Владимиром Ильичем в 1900—1903 годах и в большинстве своем опубликованные на страницах газеты «Искра».

1900—1903 годы...

Тогда, в самом начале XX века, подготавливая большевистскую газету, Ленин, как известно, поставил в заголо-

вок ее поэтическую строку — ответ декабристов на послание Пушкина, исполненные твердой уверенности слова:

Из искры возгорится пламя!

Тогда — два десятилетия назад — слова эти в устах большевиков-ленинцев звучали как клятва, как торжественное обещание: во что бы то ни стало достичь великой цели — освободить трудящихся России от социального и экономического гнета, дать им возможность самим строить свою жизнь!

Теперь — спустя двадцать лет, — изучая первый вышедший в государстве трудящихся том ленинских Сочинений, каждый проникался чувством законной гордости — великая присяга партии большевиков-ленинцев выполнена:

Из искры возгорелось пламя!

И погасить это занявшееся над Советской страной пламя свободной жизни никто не в силах. Годы испытаний, первые, тяжелые годы, проведенные трудящимися Республики Советов с винтовкой и плугом, в борьбе против голода, против вооруженных полчищ иностранных интервентов и белогвардейской контрреволюции, доказали это со всей очевидностью.

Из искры возгорелось пламя!

ПУСТЬ ВСЯ ПЛАНЕТА ЗНАЕТ

1

Во время очередного доклада Председателю Совнаркома Георгий Васильевич Чичерин, народный комиссар по иностранным делам РСФСР, передал Владимиру Ильичу бумагу, только что поступившую с дипломатической почтой в Москву. Это был пакет, пересланный одной из за-

рубежных фирм, представляющей в Советской России интересы далекой заокеанской страны.

— Весьма любопытное, на мой взгляд, послание,— сказал Чичерин.— Из Соединенных Штатов Северной Америки, адресовано лично вам, Владимир Ильич. Просьба...

— Из Северной Америки? Просьба? Лично ко мне? — Ленин улыбнулся. И, быстро прочитав полученную бумагу, согласился с Чичериным: — Да, действительно, любопытно весьма. Хотя, признаться, и немного странно... Во-первых, Северная Америка, насколько мне известно, до сих пор отрицает сам факт существования Советской России — не признает рабоче-крестьянского государства. Во-вторых, та же самая Америка, что также всем доподлинно известно, воюет именно против этой, не существующей по мнению Америки, Советской страны, а та, представьте, дает ей сдачи, порой даже довольно ощутимо. Ну-с, а в-третьих... В-третьих — вот это послание, полученное нами теперь от одного из учреждений все той же Америки, просьба, содержащаяся в этом посланном в наш адрес и полученном нами послании...

— Именно, Владимир Ильич, официальная просьба учреждения вполне официального — крупнейшего в Штатах телеграфного агентства Юнайтед Пресс, известного своей близостью и, я бы сказал, даже некоторой привязанностью к правящим кругам этой страны. Просьба к вам — к Председателю Совета Народных Комиссаров...

Прочитав бумагу, доставленную из-за океана, и слушая, что говорит Чичерин, Владимир Ильич вспоминал теперь события сравнительно недавнего прошлого...

Буквально с первых дней, наступивших после победы социалистической революции в России, Ленин и его товарищи делали все для того, чтобы правда о российском примере, о российском образце как можно быстрее распространилась по всему свету.

Именно: по всему свету!

Хозяева капиталистической прессы, опасаясь правды

ленинских слов, не очень-то широко публиковали интервью, взятые у Владимира Ильича корреспондентами буржуазных газет и агентств вскоре после Октябрьской победы. Боялись господая...

Мириться с этим товарищи Ленина и сам Владимир Ильич, разумеется, не захотели. Решили искать иные, обходные пути, позволявшие избежать встречи со «свободой» европейской и американской прессы. Это было тем более необходимо еще и потому, что от рабочих разных стран, от прогрессивной зарубежной интеллигенции все чаще поступали горячие приветы Советской России, пожелания новых успехов советскому народу. В письмах, телеграммах из-за рубежа авторы выражали желание как можно больше узнать о жизни страны, где к власти пришли трудящиеся города и деревни: что им сделать уже удалось, что они намереваются делать в ближайшем будущем... А кроме того, почти во всех этих письмах — настоячивые просьбы: прислать труды Владимира Ленина, особенно те его произведения, в которых освещаются самые злободневные проблемы мирового развития — политического и экономического, вопросы строительства Советского государства.

2

Еще в августе 1918 года Владимир Ильич написал «Письмо к американским рабочим». Он придавал большое значение этому письму. Ведь Северная Америка — главная вотчина империализма самого свежего, самого сильного и богатого. Именно теперь, после Октябрьской революции, писал Ленин, американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой в истории, первой в мире социалистической республики.

Экземпляр опубликованного 22 августа 1918 года в московской «Правде» «Письма» Владимира Ильича Ленина к американским рабочим вскоре с оказией удалось переправить за океан...

Впрочем, «оказия» в данном случае была далеко не случайной. Очень нелегко и тем более не по воле случая осуществлялись доставка ленинского «Письма» на земли Западного полушария, публикация его там и использование для привлечения внимания, симпатий прогрессивных американцев к стране Великой революции.

Чтобы задачи эти решить успешно, группе российских большевиков, еще по временам дореволюционной эмиграции знавших Америку и ее людей, пришлось теперь проявить немалую изобретательность и подлинную смелость. Они доставляли «Письмо», путешествуя через полмира, добираясь за океан и храня драгоценный документ, что называется, на самом сердце — как отважные красноармейцы доставляли через фронт секретнейшие боевые донесения и планы своих полководцев...

А уже там, за океаном, на помощь отважным большевистским курьерам пришли верные американские друзья Советской России. И первым, самым деятельным среди них был Джон Рид. Писатель, революционер, участник октябрьских событий 1917 года в Петрограде, он теперь, осенью 1918 года, в Штатах писал книгу об этих событиях — знаменитую книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Спустя некоторое время Рид привезет первое издание своего труда в Москву, подарит Ленину.

Владимир Ильич, прочитав «Десять дней...», по его словам, с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием, напишет в специальном предисловии к книге:

«Я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое

Джон Рид — американский коммунист, автор всемирно известной книги «Десять дней, которые потрясли мир».

диктатура пролетариата... Книга Джона Рида, без сомнения, поможет выяснить этот вопрос, который является основной проблемой мирового рабочего движения...»

Но это будет несколько позже, когда Джон Рид закончит свою книгу и пламенные страницы ее, размноженные в тысячах экземпляров на многих языках народов планеты, станут глашатаями ленинских идей строительства нового мира.

А пока, встретив посланцев из далекой красной России, Рид принимается за редактирование перевода на английский язык и организует печатание в Штатах «Письма» Владимира Ильича к американским рабочим.

Это была очень важная и очень ответственная работа: добиться, чтобы при абсолютном идейном и фактическом соответствии авторскому оригиналу по существу, с точки зрения литературной, языковой перевод звучал абсолютно «по-американски» и благодаря этому лучше воспринимался читателями — американцами.

После перевода «Письма» на английский язык друзья взялись за дело не менее трудное: устройство публикации документа в американской печати. И эти их заботы, несмотря на все трудности, увенчались успехом. Спустя некоторое время «Письмо» Ленина появилось в ряде изданий прогрессивной социалистической и рабочей прессы Северной Америки.

Однако вся остальная печать, буржуазная...

— Остальная печать Штатов замолчит «Письмо», — полагали некоторые американские товарищи. — Не опубликует она из ленинского документа ни единого слова, ни тем более ни одной строки... А ведь у этой «остальной» печати — миллионные тиражи. Эту печать читают широкие круги американцев...

— Обязательно опубликует! — уверенно заявил Джон Рид, заявили его друзья. — И не одно слово опубликует, не одну строку!

...Что же получилось на самом деле?

Сразу после появления в прогрессивной печати ленинского «Письма к американским рабочим» против него ополчилась печать реакционная: на ее страницах появились многочисленные статьи, авторы которых пытались полемизировать с ленинской правдой о российской революции, с ленинскими высказываниями о подлинной сущности империализма вообще и американского — в первую очередь...

Вот тогда-то и обрадовался Джон Рид: слово Ленина получит теперь в Америке дополнительные возможности распространения.

Почему? А вот почему.

Как известно, полемика в печати предполагает необходимость более или менее пространно цитировать текст того произведения — книги, статьи, — вокруг которого ведется спор. Если утверждаешь что-то — цитируй. Если что-то опровергаешь — приведи, что именно... А как же иначе?

На это и рассчитывали Джон Рид и его товарищи: таким образом общественность Штатов получит возможность более полно ознакомиться с идеями, мыслями Ленина, наполнявшими текст «Письма». А в свете неопровержимой правды этих идей линяют попытки всех и всяких реакционеров в полемике оспорить величие Республики Советов, поколебать веру честных людей Америки в правоту взглядов основателя и вождя Советской России и партии большевиков.

3

«Богатейшей», «сильнейшей» именовали свою вотчину американские империалисты.

Но как добыто было богатство? На что обращается ныне его сила?

Правды боясь, как ножа, нацеленного в самое сердце, империалисты Соединенных Штатов Америки предпочитали на эти вопросы не отвечать.

Ленин в своем «Письме к американским рабочим» ни на йоту не преуменьшил масштабов действительно достигнутого Штатами в развитии производительных сил страны, в применении машин и всяких других чудес техники в хозяйстве. Вместе с тем Ленин исчерпывающе ответил на «щекотливый» для господ империалистов вопрос о происхождении всех богатств Америки, об использовании их, этих богатств,—кем и в чьих интересах.

Американские миллиардеры, писал Владимир Ильич, были едва ли не богаче всех и находились всегда в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» империалистов друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащающих в каждой стране богачей и разоряющих бедняков, подчеркивал Владимир Ильич. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в мировой империалистической войне 1914—1918 годов, которая велась из-за того, английскому или германскому разбойнику достанется больше добычи, английские или германские палачи окажутся первыми из душителей слабых народов всего мира...

Но Америка финансовых магнатов «прославилась» не только разбоем за своими границами. Она, писал Ленин, сама стала одной из первых в мире стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты,—с другой.

Ленин гневно клеймит американский империализм. Но с огромным уважением он говорит в своем «Письме» об

американском народе, о традициях лучших сынов и дочерей Америки; о революционных традициях, так великолепно проявившихся в войне против англичан в XVIII веке, в гражданской войне XIX века против рабства негров...

«В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам...» — говорит Ленин.

Из уст Ленина, в каждой строке его «Письма», рабочая Америка слышала и читала неопровержимую правду об Октябрьской революции, победившей в России, — Великой социалистической революции, воплотившей в себе творческий гений, неодолимую силу и волю большевистской партии и трудового народа страны.

Буржуазия, буржуазная печать во всем мире в то время кричали громко об ошибках, якобы допущенных в России в ходе закладки основ здания Советского государства.

Владимир Ильич в «Письме» спокойно, убедительно отвечает на эти крики буржуазии и буржуазной печати.

«Мы не боимся наших ошибок, — заявляет он. — От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания...»

К тому же труп буржуазного общества нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю, — продолжает Ленин. — Убитый капитализм гниет, заражая воздух миазмами, отравляя жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричат на весь свет буржуазия и ее лакеи, приходится 10 000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, соверше-

ны людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир...

«Письмо» Владимир Ильич закончил словами, исполненными веры в грядущее торжество самых высоких, самых благородных идей мирового общественного развития:

«Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция».

Огромное впечатление ленинское «Письмо» произвело тогда на передовых людей Америки, на честных американских социалистов. Оно помогло им быстрее и глубже постичь действительную сущность идей марксизма, воплощенных и воплощаемых в делах российских революционных борцов — строителей здания нового мира.

Обо всем этом заявил и один из ветеранов рабочего коммунистического движения в Штатах товарищ Уильям Фостер:

«Несмотря на отчаянные попытки оклеветать и уничтожить русскую революцию, сочувствие к ней охватило широкие народные массы.

И не просто так, не само собой все это произошло в Америке,— продолжал Фостер.— Великую вдохновляющую роль в этом сыграло ленинское «Письмо к американским рабочим».

Фостер говорил о влиянии ленинского «Письма» и на него самого:

«Я благодарен Ленину за то, что после более чем двадцати лет поисков он поставил меня на твердую революционную почву...»

Именно в связи с публикацией на страницах журнала левых американских социалистов «Либерейтор» ленинского «Письма» в передовой статье этого номера говорилось:

«Мы верим и продолжаем верить, что в Советской России развивается и крепнет самое справедливое и муд-

рое, гуманное и демократическое правительство, которое когда-либо существовало в мире. И глава этого правительства, Ленин, является одним из замечательных государственных деятелей в истории человечества».

4

Большой и со временем все более возраставший интерес к жизни в Советской стране, к личности лидера российских большевиков-коммунистов Ленина, к его литературным трудам — книгам и статьям — проявляла общественность обоих полушарий.

Еще в 1918 году, вскоре после появления в России на русском языке, и в Штатах была напечатана по-английски работа Владимира Ильича «Очередные задачи Советской власти».

Издательство предпослало американскому изданию брошюры специальное предисловие, в котором сказало, что выпускает ее «как вклад в дело правильного понимания целей и действий правительства Российской Советской Республики и как пищу для размышлений рабочим Америки — будущим строителям нового общества».

Успех невиданный сопутствовал ленинской брошюре в Штатах. Тираж американского издания ее достиг сотен тысяч экземпляров!

Весьма щекотливым было положение, в котором оказались американские издатели-капиталисты. С одной стороны, они не могли не считаться с требованиями своих клиентов-покупателей: от тех, в конце концов, зависят тиражи всех печатных изданий и, следовательно, прибыли книжных, газетных и журнальных концернов. Но, с другой стороны, Ленин есть Ленин! За время, прошедшее после победы Октябрьской революции, Ленин все более влечет к себе симпатии мировой, американской в том числе, прогрессивной общественности именно как революционер определенной ориентации: марксист, большевик, глава правительства государства, дотоле невиданного. И книги, бро-

шюры ленинские, его статьи, интервью, все его слова, само собой разумеется, того же толка: слова-революционеры, слова-большевики!

Как же быть? Что делать американским издателям-капиталистам?

И хочется и колется, говорят в таких случаях в России...

Тогда-то американское телеграфное агентство Юнайтед Пресс и решило пойти, как ему казалось, на хитрость, направив в Москву, в Кремль, Ленину, послание, о котором народный комиссар по иностранным делам РСФСР и докладывает Ленину летом 1919 года.

Вопросы, сформулированные в письме американского телеграфного агентства, касаются многих важных сторон жизни Советской Республики, деятельности Советского государства, его внутренней и внешней политики. Одновременно и жизни международной вопросы касаются. Все вопросы — серьезные. Весьма.

— Да, у страны, которая, по мнению американских правящих кругов, не существует, подобных вещей те же самые круги могли бы не спрашивать, — не так ли, Георгий Васильевич? — Ленин посмотрел на Чичерина, засмеялся. — А поскольку круги нас спрашивают, значит, существование Республики Советов — неоспоримый факт. Логично? И вопросы, сформулированные в послании, право, стоят того, чтобы на них ответить, — продолжал Ленин, еще раз перечитав американскую бумагу. — Как-никак, Георгий Васильевич, но ведь это, по существу, первое официальное обращение буржуазного, к тому же американского, телеграфного агентства к правительству Советской России...

Чичерин со своей стороны отметил довольно любопытную особенность письма, полученного из Америки:

— Обратите, Владимир Ильич, внимание на последний, пятый вопрос: не ограничивая вас никакими рамками, агентство интересуется, что имели бы вы еще, кроме ответов на предварительно сформулированные им первые

четыре вопроса, довести до сведения общественного мнения Штатов? Другими словами, Юнайтед Пресс готово предоставить вам неограниченную возможность со страниц американской прессы высказать перед американцами все, что вы пожелаете...

— Такова истинная американская демократия, истинная американская свобода печати! — воскликнул Владимир Ильич, да так серьезно воскликнул, что Чичерин не выдержал и рассмеялся весело и громко. — Не смейтесь, Георгий Васильевич, — сдерживая улыбку, сказал Ленин. — Юнайтед Пресс, насколько я понял, дает письменное обещание, что все мои ответы на все вопросы, поставленные агентством, будут полностью напечатаны в газетах, числом более ста, выходящих в Соединенных Штатах Северной Америки... Полностью! Запомните: не менее чем в ста газетах — американцы любят точность! А Юнайтед Пресс, как я понимаю, — агентство серьезное, оно все может. Поэтому не станем откладывать дела в долгий ящик, Георгий Васильевич, ответим на вопросы, заданные североамериканским агентством...

— В том числе, разумеется, и на пятый вопрос...

— Несомненно!

5

Прошло совсем немного времени...

В Штатах, в помещении офиса — канцелярии шефа агентства Юнайтед Пресс, — в тот день царило необычайное оживление. Необычное даже для этого всегда шумного, всегда, как потревоженный улей, гудящего дома.

Шутка сказать — сегодня в Штаты, в офис агентства Юнайтед Пресс, прибыл материал, получить который почти никто даже из числа здешних служащих не надеялся! А он вот лежит сегодня на столе шефа агентства — пакет из Москвы, из Кремля. От самого Ленина пакет, от Председателя Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики!

Машинописный текст письма из Москвы напечатан

на английском языке. Озаглавлен: «Ответ на вопросы американского журналиста». Подпись: Ленин. Дата: 20 июля 1919 года.

Это ли не сенсация?! Да еще какая! Не всякое агентство — даже в Штатах — способно похвастаться подобной удачей.

Сотрудники агентства прежде всего посмотрели: соответствует ли число ответов Владимира Ленина числу вопросов, заданных агентством? Вышло: соответствует вполне. Задано пять вопросов, ответов получено — пять. Следовательно, ни одного вопроса Ленин не оставил без внимания. На все вопросы ответил. Полный баланс!

Что же касается существа ответов... Сказать по правде, об этом сотрудники агентства совершенно не беспокоились: они достаточно научены, сотрудники, как следует вопросы задавать, чтобы отвечающий чувствовал себя обязанным говорить именно то, что нужно хозяевам и клиентам Юнайтед Пресс. Только так!

И сейчас можно не сомневаться: умелая постановка вопросов наверняка обязала главу российских большевиков...

— Однако приступим к делу! — торжественно провозгласил шеф офиса агентства Юнайтед Пресс.

В самом деле, разве не ясно, что уже самый первый вопрос составлен американскими газетчиками очень ловко?

Судя по всему, в то время, когда Ленин давал это интервью, наиболее разумные из зарубежных лидеров уже не так-то уверены были, что Советы вот-вот перестанут существовать. Даже если учесть, сколь силен был нажим вооруженной иностранной интервенции, Республика Советов вряд ли в самое ближайшее время исчезнет с лица земли... Несколько лет спустя, конечно, не исключено и даже непременно... Но пока... Пока...

Поэтому разумные зарубежные руководители решили: Советская Республика в надежде еще более продлить свое существование откажется от каких-нибудь идеалов, про-

возглашенных ею в октябрьские дни семнадцатого года... Хотя бы в малости какой пусть отступит она от своих завоеваний, пусть уступит совсем хоть немного...

Поэтому, наверное, агентству Юнайтед Пресс и было поручено провести, так сказать, разведку: а не думают ли большевики и народы Советской страны в настоящее время или чуть потом передумать кое-что, по-иному кое-что в политике своей решать? И, выполняя это поручение хозяев, агентство первый вопрос Ленину сформулировало весьма деликатно, вот так:

«Внесла ли Российская Советская Республика какие-либо мелкие или крупные изменения в первоначальную правительственную программу внутренней и внешней политики и экономическую программу, когда и какие?»

— Ну-с, что вы теперь скажете, господин Ленин? — радуясь собственной хитрости, потирали руки господа из агентства Юнайтед Пресс.

Увы! Советский лидер большевик Владимир Ленин огорчил господ. Он сообщил в своем ответе агентству Юнайтед Пресс, что правительственная программа государства рабочих и крестьян не реформистская, а революционная. И чтобы господа поняли все правильно, не напутали чего, Ленин популярно объяснял господам некоторые политические азы.

Реформы, объяснял Председатель Совнаркома, суть уступки, получаемые от господствующего класса, при сохранении его господства, всей полноты власти его. Но социалистическая революция — полное ниспровержение господствующего эксплуататорского класса. Октябрьская социалистическая революция свергла в России иго помещиков и капиталистов, начисто свергла их власть, освободила трудящихся от гнета эксплуататоров. Закрепление и расширение октябрьских завоеваний и составляет теперь правительственную программу Советской Республики, внутреннюю и внешнюю политику ее. Ясно?

«Этой программы мы никогда не изменяли», — заявил Владимир Ильич, отвечая на первый вопрос агентства Юнайтед Пресс.

«И не изменим никогда! — читали работники американского агентства между строк ленинского письма. — Советская Россия была, есть и останется Советской. В большом и малом. Отныне и навсегда!»

Второй вопрос американского агентства касался периферии главных капиталистических держав мира — тех территорий земного шара, где находятся зависимые от этих держав страны, их колонии: неисчерпаемые кладовые бесценных богатств, рынки баснословно дешевого живого товара, рабочей силы.

Агентство спрашивало Ленина: «Какова тактика Российской Советской Республики по отношению к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам вне пределов России?»

Из ответа Ленина следовало, что какой-то особой «тактики» в отношении к колониальным, зависимым, угнетенным империалистами, а потому и неполноправным народностям Азии и Африки у Страны Советов нет. И быть не может. Она к ним относится, гласил ответ Ленина, так же, как и к многочисленным мусульманам и другим нерусским народностям внутри России. А что это значит? «Мы дали возможность, например, башкирским массам учредить автономную республику внутри России, — писал Ленин, — мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке, переводим и пропагандируем нашу Советскую конституцию, которая имеет несчастье более чем миллиарду жителей земли, принадлежащих к колониальным, зависимым, угнетенным, неполноправным народностям, больше нравиться, чем «западноевропейская» и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая частную собственность на землю и капитал, т. е. укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и пр.».

Господа из агентства США Юнайтед Пресс глазам

не верили. Несколько раз вслух перечитали эти слова. И по-английски читали, и по-русски. Выходило одно и то же.

«Ничего себе,— рассуждали господа.— ...Если народы наших колоний узнают, что происходит там, в Советской Республике... А если они к тому же еще пожелают и у себя подобные порядки установить... А ведь можно не сомневаться: наверняка пожелают. Во что бы то ни стало пожелают... Что тогда?..»

Третий вопрос предлагал Председателю Совета Народных Комиссаров разъяснить: какие политические и экономические цели преследует его страна по отношению к Соединенным Штатам и Японии?

Политическая цель, ответил Владимир Ильич, состоит в том, чтобы отразить наглое, преступное, грабительское, служащее обогащению только их, капиталистов Соединенных Штатов и Японии, нашествие на Россию. Дать решительный отпор разбойникам-капиталистам, поскольку они даже не отвечали на многократные торжественные предложения мира со стороны Советской Республики... «Наша дальнейшая политическая и хозяйственная цель по отношению ко всем народам, в том числе и Соединенным Штатам и Японии,— одна: братский союз с рабочими и трудящимися всех стран без изъятия»,— заключал Владимир Ильич свой ответ.

Становясь в позу сторонних наблюдателей, якобы не имеющих никакого отношения к жестокой вооруженной интервенции, затеянной мировым империализмом против Страны Советов, в четвертом вопросе господа из агентства интересовались: на каких условиях Москва готова заключить мир с белогвардейскими генералами?

А Ленин знаете что ответил на это? «Лишь бы мир был на деле, а не на словах только миром»,— ответил Владимир Ильич. И, совсем не желая замечать позу, в какую стали господа, Ленин категорически потребовал,

чтобы договор о мире с белыми генералами был формально подписан и утвержден прежде всего «правительствами Англии, Франции, Соединенных Штатов, Японии, Италии», поскольку, продолжал Ленин, указанные генералы «Деникин, Колчак, Маннергейм и пр.—простые пешки в руках этих правительств».

Представляете, каково было господам прочитать такое?

Однако на этом неприятности господ не кончались. Впереди ведь был еще пятый вопрос. И, естественно, пятый ответ Ленина был впереди. А пятый вопрос гласил:

«Что имели бы вы еще довести до сведения общественного мнения Америки?» Казалось, оно, агентство Юнайтед Пресс, действительно гарантировало главе Советского правительства возможность немедленно сообщить общественному мнению Америки все, что он, Ленин, пожелает сообщить,— не так ли?

И Владимир Ильич в своем ответе заявил прежде всего следующее: хотя по сравнению с феодализмом капитализм и является всемирно-историческим шагом вперед, тем не менее капитализм был и остается системой наемного рабства, порабощения миллионов трудящихся, рабочих и крестьян ничтожному меньшинству современных («модерн» — записал Ленин в скобках) рабовладельцев, помещиков и капиталистов. Буржуазная демократия, продолжает Ленин, изменила форму этого экономического рабства, по сравнению с феодализмом, создала особенно блестящее прикрытие для него, но не изменила и не могла изменить его сущности. Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство.

«Крах капитализма неизбежен,— заявляет Владимир Ильич, продолжая свой ответ на пятый вопрос.— Революционное сознание масс растет везде. Об этом говорят тысячи признаков».

Склонившись над страницами письма-интервью, прибывшего из Москвы, из Кремля, шефы американского те-

леграфного агентства Юнайтед Пресс как суровый, не подлежащий обжалованию приговор, вынесенный их хозяевам, читают ленинские слова:

«Капиталисты, буржуазия, могут в «лучшем» для них случае оттянуть победу социализма в той или другой отдельной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла *Советская Республика*, которая дает власть трудящимся, и только трудящимся, которая вручает руководство их освобождением пролетариату, которая отменяет частную собственность на землю, фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации немногими многих, источник нищеты масс, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов.

Победа международной Советской республики обеспечена».

Заклячая свой ответ на пятый вопрос, Ленин предложил агентству Юнайтед Пресс провести состязание между правительствами Советской страны и любой из стран, где существует буржуазный государственный и общественный строй. Это должно быть состязание на началах действительной свободы, равенства, демократии: допустим, предлагал Ленин, договор обеспечивает за Советским правительством и за любым иным свободу обмена... брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими...

Впрочем, Владимир Ильич тут же заявляет, что не очень верит в реальность подобного состязания: буржуазия не пойдет на участие в нем, побоится пойти.

«Ни одно буржуазное правительство в мире не осмелится пойти на такой мирный, цивилизованный, свободный, равный, демократический договор с нами,— заявляет глава Советского правительства.— Почему? Потому что все, кроме Советских правительств, держатся угнетением и обманом масс».

Вряд ли есть нужда напрягать фантазию, гадая, что происходило в Штатах, в офисе руководителей американского телеграфного агентства Юнайтед Пресс, в тот день, когда там был получен и вскрыт пакет, пришедший в Америку из Кремля, когда прочитаны были ответы главы Советского правительства Владимира Ленина на вопросы агентства. Особенно на пятый вопрос...

Скорее всего, картина эта напоминала заключительную сцену известной комедии великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. С той лишь, видимо, разницей, что «Ревизор» Гоголя завершается сценой немой, а в Соединенных Штатах Америки городничий, то бишь руководитель агентства Юнайтед Пресс, скорее всего заявлял сотрудникам своим громко, во всеуслышание, воинственно-категорически:

— И не напоминайте мне, господа, что нами дано было Ленину — советскому лидеру — официальное обещание: опубликовать все его ответы в американской прессе полностью... Забудем это, господа! У нас ведь демократия, свобода слова: хотим — печатаем, не хотим — не печатаем...

Потому и агентство Юнайтед Пресс, хотя в конце концов и отправило своим абонентам ответы Владимира Ильича, но только не все — на первые четыре вопроса. А ответ на пятый вопрос агентство сочло за благо утаить от американской общественности. Будто и не было его вовсе, ответа Ленина на пятый вопрос.

— У нас, в Америке, — свобода, — сказали руководители Юнайтед Пресс. — Что хотим, то и даем нашим читателям...

С огромными трудностями сопряжена была работа по распространению литературных произведений, книг и брошюр, статей и интервью Владимира Ильича за советскими

границами. В прогрессивных зарубежных кругах говорили тогда: страница с текстом, принадлежащим перу Ленина, найденная у кого-нибудь при обыске, здешними властями рассматривается иногда как официальный ордер на немедленный арест и заключение под стражу человека, у которого эта страница обнаружена...

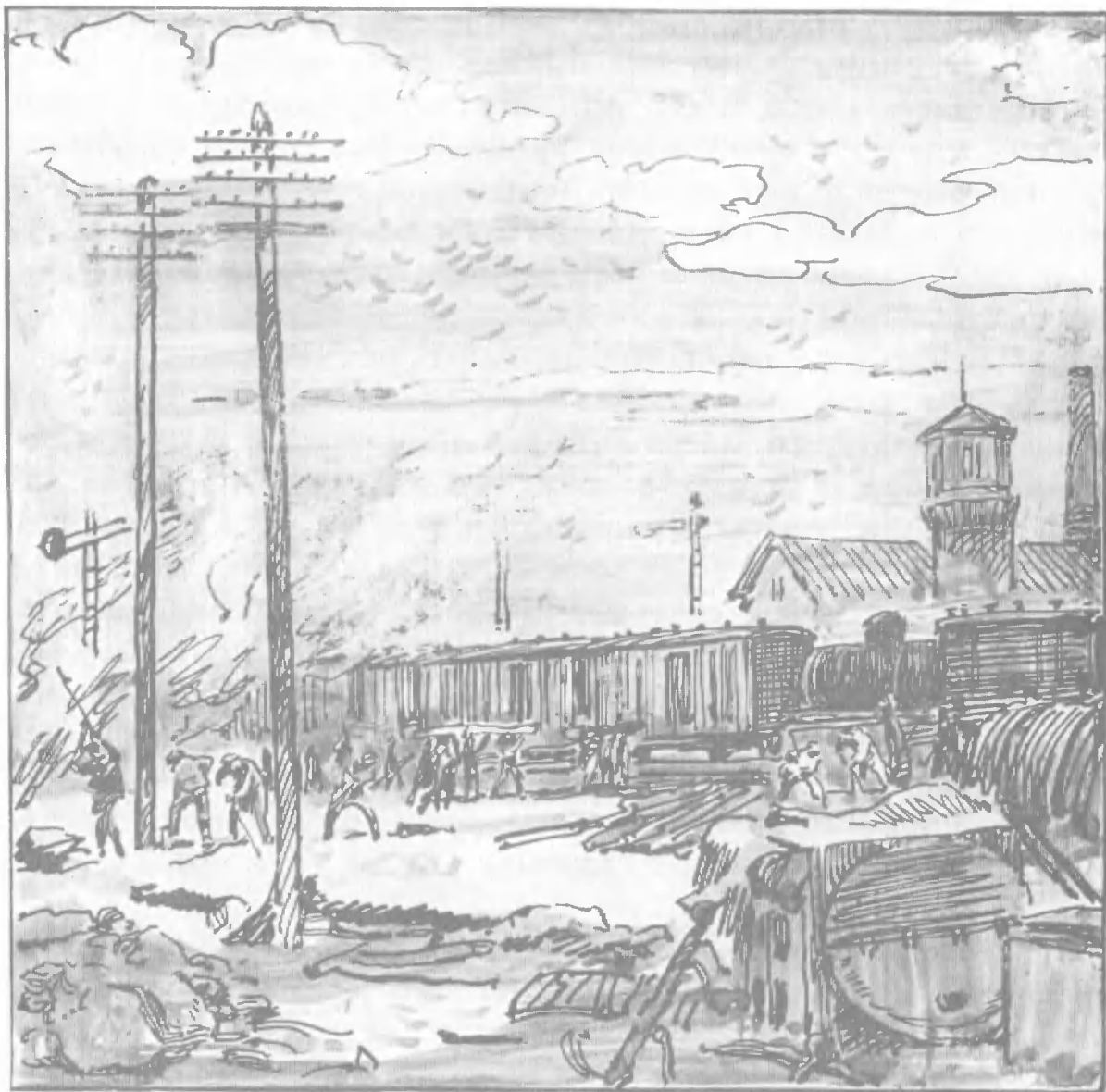
Однако отнюдь не о силе капиталистов, не об уверенности их в себе и своем будущем свидетельствует эта ненависть к советской, коммунистической печати, к книгам и газетам, написанным Владимиром Ильичем Лениным. Наоборот, об исторической обреченности старого мира говорят подобные факты. О том, что прав Ленин, когда заявляет: искры русской революции уже разнеслись по всему миру. О том, что большевистская печать, ленинское слово дают человечеству возможность ощутить все значение, все изумительное обаяние русской революции...

Еще в первые советские годы Ленин беседовал с английским общественным деятелем и журналистом, профессором Вильямом Гудом, приезжавшим в Москву в качестве корреспондента буржуазной либеральной газеты «Страж Манчестера». Владимир Ильич, вспоминал Гуд, сказал ему:

— Морально советская система победила уже даже сейчас, и доказательством правильности этого утверждения являются гонения на советскую литературу в «свободных демократических» странах...

А в первую очередь гонениям со стороны мировой буржуазии подвергалось, конечно, ленинское слово. Его больше всего боится буржуазия. Ибо слово Ленина говорило уверенно, убежденно: пусть знает мир, пусть вся планета знает — будущее за социализмом, за коммунизмом!

А слово ленинское — сама правда.

СДВИНУЛИ ГЛЫБУ НЕСЛЫХАННОЙ ТЯЖЕСТИ

1

Так бывает теперь всегда: ранним утром шелест страниц свежих газет возвещает о начале рабочего дня Председателя Совета Народных Комиссаров.

Именно: ранним утром! А как же иначе? Другого порядка Владимир Ильич не признает.

Однажды помощник управляющего делами Совнаркома Вадим Александрович Смольянинов, совершая ежеутренний обход правительственных помещений в Кремле, зашел в рабочий кабинет Ленина.

Владимир Ильич сидел за столом, углубившись в чтение. Поздоровался с вошедшим, спросил:

— Вы, товарищ Смольянинов, сегодняшнюю газету читали?

— Нет, Владимир Ильич, не читал.

Недоумевая, Ленин задал Смольянинову новый вопрос:

— А вам что, газеты с опозданием приносят?

— Да нет, Владимир Ильич, газеты приносят вовремя, только я их читаю вечером: некогда утром...

Прищурившись, Ленин посмотрел на собеседника. После секундной паузы сказал не то чтобы строго, но внушительно:

— Газеты, товарищ Смольянинов, надо просматривать именно утром. Обязательно утром! А чтобы времени хватало, приходите на службу минут на пятнадцать — двадцать раньше...

Указав на газету, которую только что читал, Владимир Ильич обратился к помощнику управделами Совнаркома:

— Вот здесь, на первой странице — видите? — напечатано письмо рабочего корреспондента. Будьте добры, товарищ Смольянинов, проследите, какие меры по этому письму будут приняты. И поставьте меня в известность.

И на газетном листе карандашом Ленин отчеркнул заголовки материала, который привлек его внимание.

2

Газеты, газеты, газеты...

Даже в самые первые дни после злодеяния, совершенного в августе 1918 года террористкой — эсеркой Каплан,

Владимир Ильич жадно тянулся к газетам. Хотел слушать голоса жизни, звучащие на их страницах.

«Вчера утром, проснувшись, товарищ Ленин первым долгом потребовал газеты»,— писали «Известия» 1 сентября, сообщая о состоянии здоровья Владимира Ильича. Однако... «Однако врачи категорически запретили ему читать»,— сообщала далее газета.

А через неделю лечивший Ленина доктор, старый партийный товарищ — большевик Владимир Александрович Обух, свою беседу с репортером «Петроградской правды» начал такими словами:

— Ильич почти здоров. Ильич и сейчас готов встать, все рвется к работе: дай ему газеты. Ленин требует,— продолжал доктор Обух,— рассказать ему, что делается в Центральном Исполнительном Комитете и в Совнарком... Одним словом, проявляет живой интерес к положению дел...

И Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, отвечая на телефонный запрос товарищей-фронтовиков о самочувствии Ленина, говорил:

— Состояние здоровья вполне удовлетворительное... Недоволен, что не дают ему газет и книг. Спрашивает о положении на фронте...

Не читать Владимир Ильич не может!

— Как трудно удержать Ильича в постели! — сетовала сестра Мария Ильинична. — Как он внушает в отсутствие врачей, что не надо уж очень-то их слушать, что надо подобрать газеты за время его болезни. Все — чтобы ни одного номера не пропало. Дать их ему или прочесть вслух...

И вот наконец здоровье Владимира Ильича быстро пошло на поправку. Газета «Голос трудового крестьянства» 6 сентября 1918 года известила своих читателей:

«Врачи разрешили товарищу Ленину чтение.

Спешим поделиться с товарищами радостным известием: редакция получила письмо с просьбой выдать комплект газеты с 30 августа для тов. Ленина».

Газеты, газеты, газеты...

Оправившись после ранения, отдыхая в Горках, Ленин каждое утро ждет с нетерпением: когда же наконец из Москвы доставят свежие газеты, новые номера журналов, книги, выпущенные издательствами в последние дни...

И, дождавшись прибытия почты, Владимир Ильич отдается всецело чтению газет, журналов, знакомству с книгами.

Но однажды — и надо же было такому случиться! — комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков, выполнявший в то время обязанности связного между Москвой и Горками, впопыхах забыл захватить в Кремле пакет со свежими газетами. И приехал к Ленину с пустыми руками.

Ильич рассердился ужасно. Сделал Малькову строгое замечание:

— Не привезли газет, забыли? Да вы понимаете, что значит оставить меня без газет?! Если еще раз такое случится — пеняйте на себя...

Действительно, как это можно: оставить Ленина без газет!

Бывало, даже уезжая в отпуск, Владимир Ильич секретарям строго-настрого наказывал: следить за регулярной присылкой ему «Правды», «Известий», «Экономической жизни»...

И во время отпуска не просто читал газеты — работал с ними сам, внимательно следил, чтобы и другие товарищи газеты не только «почитывали».

Заместители Председателя Совнаркома, другие руководители партийных и правительственных учреждений и организаций то и дело с нарочными, особыми связистами-курьерами, получали от находившегося на отдыхе Ленина пакеты с вырезками из газет, сопровождаемые такими, скажем, записками:

«Посылаю Вам вырезку из «Известий» (кажись, 25.VIII). Советую распорядиться, чтобы обратили сугу-

бое внимание. Проверить (через управдела или секретаря).

Если правда, *поддержать всячески*».

И продолжал интересоваться: что сделано в связи с выступлением газеты? Снова писал: «Поручите секретарю или управделу черкнуть мне ответ...»

Жадно вчитывался Ленин в каждую строчку газетных сообщений о жизни страны и народа. Ни одной важной заметки не пропускал...

3

17 мая 1919 года из множества самых разных материалов, опубликованных в номере «Правды», Владимир Ильич выделил статью, которая была озаглавлена: «Работа по-революционному (Коммунистическая суббота)».

С большим интересом Владимир Ильич прочитал этот материал.

«В субботу, 10 мая, в 6 часов вечера,—сообщала «Правда»,—как солдаты, явились коммунисты и сочувствующие на работу, построились в ряды и без толкотни были разведены мастерами по местам».

Газета перечисляла далее множество различных ремонтных, погрузочно-разгрузочных и других работ, выполненных участниками состоявшегося в тот день в депо коммунистического субботника. В общем, говорилось в газетной информации, было отремонтировано четыре паровоза, шестнадцать вагонов, разгружено и нагружено девять тысяч триста пудов различных грузов. Интенсивность труда по нагрузке выше обыкновенной на 270 процентов. Остальные работы приблизительно такой же интенсивности...

«Воодушевление и дружность работы небывалая,—отмечала газета.—Когда без ругани и споров рабочие, конторщики, управленцы, охватив сорокапудовый бандаж

колеса для пассажирского паровоза, перекачивали его на место, как трудолюбивые муравьи, на сердце рождалось горячее чувство радости от коллективного труда и крепла вера в непоколебимость победы рабочего класса. Мировым хищникам не задушить победителей — рабочих, внутреннему саботажу не дожидаться Колчака...»

Читая газету, Владимир Ильич живо представлял волнующую картину энтузиазма, описанную в газетном материале, отчетливо видел, как по окончании субботника сотня коммунистов, хотя и уставших, но с радостным огоньком в глазах, приветствовала успех дела торжественными звуками «Интернационала». И казалось, что победные волны пролетарского гимна разольются по всей рабочей Москве и, как волны от брошенного камня, разойдутся по всей рабочей России...

Откинувшись на спинку кресла, не выпуская из рук газеты, Ленин размышлял о значении события, которому посвящен опубликованный репортаж. Радовался, что даже в столь трудное для страны военное время в рабочей среде ни на минуту не угасает жажда творчества, горит трудовой энтузиазм.

Временами, склоняясь над столом, Ленин делал какие-то заметки на листе бумаги. Пересчитывал данные таблиц, напечатанных в газете.

И снова думал, думал...

Владимир Ильич не сомневался: положено начало большому, очень большому, поистине историческому делу. Хороший сделан почин...

— Великий почин!

4

У события, о котором «Правда» сообщала 17 мая в материале «Работа по-революционному», была весьма примечательная история.

Еще 3 апреля 1919 года Ленин участвовал в работе

Чрезвычайного заседания пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Выступая на этом заседании с речью, Ленин говорил о положении Советской Республики, внутреннем и международном, очень трудном, тяжелом положении на военных фронтах и на фронтах продовольственном и топливном. Об усилении враждебной Советам деятельности, проводимой меньшевиками и эсерами, говорил Ленин. Главное внимание эти враги обращают на железнодорожников, толкают их к забастовкам, к саботажу начинаний Советской власти: понижают враги трудящихся, какое значение для всей жизни государства имеет работа железнодорожного транспорта...

— На работу по продовольствию и транспорту нужно привлечь больше сил,—говорил на пленуме Ленин.— Работа по транспорту стоит так, что на востоке России, за Волгой, у нас несколько миллионов пудов хлеба... Но мы не можем его подвезти... Работа по транспорту требует величайшего напряжения. Нужно, чтобы рабочие на каждом собрании ставили себе вопрос: чем мы можем помочь транспорту?

Через несколько дней «Правда» опубликовала написанные Владимиром Ильичем Тезисы Центрального Комитета партии в связи с положением Восточного фронта. Победы белогвардейских войск Колчака, поддержанного империалистами всего мира, говорилось в Тезисах, создают чрезвычайно грозную опасность для Советской Республики.

Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака.

Одновременно с призывом всесторонне поддержать объявленную мобилизацию новых сил на Восточный фронт, Ленин от имени Центрального Комитета партии обратился в этом документе ко всем организациям страны с просьбой: взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами.

— Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит,—призывал

Ленин.—Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отвоеваны.

Взяться за работу по-революционному! — этот ленинский призыв большевистской партии отныне стал выражением воли всех тружеников тыла Красной Армии — рабочих в городах, крестьян в деревнях. О том, как лучше ответить на этот призыв, говорилось и на состоявшемся в те дни собрании рабочих в депо станции Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги. Здесь по инициативе ячейки большевиков принято было решение: провести в субботу, 10 мая, массовый субботник железнодорожников.

Как всегда, слово рабочих не разошлось с делом. Коммунистический субботник на Московско-Казанской состоялся, прошел он хорошо.

Об этом 17 мая 1919 года «Правда» и сообщает в статье, озаглавленной: «Работа по-революционному (Коммунистическая суббота)».

5

Со многими, кто в течение дня побывал у Ленина в Кремле, Владимир Ильич непременно беседовал о материале, напечатанном в «Правде», о почине московских железнодорожников.

— Товарищи рабочие еще раз показали, как откликаются они на призывы партии, как умеют работать по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами, — радуясь, говорил Владимир Ильич. — Субботники — это еще одно великолепное подтверждение истины абсолютно непреложной: Октябрьская революция отличается от всех предыдущих именно тем, что она подняла жажду строительства, жажду творчества в массах. И мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Только тот победит и удержит власть, кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества!

В тот день, 17 мая, прежде чем покинуть рабочий кабинет, Владимир Ильич аккуратно сложил свежий номер «Правды», так, чтобы материал «Работа по-революционному» был на виду, и положил газету на этажерку-вертушку, стоящую рядом с письменным столом.

Через два дня туда же лег номер «Правды» за 20 мая с новой статьей о субботниках:

«Пример, достойный подражания». Потом — номера газеты, датированные 23 мая, 6, 7 и 8 июня...

Теперь, едва выдается свободная минута, Владимир Ильич перечитывает материалы «Правды» о субботниках, размышляет над ними. Увлеченно работает над рукописью брошюры, посвященной замечательному трудовому почину, о котором сообщала печать.

Ленин так и назвал свою рукопись: «Великий почин». И в скобках, как подзаголовок, написал: (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»).

28 июня 1919 года работа над рукописью «Великого почина» была завершена, а в июле Государственное издательство выпустило брошюру Владимира Ильича Ленина в свет стотысячным тиражом.

Однако и этот тираж «Великого почина» — очень большой по тому времени — далеко не удовлетворил предъявленного на брошюру спроса. Поэтому вскоре — в том же году — Государственное издательство выпустило новое массовое издание ее в серии «Речи и беседы агитатора».

А Ленин, как добрый садовник, продолжал любовно заботиться о ростках нового, коммунистического в жизни молодой Советской страны, берег эти ростки, всячески ухаживал за ними, помогал их росту и расцвету.

И после завершения работы над «Великим почином», после выхода книги в свет, Владимир Ильич продолжал живо интересоваться коммунистическими субботниками. В августе 1919-го телеграфировал в Петроград: «Прошу

собрать спешно весь материал о субботниках и прислать мне».

Вновь и вновь писал о субботниках — в опубликованных от имени Центрального Комитета партии письмах «Все на борьбу с Деникиным!» и «На борьбу с топливным кризисом». Выступал со специальным докладом о субботниках на Московской общегородской конференции РКП(б)...

И крестьян Ильич призывал поддержать великий почин городских рабочих. Писал, обращаясь к крестьянам: если труженики деревни последуют примеру организаторов первых коммунистических субботников, лишь тогда мы одержим прочную победу над старой темнотой, разорением и нуждой, лишь тогда нам не будут страшны никакие трудности на нашем дальнейшем пути.

Трудовые массы делом отвечали на призывное слово вождя — работой по-новому, работой по-коммунистически.

6

Великий почин!

На эту инициативу московских железнодорожников печать, как отмечал Владимир Ильич, поначалу не обратила достойного и достаточного внимания, не оценила ее во всей полноте.

Нужно было гениальное ленинское умение проникать в глубину общественной жизни, чтобы в обычных на первый взгляд фактах трудовой деятельности рабочих увидеть явление необыкновенно большой, поистине исторической значимости. А именно это великолепное свойство Ленина с огромной силой вновь проявилось и в его работе «Великий почин».

Этот труд Владимира Ильича — первое в марксистско-ленинской литературе произведение, в котором вопросы строительства коммунизма рассматриваются не только глубоко теоретически, но на основе уже достигнутого в жиз-

ненной практике, свершенного в действительной жизни рабочего класса Республики Советов («Коммунистические субботники необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма»).

«Коммунизм,— пишет Ленин в «Великом почине»,— начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* (Ленин подчеркнул эти слова.—С. С.) об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», то есть всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских Республик».

И в этом отношении, указывал Ленин, прямо-таки гигантское значение имеет устройство рабочими, по их собственному почину, *коммунистических субботников*.

Важность этого начинания, продолжал Владимир Ильич, состоит в том, что оно свидетельствует о победе трудящихся, вдохновленных идеями социалистической революции, над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом—над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину нашей страны. Когда эта победа будет закреплена, тогда — и только тогда — новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана; тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным. Коммунизм сделается действительно непобедимым.

И на последующих страницах рукописи Владимир Ильич вновь подчеркивает эту мысль: коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Н. ЛЕНИН.

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

(О ГЕРОИЗМЕ РАБОЧИХ В ТЫЛУ.
ПО ПОВОДУ „КОММУНИСТИЧЕСКИХ
СУББОТНИКОВ“).

Цена 1 р. 50 к

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва.—1919

Обложка первого издания работы В. И. Ленина. 1919 год.

Сознательная дисциплина и трудовая активность всех и каждого строителя коммунизма — важнейший залог всех успехов. От самих трудящихся — прежде всего от них самих! — зависит создание такой дисциплины, при помощи которой можно приблизить и закрепить торжество коммунизма, пишет Ленин.

Значит, первое, в чем проявился великий почин рабочих — устроителей и участников коммунистического субботника, — это добровольная, сознательная организация трудовых коллективов на достижение наиболее высокой производительности труда каждым трудящимся, всем коллективом предприятия, хозяйства, всеми тружениками городов и деревень — всей страны. Это стало возможным, указывал Ленин, только после победы Октября, потому что только тогда, впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на хозяев-эксплуататоров, явилась возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры.

Владимир Ильич в «Великом почине» разрабатывает многие новые принципиальные вопросы теории коммунизма и практики коммунистического строительства в связи с новыми условиями развития общества, которые возникли после победы Октябрьской революции.

Коммунистические субботники с новой силой и в плане сугубо практическом поставили вопросы последовательного повышения производительности труда. Именно она, производительность труда, писал Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя — коммунизма. Капитализм создал производительность труда, невиданную на более низких ступенях развития человеческого общества — при крепостничестве, феодализме. Капитализм, подчеркивал Владимир Ильич, может быть окончательно побежден — и будет окончательно побежден — тем, что социализм создаст — и создаст! — новую, гораздо более высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень

долгое, предупреждает Ленин. Но оно, это дело, *начато*, вот в чем главное.

Анализируя и оценивая высоко первый, еще очень скромный опыт работы по-коммунистически, Владимир Ильич на страницах «Великого почина», мысленно заглядывая в будущее, предвидит огромные перспективы развития рабочей трудовой инициативы и грандиозные результаты ее. Если в голодной Москве летом 1919 года, пишет Ленин, голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистической войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир!

И, казалось, Владимир Ильич, уже во время первых коммунистических субботников отчетливо видел это будущее Советской страны. Светлое будущее, когда в живой плоти настоящего над миром встанет чудесное здание первого в истории человечества социалистического государства.

7

Тогда, на первых коммунистических субботниках, возникла традиция: выпускать многотиражные печатные газеты. И Владимир Ильич неизменно принимал самое активное участие в этой работе.

Весной 1920 года, во время работы IX партийного съезда, трудовая Москва готовилась к общегородскому субботнику, намеченному на 10 апреля. В связи с этим городской комитет партии решил: выпустить однодневную печатную газету.

Группа московских журналистов, освещавших в печати ход партийного съезда, обратилась в Кремле к Владимиру Ильичу с просьбой: написать статью для газеты субботника.

Идея эта, видимо, пришла к Ленину по душе.

— Когда нужна статья? — спросил Владимир Ильич. И дал согласие написать ее через два дня.

8 апреля статья была готова. Название ее как нельзя лучше выражало главное содержание наступавшей новой эпохи, высокие цели и значение величественного, как подвиг, движения миллионов участников коммунистических субботников:

«От разрушения векового уклада к творчеству нового».

И вот настал день московского общегородского субботника. Журналисты — сотрудники редакций «Правды», «Известий», «Бедноты», Российского телеграфного агентства — РОСТА — готовили статьи, заметки, очерки и стихи для газеты. Авторами этих материалов выступали многие товарищи — известные журналисты, писатели, ученые, видные общественные деятели: Емельян Ярославский и Александра Коллонтай, Климент Аркадьевич Тимирязев, Александр Серафимович, Демьян Бедный...

Рабочие типографии ВЦИК, устроив субботник, набрали и напечатали газету.

11 апреля газета вышла в свет. Она широко распространялась в Москве и других городах. Называлась газета: «Коммунистический Субботник».

«Наша газета посвящена вопросу о коммунистическом труде.

Это — важнейший вопрос строительства социализма. И надо прежде всего хорошенько уяснить себе, что этот вопрос мог быть поставлен практически только после завоевания политической власти пролетариатом, только после экспроприации помещиков и капиталистов, только после решающих побед завоевавшего государственную власть пролетариата над организовавшими отчаянное сопротивление, контрреволюционные восстания и гражданскую войну эксплуататорами».

Так начиналась ленинская статья в газете «Коммуни-

стический Субботник» — «От разрушения векового уклада к творчеству нового».

Воспитание в народных массах сознательного отношения к труду на благо общества — это важнейший вопрос строительства социализма, писал Владимир Ильич. Но чтобы прийти к большому, надо начать с маленького.

Ленин предупреждал: строить новую дисциплину труда, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду — это работа многих лет и десятилетий, благодарнейшая и благороднейшая.

— И мы возьмемся за эту работу со всей энергией! — восклицал Владимир Ильич.

Он был уверен в победе.

«Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели, — эти качества пролетариат вырабатывал в себе 10, 15, 20 лет до Октябрьской революции, он вырабатывал их в течение двух лет после этой революции, перенося невиданные лишения, голод, разорение, бедствия. Эти качества пролетариата — порука, что пролетариат победит», — писал Владимир Ильич в статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового».

8

Субботники входили в жизнь страны, трудового народа. Они вовлекали все более широкие массы в общественный творческий труд, пробуждали в рабочих людях новый прилив инициативы и энтузиазма.

Как первые яркие страницы летописи трудовой славы советского народа, любовно перелистываем мы драгоценные подшивки газет, выходивших в дни, когда родился, когда ширился повсеместно великий народный трудовой почин.

Вслед за газетой «Коммунистический Субботник» вышел номер «Первомайского Субботника». Эта печатная

многотиражка выпущена была в связи с проведением в ответ на призыв IX съезда РКП(б) Всероссийского субботника-маевки в день праздника международной пролетарской солидарности — 1 Мая. И вновь на первой странице газеты вместо передовой — статья Владимира Ильича: «От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке».

Расстояние, указанное в заголовке статьи, писал Ленин, пройдено в один год. Расстояние громадное. Субботники за один год сделали огромный шаг вперед.

Горячо поддержанный Лениным, большевистской партией, сознательный добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, великий почин творчества новых, социалистических условий хозяйства и жизни со временем распространялся все шире по огромной стране. Он стал кровным делом, делом чести миллионов советских трудящихся людей.

Этот первомайский субботник явился делом всей трудовой России. В Москве в нем приняло участие более 425 тысяч человек. В Петрограде — более 160 тысяч. На Урале — более 300 тысяч... Всего по стране на субботниках работало в тот день не менее 15 миллионов.

Владимир Ильич будто читал слова присяги, и словами ленинской статьи в газете субботника вся партия, весь трудовой народ присягали:

«Мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, — борьбе с силой привычки, — что мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук. Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребно-

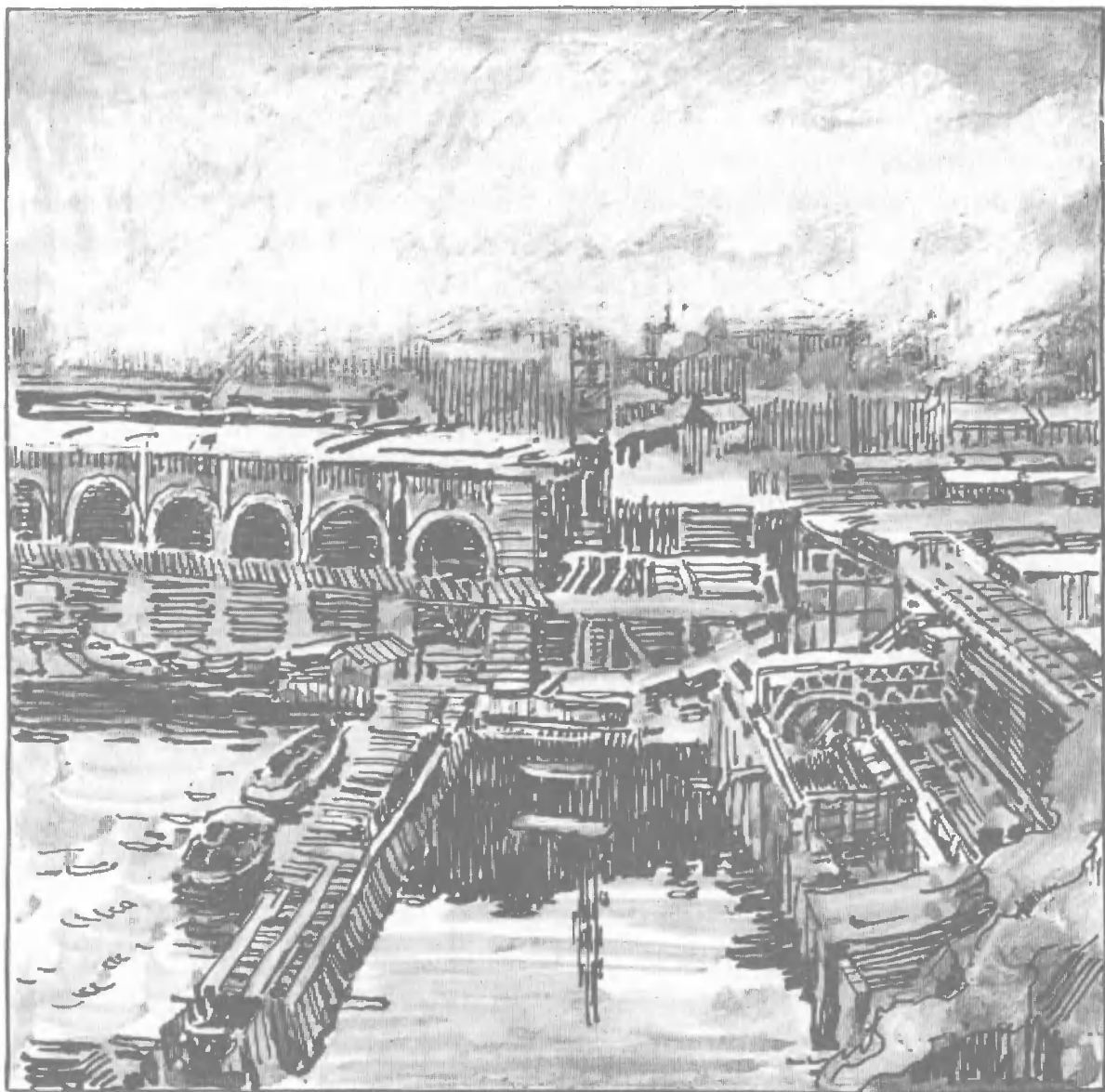
стям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд».

Владимир Ильич радовался уже свершенному. В трудовых подвигах рядовых участников первых коммунистических субботников отчетливо были видны проявления духа более величественные, нежели те, что являли все-мощные мифические Титаны. Потому что эти трудовые подвиги осуществлялись в обычной реальной жизни и способствовали дальнейшему преобразованию ее на благо миллионов простых тружеников.

«Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести, глыбу косности, невежества, упорства в отстаивании привычек «свободной торговли» и «свободной» купли-продажи человеческой рабочей силы, как любого другого товара,— не скрывая огромной радости, Ленин писал в своей статье.— Мы начали колебать и разрушать самые закоренелые предрассудки, самые твердые, вековые, заскорузлые привычки. Наши субботники за один год сделали громадный шаг вперед. Они еще бесконечно слабы. Нас этим не запугаешь. Мы видели, как «бесконечно слабая» Советская власть на наших глазах, нашими усилиями окрепла и стала превращаться в бесконечно могучую всемирную силу. Мы будем годы и десятилетия работать над применением субботников, их развитием, распространением, улучшением, внедрением в нравы. Мы придем к победе коммунистического труда!»

Поистине должное воздал Ленин инициаторам великого почина, первостроителям социализма и коммунизма, сказав о главном, что сделали страна и народ благодаря их трудовому почину:

«Мы сдвинули с места глыбу неслыханной тяжести!»

ЗЕМНОЕ СОЛНЦЕ

1

— Пожалуйста, товарищ Гиль, в Садовники...

Теперь, в зиму 1920 года, Владимир Ильич нередко произносит эти слова, обращаясь к шоферу. И автомобиль Председателя Совнаркома, миновав арку кремлевских ворот, через Красную площадь и Москворецкий

мост устремляется на Садовническую улицу к дому под номером тридцать. Здесь, в четвертой квартире, теперь живет старинный приятель Ленина еще по революционной борьбе в Петербурге в конце прошлого века — Глеб Максимилианович Кржижановский.

Глебушка, как звал тогда Кржижановского Ульянов, в те давние времена был студентом Технологического института, одним из активных участников первых студенческих марксистских кружков, положивших начало ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Это он, Глеб Кржижановский, появление в Питере молодого марксиста — волжанина Владимира Ульянова, начало деятельности его сравнивал с животворным по своим последствиям грозовым разрядом...

А ныне, два с лишним десятилетия спустя, весь мир является свидетелем: гроза прогремела над Россией, над всем миром — октябрьская благодатная гроза...

2

Когда мы говорим о слове — зодчем новой общественной действительности, перед мысленным нашим взором предстают бессмертные творения Владимира Ильича Ленина...

Однако разве можем мы при этом забывать и о знаменитых трудах, рождению которых Ленин отдал так много энергии своего ума, блистательного организаторского таланта...

В истории человечества память об этих трудах останется навеки в незатухающем сиянии ленинского имени, как Земля живет, озаренная вечным светилом — Солнцем...

И одним из первых среди таких трудов человечество будет называть книгу «План электрификации РСФСР», знаменитый государственный план электрификации Советской России — план ГОЭЛРО. Это о нем Ленин писал Кржижановскому в январе 1920 года, предлагая подго-

товить план политический, государственный, задание пролетариату — план электрификации страны: увлечь массы ясной и яркой, вполне *научной* в основе перспективой: за работу-де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*.

Именно с подготовкой этой книги и связаны теперь частые встречи Владимира Ильича с Кржижановским. Именно поэтому, едва улучив малейшую возможность хотя бы ненадолго покинуть рабочий кабинет в Кремле, Ленин, усаживаясь в автомобиль, говорит шоферу:

— Пожалуйста, товарищ Гиль, в Садовники...

И машина Председателя Совнаркома, миновав арку кремлевских ворот, через Красную площадь и Москворецкий мост устремляется на Садовническую улицу, к дому под номером тридцать...

3

Подолгу, увлеченно беседуют Ленин с Кржижановским в эти зимние вечера. Вспоминают прошлое, думают о настоящем, мечтают о будущем...

Прошлое... Совсем оно, кажется, не такое уж далекое по времени, это прошлое, — четверти века с тех пор не минуло. Но какие огромные перемены за эти годы произошли в России, во всем мире! Какие новые горизонты открылись перед страной и ее народами...

Ленин с Кржижановским вспоминают начало нынешнего, двадцатого века. Вспоминают поэтическую строку, открывавшую каждый номер газеты большевиков: *из искры возгорится пламя!*

Нынче пламя победоносной социалистической революции уже пылает над Советской страной. Оно хорошо видно сегодня, это пламя, всему миру, всему человечеству.

А Владимир Ильич не перестает думать о том, чтобы

Глеб Максимилианович Кржижановский (1872—1959).

благодатное это пламя разгоралось все ярче. Чтобы свет его, как солнца свет, освещал народу дорогу вперед, помогал народу быстрее идти по пути к коммунизму.

Ленин с Кржижановским, склонившись над полотнищем географической карты страны, вникая в таблицы и расчеты, работают над материалами, которым суждено будет стать легендарной книгой — «Планом электрификации РСФСР» — планом ГОЭЛРО.

Возникновение ГОЭЛРО отнюдь не означало, что Россия, вслед за другими государствами, вступала на общепринятый в тогдашнем мире путь использования электрической энергии в целях развития хозяйства. Выдвигая идею электрификации, Владимир Ильич предупреждал: не следует оставаться в пределах вполне обычного для капиталистической техники — следует сделать шаг дальше. Ибо, писал Ленин, «пока остается капитализм и частная собственность на средства производства, электрификация целой страны и ряда стран... не может быть произведена в пользу рабочих и крестьян».

В Советской Республике этот «шаг дальше» может быть и будет сделан, говорил Ленин. И этот шаг поистине явится шагом исполина, который сбросил с себя ярмо капиталистической эксплуатации, завоевал возможность выйти за пределы «вполне обычного» для мира капиталистического, вступить в лоно, где каждый человек будет работать по своим способностям и получать сначала по своему труду, а потом и по своим потребностям.

Ленин предложил не просто электрифицировать все отрасли существовавшей в России капиталистической экономики. Ленин выдвинул и обосновал целесообразность идеи социалистической индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства при помощи электрической энергии на политической основе нового общественного и государственного строя — Советской власти, осуществляющей переход к социализму и коммунизму.

Комиссия ГОЭЛРО, созданная в начале 1920 года по инициативе Владимира Ильича, объединила в своем состав-

ве цвет технической мысли страны. Она занялась разработкой первого в истории перспективного, рассчитанного, как Ленин предложил, на десять — пятнадцать лет, плана развития всех отраслей народного хозяйства Советской Республики на основе электрификации.

Осуществление намеченных Лениным грандиозных задач социалистической электрификации России преследовало великую цель — достижение единства в развитии хозяйства и общественного уклада, особо подчеркнутую во введении к книге «План ГОЭЛРО» ее составителями:

«Выровнять фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего политического уклада».

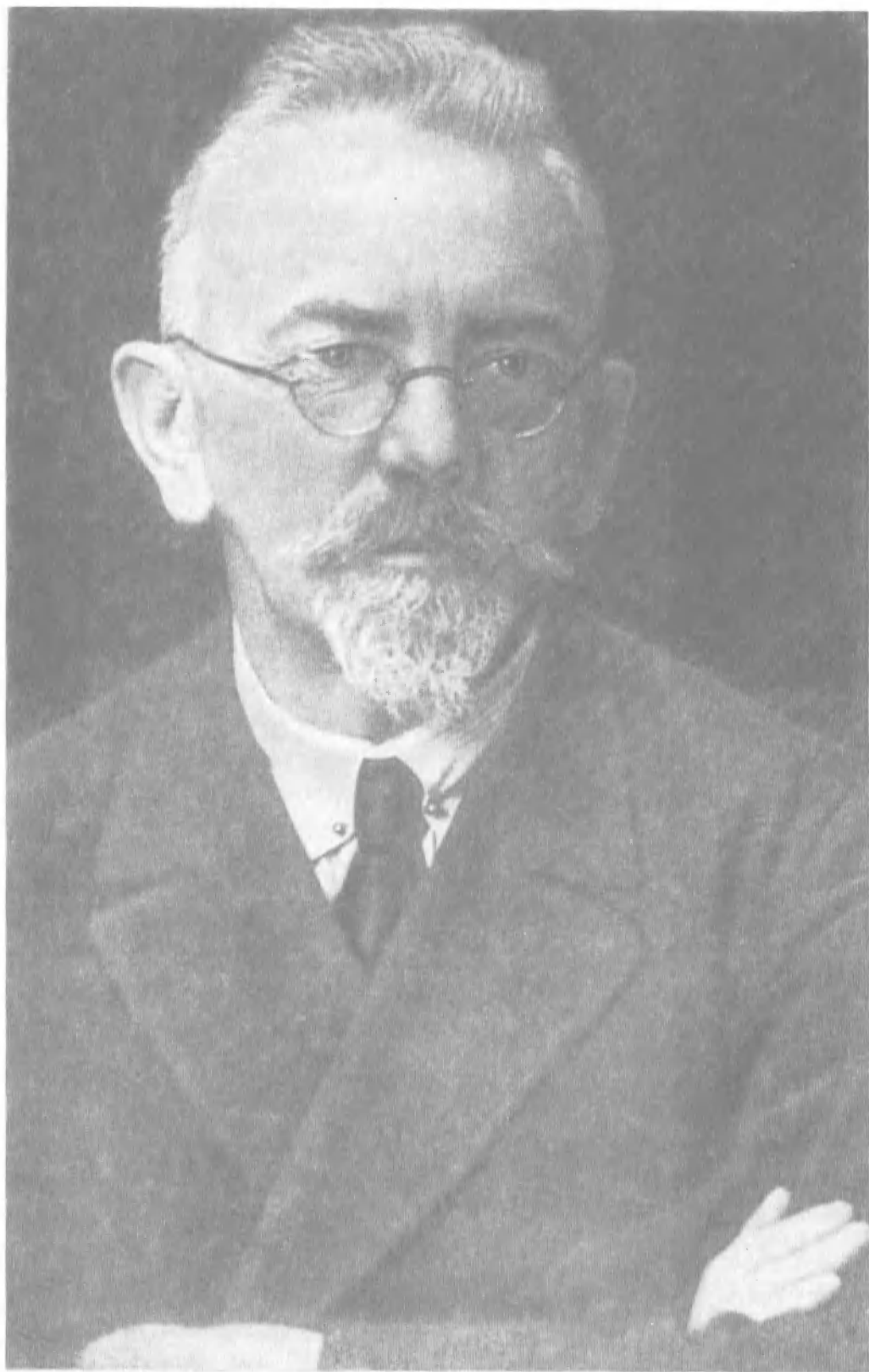
ГОЭЛРО... Это слово стало теперь символом наступившей после Октябрьской революции новой эпохи в истории нашей страны — эпохи перехода к мирному хозяйственному созиданию, строительству экономических основ социализма.

Из искры возгорелось пламя!

Размышления над материалами плана ГОЭЛРО невольно оживляют в памяти давние годы большевистской «Искры». Ленин с Кржижановским вспоминают сегодня друзей-«искряков», агентов славной газеты, писавших в нее, собиравших для нее материалы рабочих корреспондентов, тайно печатавших и распространявших «Искру»...

Минутой молчания Ленин с Кржижановским отдают дань памяти ушедших... Славные были товарищи, настоящие большевики — Иван Васильевич Бабушкин, Николай Бауман, Иннокентий Дубровинский, Ладос Кецохели...

Вчерашний активный «искряк» Михаил Иванович Калинин теперь Всероссийский староста — Председатель Центрального Исполнительного Комитета. Елена Дмитриевна Стасова — крупный партийный работник. М. М. Литвинов и Л. Б. Красин — видные советские дипломаты. А. Д. Цюрупа — народный комиссар по продовольствию. М. И. Ульянова — секретарь газеты «Правда»...

Иван Иванович Радченко (1874—1942) — старейший революционер-искровец, активный участник работ по электрификации РСФСР.

Из искры возгорелось пламя!

Владимир Ильич и Глеб Максимилианович с уважением произносят имена многих вчерашних «искряков» — коммунистов-большевиков, которые сегодня вместе с выдающимися учеными-энергетиками помогают осуществлять смелую ленинскую идею — создают план ГОЭЛРО.

Это Иван Иванович Радченко, Фридрих Вильгельмович Ленгник, Амель Сафронович Енукидзе, Розалия Самойловна Землячка...

Вчерашние «искряки», сегодня они трудятся на стройке новой жизни, во имя которой по наставлениям ленинской «Искры» помогали разрушать несправедливые устои жизни старой. Они сегодня в живую реальность воплощают то, о чем, как о будущем, о перспективе, рассказывали страницы распространявшихся ими в подполье книг и брошюр, написанных Владимиром Ильичем...

Ленин пристально смотрит в глаза Кржижановскому: — А ведь и во главе комиссии ГОЭЛРО стоит «искряк»: Клэр, Брут, Травинский — надеюсь, я точно называю ваши подпольные клички той поры, Глеб Максимилианович?

4

Со временем все больше и все более сложных дел — государственных и партийных, хозяйственных и дипломатических — ложится на плечи главы Советского правительства. Однако книга «План электрификации РСФСР» неизменно остается предметом особых забот и внимания Владимира Ильича.

Владимир Ильич, как известно, среди авторов этого труда не значится. Имя его не названо и среди официальных редакторов книги. Но Ленин читает «План ГОЭЛРО» на различных стадиях редакционного и издательского процессов.

Читает? Только читает?

Глеб Максимилианович, как никто другой знающий и эту сторону деятельности Владимира Ильича, всеобъем-

лющее и беспредельно глубокое участие Ленина во всем, без чего рукопись плана ГОЭЛРО не могла бы стать книгой «План электрификации РСФСР», сказал однажды:
— Если бы у нас побольше было таких читателей!..

На всех стадиях подготовки книги «План электрификации РСФСР» Ленин являлся вдохновителем и организатором работ, связанных с редактированием ее и изданием.

В начале марта 1920 года была сформирована и приступила к работе Комиссия ГОЭЛРО.

13 марта утверждены программа работ комиссии и объяснительная записка к этой программе.

А уже на следующий день — буквально на следующий день! — 14 марта, Ленин, ознакомившись с этой запиской («заявлением ГОЭЛРО», как он ее назвал), написал Кржижановскому, что заявление это «сухо», да и «мало этого». Владимир Ильич предложил Глебу Максимилиановичу или кому-нибудь еще из членов комиссии выступить в печати с материалом «такого рода, чтобы

доказать

или хотя бы иллюстрировать

а) громадную выгодность

б) необходимость электрификации».

Пропаганду идеи электрификации в печати Владимир Ильич считал настолько своим непосредственным делом, что, читая эти ленинские строки, можно подумать: автор письма — редактор газеты или руководитель издательства. В самом деле, определив в начале письма характер нужного литературного материала, Ленин обращается к Кржижановскому:

«Может быть, Вы себе закажете *материал*, а напишете сами или *дадите интервью*, я пошлю интервьюера. Тогда мы получим *канву* для пропаганды. А это важно».

«Я пошлю интервьюера...»

Это пишет глава правительства великой державы!

И так бывало не однажды, когда дело касалось существования плана ГОЭЛРО, его содержания или пропаганды его в печати.

Комиссия ГОЭЛРО действовала...

Чтобы вовремя подготовить доклад об электрификации к предстоящему вскоре съезду Советов, рассказывал Глеб Максимилианович, комиссия работала с предельным напряжением. И все же отдельные разделы, главы книги «План ГОЭЛРО» приходилось срочно отправлять в типографию прямо с пишущей машинки...

А за плечами членов комиссии, и в первую очередь ее председателя, неотступно стоял необычайно внимательный и эрудированный первый читатель и первый редактор этого труда, вдохновивший его появление в свет.

Владимир Ильич строго-настрого потребовал, чтобы экземпляр корректуры книги «План ГОЭЛРО» немедленно, в первую очередь, лист за листом, прямо из типографии отправлялся непосредственно ему, в Кремль. Непременно и немедленно! Без какой бы то ни было проволочки.

Глеб Максимилианович не скрывал: он очень волновался в те дни, когда Ленин, получая из типографии корректорские листы книги, читал их в своем рабочем совнаркомовском кабинете.

Каждую секунду Кржижановский ожидал: вот-вот раздастся звонок прямого кремлевского телефона, установленного специально для этой цели, и Ленин пригласит его к себе для беседы по поводу прочитанного материала. Ведь Владимир Ильич предупреждал, чтобы в дни отправки из типографии корректуры книги Кржижановский не отлучался далеко и надолго, чтобы он всегда был «на телефонном расстоянии»... Ну, а предметом беседы — Кржижановский не сомневался — будет, конечно, «План электрификации РСФСР». Ведь об этой книге Ленин заботится, как о собственном труде: вникает во все детали, следит за точностью формулировок, проверяет цифровые выкладки.

Владимир Ильич занимается и организацией издания

книги, что в то время невероятной хозяйственной разрухи, парализовавшей всю жизнь Республики, само по себе было делом весьма и весьма нелегким. Особенно если учесть, что предстояло выпустить том внушительного объема — около семисот страниц текста со множеством схем, графиков, таблиц, выводов, с приложением «Схематической карты электрификации России», выполненной в три краски... И выпустить такую книгу нужно было в невиданно короткий срок — всего лишь за девятнадцать дней!

Ленин неоднократно беседует с товарищами, которые ведают типографскими делами в стране, вникает во все детали предстоящей работы — оформления и печатания книг. Добивается, чтобы выделены были дополнительные продовольственные пайки для рабочих — наборщиков и печатников, — необходимый транспорт.

— Вопрос с изданием плана ГОЭЛРО сугубо серьезный, — говорит товарищам Владимир Ильич, — надо обеспечить выход книги в свет точно к назначенному сроку... Если у вас будут какие-либо затруднения, не стесняйтесь, немедленно звоните, приезжайте ко мне...

И Ленин сам по телефону звонил товарищам, интересовался, как идут дела, как печатается книга «План электрификации РСФСР».

И, может быть, именно в те дни, вспоминая совместную работу с Ильичем в давние искровские времена и думая о деятельности его теперь, когда социалистическая революция победила, Глеб Максимилианович впервые формулировал ту мысль, которую впоследствии запишет на страницах своих мемуаров о Ленине: «Один и тот же гениальный ум и та же крепкая рука направляли и руль социальной революции и направляют гигантский трактор новой техники, в своем нераздельном единстве призванные создать новую, светлую, радостную и братскую жизнь».

Мысль о возможности всецело заняться мирным социалистическим строительством, осуществлением плана

электрификации не покидала Ленина. О, как он ждал того дня, когда решающие победы Красной Армии над врагами Советской России наконец позволят эту мысль осуществить!

И вот уже близок день.

6 ноября 1920 года, выступая с речью на торжественном заседании в честь третьей годовщины Великой революции, Владимир Ильич сказал, что недалек день, когда завершится война.

И в тот же день, 6 ноября 1920 года, Ленин пишет членам ЦК письмо с предложением теперь же подготовить к очередному пленуму вопрос о постановке на предстоящем VIII съезде Советов доклада Председателя ГОЭЛРО: «Основные задачи восстановления народного хозяйства...»

И в тот же день, 6 ноября 1920 года,— письмо Г. М. Кржижановскому: о дальнейших задачах Государственной комиссии по электрификации...

6

22 декабря 1920 года VIII съезд Советов начал свою работу.

Делегаты собрались в Большом театре.

Выступая перед делегатами с докладом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике, Владимир Ильич говорит о том, что война, навязанная Республике белогвардейцами и иностранными империалистами, усилиями Красной Армии ликвидирована. Мы можем теперь, говорит Ленин, с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за близкое нам, необходимое и привлекающее нас к себе давно уже дело хозяйственного строительства.

— Товарищи, хозяйственные задачи, хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять как самый главный и как основной... Нам всего дороже со-

хранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства.

Тишина в зале стояла такая, что, казалось, слышен был только ленинский голос да биение сердец людей, до отказа заполнивших зал Большого театра в Москве — от первых рядов партера до самой галерки.

Подойдя к авансцене, Владимир Ильич поднял над головой книжку, которую до сих пор держал в руке, и сказал:

— Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан...

Владимир Ильич так и сказал ласково: *томика...*

И в двух следующих фразах доклада Ленин повторил:

— Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика...

Предвидя широкие перспективы строительства в Советской стране нового, социалистического общества, Ленин считает необходимым политическую программу партии коммунистов-большевиков дополнить единым хозяйственным планом — великим планом работ по воссозданию всего народного хозяйства на социалистической основе и доведению его до уровня развития современной техники. А без плана электрификации страна перейти к действительному строительству не может, говорит Ленин.

— На мой взгляд, это — наша вторая программа партии, — продолжает Владимир Ильич, держа в руке книгу — план электрификации Советской России...

В тот день с трибуны съезда Ленин произнес ставшие крылатыми слова:

— *Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны.*

Владимир Ильич отметил, что лучшие работники, хозяйственники-специалисты исполнили данное им задание по выработке плана электрификации России и восстано-

лению ее хозяйства. Теперь, сказал Ленин, нужно добиться, чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить, как за нее взяться.

В этом плане — плане ГОЭЛРО — заложены надежные основы создания материальной базы социалистической индустриализации промышленного и сельскохозяйственного производства. В этом плане — истоки оборонного могущества Страны Советов...

— Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, — только тогда мы победим окончательно... Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудования, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии.

Зал содрогнулся от грома аплодисментов...

«Делегаты съезда были потрясены ленинской речью, — вспоминает посланец тружеников Новосибирской губернии старый большевик Григорий Погодичев. — В разоренной, голодной стране строить мощные электростанции, вести страну к коммунизму... Показывая книжку — план ГОЭЛРО, Владимир Ильич со свойственной ему простотой и ясностью дал нам живое представление о сочетании марксистской теории с практическими действиями миллионов трудящихся России, строящих новую жизнь...»

Потом слово для доклада было предоставлено товарищу Кржижановскому. Он говорил, что планом ГОЭЛРО предусмотрено не только восстановить хозяйство, вконец разрушенное мировой империалистической войной и иностранной вооруженной интервенцией. План предусматривает также увеличение объема производства промышленной продукции России на основе электрификации в два раза по сравнению с довоенным 1913 годом и

более чем в тринадцать-четырнадцать раз сравнительно с тем, что вырабатывала Республика в 1920 году.

План ГОЭЛРО отнюдь не ограничивается рамками Советской России. Он предусматривает развитие хозяйства также братских республик — Украины, Белоруссии, Средней Азии, Закавказья...

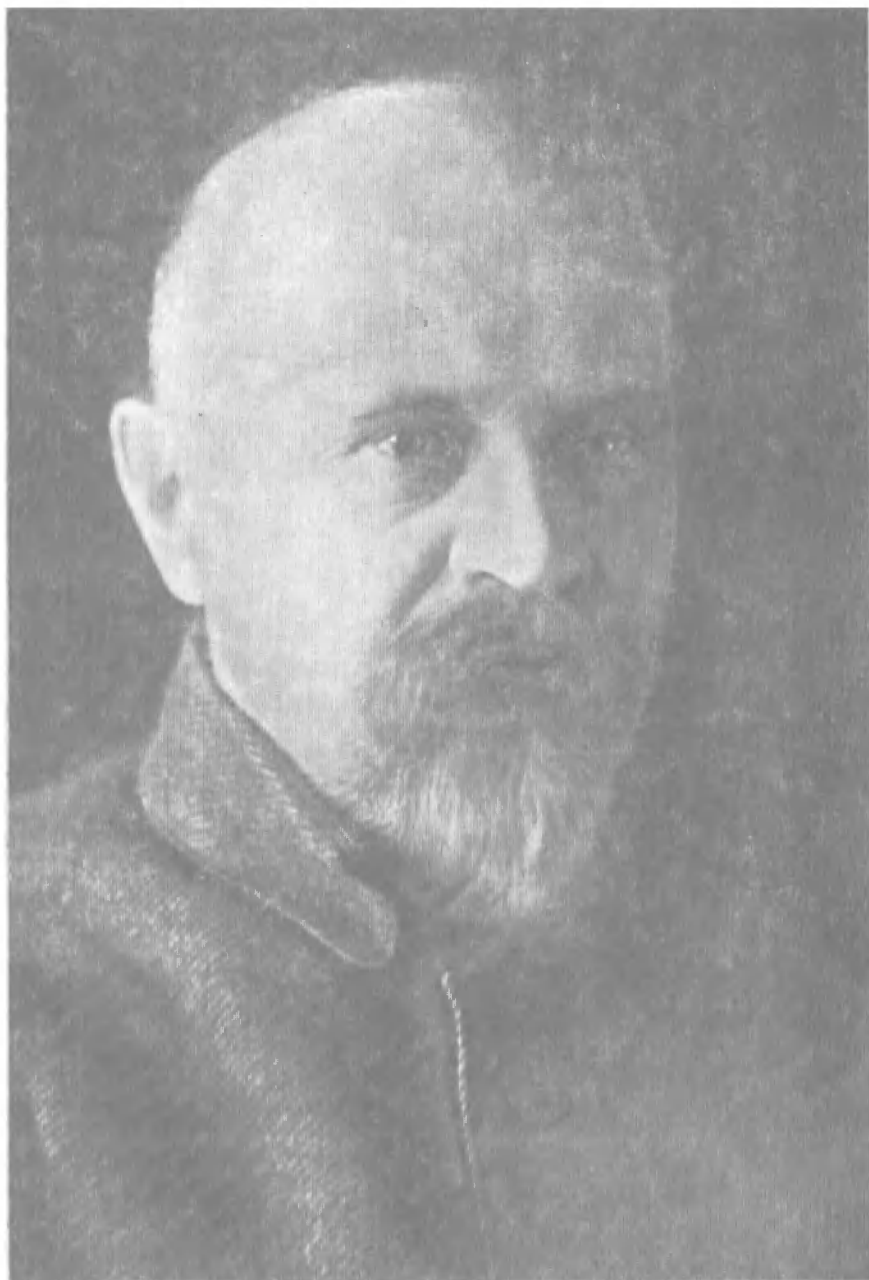
Через день в фойе Большого театра делегатам съезда раздавали книгу об электрификации РСФСР — ту самую, которую во время своего доклада Владимир Ильич показывал делегатам и которую назвал второй программой партии большевиков...

Составители книги «План электрификации РСФСР» в предисловии к ней писали, что им пришлось работать в трудное время, они с глубокой болью ощущали удары, которые направлялись против трудящихся нашей Родины со всех концов враждебного мира... «Нас воодушевляло горячее желание откликнуться по мере наших сил на то великое творчество новой жизни, провозвестником которого, по воле судеб, будет наша страна», — писали составители книги.

Уже в то время, вдохновляя и направляя все работы по созданию и изданию книги «План электрификации РСФСР», а потом пропагандируя эту книгу в печати, Владимир Ильич выдвинул мысль о создании на базе Комиссии ГОЭЛРО единого центра — Госплана, призванного возглавить все перспективное — на много лет вперед! — планирование развития экономики в масштабах всей Советской страны. И саму эту книгу Ленин величал превосходным научным трудом, единственной серьезной работой о едином хозяйственном плане.

Делегаты и гости VIII съезда Советов первыми услышали из уст Ленина идею перспективного планирования. Он говорил:

— Не бойтесь планов, рассчитываемых на долгий ряд лет: без них хозяйственного возрождения не построить, и давайте на местах налегать на их выполнение.

*Иван Иванович
Скворцов-
Степанов
(1870—1928).*

Как программу дел поистине великих, сулящих стране и народу светлое будущее, восприняли советские люди план ГОЭЛРО. Однако пока... Пока страна переживала время очень трудное.

Об этом напоминал и листок, вложенный в каждый экземпляр книги «План электрификации РСФСР», которую получали делегаты VIII съезда Советов.

«Ввиду крайней незначительности числа экземпляров

этой книги,—гласил текст листка,—убедительно просят товарищей, получивших книгу, передать ее по прочтении в местные библиотеки, чтобы по этой книге могли учиться рабочие и крестьяне».

А вскоре после того, как VIII съезд Советов утвердил план ГОЭЛРО, Владимир Ильич запрашивал учреждения Советской власти на местах: что ими делается для пропаганды плана? В этом ленинском письме особо были выделены вопросы: «Есть ли в местной губернской и уездной библиотеке «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов? Сколько экземпляров?»

И вслед за этими вопросами, в предвидении, что ответы на них могут быть самыми разными, Ленин писал: если книги об электрификации в библиотеке, губернской или уездной, нет, «значит, местные делегаты VIII съезда Советов либо люди нечестные, подлежащие изгнанию из партии и удалению со всех ответственных постов, либо бездельники, которые должны быть обучены тюремным заключением исполнению своего долга (на VIII съезде Советов были розданы 1500—2000 экземпляров для местных библиотек)».

Вот как остро ставил вопрос Владимир Ильич!

Начало положено, сделаны первые важные шаги. Теперь нужно работать дальше, добиваясь, чтобы солнце земное светило все ярче, все лучше питало оно ростки новой жизни.

— Нужно добиться того,—говорил Ленин,—чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить и как за нее взяться.

7

Владимир Ильич не только призывает к такой работе. Он сам с огромной энергией берется за организацию новых книг, пропагандирующих идею и план электрификации Страны Советов.

*дорогой тов. В. И. Ленин! Убедительная
просьба И. Степанов
заместить на работу в порядке беспартий-
ного призыва "и каждого из нас
в ней все" призыва. Да приветствует нас*

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Р. С. Ф. С. Р.

все "призыва"! И. Степанов.

В СВЯЗИ *1923/21-1929/22.*

С ПЕРЕХОДНОЙ ФАЗОЙ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н. Ленина и Г. Кржижановского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ♦ 1922

Книга И. Степанова «Электрификация РСФСР...» с дарственной авторской надписью В. И. Ленину.

Ленин давно знает Ивана Ивановича Скворцова-Степанова — верного революционера-большевика, партийного литератора. Он — автор множества книг и статей, популярных идей революционного разрушения старого, буржуазно-помещичьего мира.

А теперь, когда большевики по доверенности трудового народа возглавили революционное обновление жизни родной страны, именно ему, Скворцову-Степанову, Ленин поручил написать книгу о важнейшем рычаге строительства нового общества — о плане ГОЭЛРО.

Скворцов-Степанов не сразу взялся за этот труд, очекь увлекательный и очень нелегкий. Опасался: хватит ли знаний, умения, сил, чтобы выполнить столь ответственное поручение Владимира Ильича...

Однако Ленин был непреклонен. Великий мастер вдохновлять людей на самые смелые дела, Владимир Ильич и на сей раз проявил себя как непревзойденный организатор работы, всегда державший в центре внимания ход ее буквально каждый день, каждую минуту.

Забота Владимира Ильича о Скворцове-Степанове в пору, когда тот писал книгу о плане ГОЭЛРО, была поистине безграничной и поистине трогательной. Ленин ходатайствовал перед Центральным Комитетом партии: отменить ранее намеченную командировку Ивана Ивановича и «сослать его вместо этой командировки в один из подмосковных совхозов, на молоко, чтобы он в 1—1½ месяца, не отвлекаясь другими делами, кончил предпринятую им литературную работу».

Так и писал: сослать на молоко!..

Видимо, в среде партийных литераторов-публицистов широко известна была редакторская работа Ленина над книгой «План электрификации РСФСР»... Во всяком случае, и Скворцов-Степанов, работая над своей книгой «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», спрашивал Владимира Ильича: «*Не присылать ли Вам сверстанные листы или оттиски?..*»

И Ленин верстку книги Скворцова-Степанова читал, как всегда, внимательно, хотя сам это чтение называл

только «просмотром»... Прочитав верстку, Владимир Ильич написал предисловие к книге. А спустя некоторое время получил от Ивана Ивановича авторский экземпляр его труда с надписью на титульном листе:

«Дорогому тов. В. И. Ленину-Ульянову автор, засажженный за работу в порядке беспощадного «принуждения» и неожиданно нашедший в ней свое «призвание». Да здравствует такое «принуждение»!»

КТО — КОГО?

1

Владимир Ильич с удовольствием встречается и беседует с Максимом Горьким. А сегодняшняя встреча его особенно заинтересовала: Горький рассказывает о письме, полученном из Англии, от Герберта Уэллса, недавно побывавшего в Петрограде и Москве. Читает строки его письма:

«Я кончил свою книжку о России,— сообщает Герберт Уэллс.— Я сделал все возможное, чтобы заставить здешнее общество понять, что Советское правительство — это правительство человеческое, а не какое-то исчадие ада, и мне кажется, что я много сделал, чтобы подготовить почву для культурных отношений между двумя половинами Европы...»

Слушая, Владимир Ильич вспоминает свою встречу и беседу с Уэллсом, которая состоялась несколько месяцев назад. Вспоминает совсем недавно прочитанную по-английски его книгу о поездке в Советскую Россию...

Ленин и Уэллс говорили тогда, в Москве, о настоящем и будущем. Но не о том фантастическом «завтра», которое английский писатель рисовал в своих талантливых романах-утопиях. В беседе речь шла о единоборстве молодой Республики Советов со всем гигантским старым миром — миром гнета, насилия, самого утонченного варварства. Речь во время беседы шла не о фантастических «человеках-невидимках» — Ленин поведал заморскому гостю о планах и трудовых усилиях реальных, живых трудящихся людей — рабочих и крестьян Советской России, руководимых большевиками.

Владимир Ильич рассказывал Уэллсу и о плане ГОЭЛРО. Широкими мазками рисовал картину недалекого будущего Советской страны, расцвета материальной и духовной культуры народа. Ленин отчетливо видел завтрашнюю Россию — выполнившую план ГОЭЛРО, обновленную и счастливую, высокоиндустриальную социалистическую державу.

Теперь Уэллс в своей книге чистосердечно заявляет: «Можно ли вообразить более отважный план в этой стране лесистых равнин, населенной безграмотными крестьянами, в стране, где нет ни водных энергетических ресурсов, ни квалифицированных специалистов, где угасает торговля и промышленность?..

В России такой план превосходит самые пылкие технические фантазии...»

Горький прервал размышления Владимира Ильича о встрече и беседе с Уэллсом, о книге «Россия во мгле», которую тот написал по возвращении в Англию.

— Свое письмо ко мне,— сказал Алексей Максимович,— Уэллс закончил такими, весьма характерными, на мой взгляд, словами: «С приветом великой и дорогой, незабываемой России»... Каково? — спросил Горький после короткой паузы. И повторил слова из письма англичанина: — Великая и дорогая, незабываемая Россия!.. Надо полагать, Уэллс имеет в виду Россию современную, Советскую...

Ленин улыбнулся:

— Что же, автор книги — человек умный. Тем более ценны его слова...

— А я, Владимир Ильич,— продолжал Горький,— читая книгу Уэллса, не мог отказаться от мысли, что многие страницы оной есть подобие стенограммы беседы автора с вами... Да и сам Уэллс — человек, как известно, свое нравный и самолюбивый весьма,— на сей раз отнюдь не скрывает этого. И не только не скрывает — особо подчеркивает на страницах сочинения своего. Неоднократно подчеркивает!

Алексей Максимович извлек из кармана пиджака и быстро полистал машинопись русского перевода Уэллсовой книги «Россия во мгле». Нашел места, отмеченные на полях синим карандашом:

— Вот. Извольте послушать, Владимир Ильич...

Горький вслух читал страницы, где автор книги о Советской России свидетельствовал: изумительной силой своей безграничной убежденности в торжестве коммунистических идеалов, в торжестве программы электрификации на основе советского строя Ленин не раз энергично сбивал его Уэллса, с позиций неверия в светлое будущее преобразенной страны. И, вернувшись в Англию, работая над книгой, писатель сам многократно подтверждал это. А вспоминая свою дискуссию с Лениным в Москве, он прямо заявлял: «Не скрою, что в этом споре мне пришлось туго».

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле беседует с английским писателем Гербертом Уэллсом. Москва, 6 октября 1920 года.

Уэллс не отрицал: Ленин видит дальше него, отчетливо видит будущее. «Сколько ни вглядываюсь я в будущее России, словно в темный кристалл, мне не дано разглядеть то, что видит этот невысокий человек, работающий в Кремле,—признается писатель и продолжает: — Ленин видит, как вместо разрушенных железных дорог возникают новые, электрифицированные магистрали, как по всей стране прокладываются новые шоссейные пути, как создается новое, счастливое коммунистическое государство с могучей промышленностью. И во время нашей беседы Ленин почти заставил меня поверить в свое предвидение».

И далее — еще более определенно и благожелательно по отношению к лидеру большевиков:

«Благодаря Ленину я понял, что коммунизм... таит

в себе огромные созидательные возможности... Этот удивительный невысокий ростом человек, который откровенно признает, что строительство коммунизма — это грандиознейшая и сложнейшая задача, и скромно посвящает ее осуществлению все свои силы, буквально пролил бальзам на мою душу. Он по крайней мере видит преображенный, заново построенный мир, этот мир воплощенных замыслов».

— Бальзам! Каково?!

Горький посмотрел на Владимира Ильича. Потом, кашлянув в платок, привычным жестом расправил крылья усов, сказал:

— Это, батенька мой, Уэллс пишет о вожде российских большевиков, главе правительства Советского! Поэтому, полагаю, сочинение Уэллса и вызвало такой гнев, и не кого-нибудь, а самого Уинстона Черчилля...

— Черчилля? — переспросил Ленин.

— Да, да, — подтвердил Алексей Максимович. — Не выиграв вооруженного похода против Советской России, военный министр Великобритании, шпагу сменив на перо, теперь ополчился против книги, в коей говорится и о советском плане электрификации Республики...

На страницах лондонской буржуазной газеты «Санди экспресс» Уинстон Черчилль выступил со статьей против книги Уэллса о его поездке в Советскую Россию, против книги, в которой Уэллс писал о Ленине, его мечтах и планах... Выступил Черчилль зло, желчно...

Впрочем, маститый писатель, автор книги о Советской России, в долгу не остался: дал сдачи своему горе-критику. По заслугам. По достоинству ответил на его писания...

Черчилль и подобные ему на Западе, писал Уэллс, кричат: «Свобода! Свобода!», а нас от нее воротит: ведь многое из того, что они при этом имеют в виду, никак не вяжется с настоящей свободой. Прислушайтесь внимательней, и вы уловите в этом оглушительном антибольшевистском хоре голоса спекулянта, биржевика,

Russia in the Shadows

^{2d}
H. G. Wells

currency failure, a universal shortage, social and political collapse and all the rest of it—is merely a question of time. The shops of Regent Street will follow the shops of the Nevsky Prospect, and Mr. Galsworthy and Mr. Bennett will have to do what they can to salvage the art treasures of Mayfair. It falsifies the whole world situation, it sets people altogether astray in their political actions, to assert that the frightful destitution of Russia to-day is to any large extent the result merely of Communist effort; that the wicked Communists have pulled down Russia to her present plight, and that if you can overthrow the Communists every one and everything in Russia will suddenly become happy again. Russia fell into its present miseries through the world war and the moral and intellectual insufficiency of its ruling and wealthy people. (As our own British State—as presently even the American State—may fall.) They had neither the brains nor the conscience to stop warfare, stop waste of all sorts, and stop taking the best of every-

Многие места в тексте книги Герберта Уэллса «Россия во мгле» Владимир Ильич отметил, читая книгу вскоре после выхода ее из печати в Англии.

карьериста, эксплуататора и жулика, любителя стричь банковские купоны и богача-сибарита...

— Происшествие весьма знаменательное, доложу я вам, случилось в старой доброй Англии в связи с поездкой Уэллса в Советскую страну и в связи с написанием означенным литератором книги об оной стране,— произнес Горький. И после секундной паузы повторил, будто точку поставил: — Весьма знаменательное происшествие случилось!

Владимир Ильич, стоя у окна, задумавшись, смотрел на кремлевский двор. Произнес, улыбаясь:

— Что поделаешь, дорогой Алексей Максимович, жизнь берет свое!

2

Слушая письмо Уэллса, вспоминая недавно прочитанную книгу его о поездке в Петроград и Москву, Ленин, возможно, думал и о людях, которым надлежало бы лучше британца разбираться в действительной сущности советских дел.

Надлежало бы... Ан нет, поди ж ты — не разобрались. Даже наоборот: не желают белое за белое принимать...

Глубоко возмутили Ленина некоторые статьи, появившиеся тогда на страницах газеты «Экономическая жизнь». «Пустейшее говорение. Литературщина. Нежелание считаться с тем, что создано в этой области делового, и изучать это...

Скучнейшая схоластика, вплоть до болтовни о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературская, то бюрократическая, а живого дела нет...»

Так, негодуя, отозвался Владимир Ильич о статьях подобного рода.

За советскими рубежами против плана ГОЭЛРО истово выступала тамошняя буржуазная и белоэмигрант-

ская, так называемая «российская» пресса. Злость, издевательства в адрес этой большевистской книги — документа советской эпохи — расточали сотни зарубежных буржуазных газет и журналов...

А внутри страны борьбу против плана ГОЭЛРО вел Троцкий.

Сначала Троцкий делал вид, будто он вообще не замечает важнейшего начинания Ленина, партии большевиков, Советского правительства. Потом, убедившись, какой единодушно благожелательный отклик встретила эта инициатива в широких партийных кругах, в народе, Троцкий ополчился против нее.

Как говорят, Мальбрук в поход собрался...

Вскоре после VIII Всероссийского съезда Советов, после принятия программы ГОЭЛРО, вышла в свет брошюра Я. Шатуновского «Белый уголь и революционный Питер». Вопреки принятому съездом перспективному плану хозяйственного строительства автор призывал встать на путь «революционный, революционно-производственный путь»... Что означал этот призыв на самом деле? Он означал требование: признать план ГОЭЛРО для Петрограда по масштабам далеко не достаточным и по срокам — длительным весьма; они-де, эти масштабы и сроки, писал Шатуновский, отражают «путь мирного строительства, а не революционный» путь; они не соответствуют-де задаче «революционного строительства», «революционного подхода» к задачам электрификации, необходимости спасать... «сверхстанцию мировой революции»...

Автор брошюры вещал: план ГОЭЛРО, «рассчитанный на 10 лет, может не осуществиться в неблагоприятной обстановке и в 40 лет, а мы не можем выдержать и 5, если наше производство не станет революционным...»

Можно представить, какое впечатление произвел этот «р-р-революционный» звон на Ленина. 30 апреля 1921 года Владимир Ильич писал Троцкому:

«Прочел я брошюру Шатуновского «Белый уголь и революционный Питер».

Очень слабо. *Декламация* и только. *Делового ничегошеньки...*

Шатуновский взялся писать о том, чего не знает...»

И, подводя итог сказанному в брошюре, Владимир Ильич писал, что ничто не спасает ее: «Болтовня остается болтовней».

Троцкий — на дыбы. Безо всяких оговорок пустился защищать брошюру, взяв автора под свою опеку. Вообще вел себя в этом вопросе, как Владимир Ильич характеризовал, «сугубо задиратно». И это несмотря на то, что «брошюра Шатуновского,— Ленин свою оценку подтвердил,— болтовня».

А писания Шатуновского Троцкий защищал столь рьяно отнюдь не случайно. Это показал Владимир Ильич, сделав на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в июле 1921 года такие записи: «*Троцкий* (против ГОЭЛРО)... *Троцкий* («Освобождение от идеи электрификации»)...»

Позиция Троцкого и его единомышленников выражала чаяния самых ярых врагов большевистской партии, врагов советского народа: сорвать осуществление ленинского плана закладки надежного фундамента, строительства основ грядущей действительности социализма.

3

Испокон веков известно: прочность любого здания, всего здания, создается одновременно с закладкой его фундамента...

Поэтому и Владимир Ильич, продолжая решительно громить тех, кто ратовал за «освобождение от идей электрификации», неустанно продолжал развивать, совершенствовать план строительства основ, фундамента грядущей действительности социализма — план электрификации страны, всей ее экономики.

Первые страницы книги, содержащей этот план, Вла-

дими́ром Ильичем написаны были раньше, еще в начале 1918 года. То был известный нам ленинский труд — «Очередные задачи Советской власти».

Однако приступить к осуществлению этого плана, к решению намеченных Владимиром Ильичем очередных задач во всем объеме тогда не удалось: помешал приход незваных гостей — иностранных интервентов; помешала вспыхнувшая гражданская война.

Зато теперь, когда враги разбиты и выкинуты вон, Ленин, буквально дня не медля, вновь склоняется над чертежами здания, во имя возведения которого и была совершена Великая революция... Ленин призывает с новой силой взяться за начатое дело — продолжить рытье котлована для закладки фундамента этого здания...

В марте 1921 года состоялся X съезд РКП(б). Съезд принял важные решения: о единстве партии и по национальному вопросу; о профессиональных союзах и о партийном строительстве.

Большое внимание высший орган партии уделил обсуждению предложенной Лениным новой экономической политики государства на период перехода от капитализма к социализму. Владимир Ильич говорил об этом с трибуны съезда — в отчете о деятельности Центрального Комитета партии и в докладе о замене продовольственной разверстки натуральным продовольственным налогом. Теперь Ленин пишет брошюру, посвященную, как гласит авторский подзаголовок, значению принятой съездом новой политики и ее условиям.

В первых числах мая вышла в свет отдельным изданием новая работа Ленина «О продовольственном налоге». О налоге, взимаемом государством с определенной части населения, — казалось бы, важный, однако сравнительно частный вопрос...

Но Ленин в своей брошюре в связи с вопросом о продовольственном налоге ставит и решает проблему поистине эпохальную: о подготовке условий для ускоренного

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОТЧЕТ
X СЪЕЗДА
Российской
Коммунистической
Партии

8-16 марта
1921

Петербург
Государственное Издательство
1921

Обложка Стенографического отчета X съезда РКП.

движения одной из самых крупных стран мира — в авангарде других стран — по пути общественного прогресса к социализму.

Читателей брошюры Ленин приглашает мысленно оглянуться вокруг, посмотреть на карту России. Они увидят: «К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость...»

Положение России, вышедшей недавно из войны, пишет Владимир Ильич, представляется больше всего похожим на состояние человека, избитого до полусмерти. Страну, народы которой, трудолюбивые и талантливые, жили на землях, хранящих богатства несметные, — эту страну семь лет колотили: на фронтах мировой империалистической, на фронтах гражданской, в схватках с иностранными интервентами... Теперь положение страны таково, заключает Владимир Ильич, что тут ей, «дай бог, с костылями двигаться!».

Однако партия большевиков не желает, чтобы страна, где впервые в мировой истории человечества восторжествовала социалистическая революция, и дальше двигалась на костылях. Партия, Ленин твердо решили: осуществить переход от преобладающего в экономике России состояния патриархальщины, полудикости и самой настоящей дикости — к социализму.

Но мыслимо ли это? — задает Владимир Ильич вопрос. И отвечает в своей брошюре на этот вопрос уверенно: «Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация». А работа, которую Ленин имеет в виду, которую он называет громадной научной работой, завершенной недавно, — это план ГОЭЛРО. Он предусматривает создание надежной материальной базы

для социалистической индустриализации страны, налаживания крупного, высокомеханизированного сельскохозяйственного производства, для невиданно быстрого расцвета культуры.

Вот о чем речь идет в брошюре Владимира Ильича, названной им скромно и просто: «О продовольственном налоге».

4

Почему, однако, самые экстренные меры необходимо принимать в первую очередь для улучшения положения крестьянства, для подъема его производительных сил? Почему нужно добиваться улучшения положения в первую очередь именно крестьянства, а не рабочих?

Почему?

«Потому,— отвечает в своей брошюре Ленин,— что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас «задержка» самая большая — с точки зрения всего государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства».

Обязанность и долг советского общества, партии большевиков Владимир Ильич видел тогда в том, чтобы самое отсталое производство — земледельческое, сельскохозяйственное — поставить на новые рельсы, преобразить его и превратить из промысла, ведущегося бессознательно, по старинке, в производство, основанное на науке и завоеваниях техники.

Только через это, подчеркивал Владимир Ильич, можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата.

В брошюре «О продовольственном налоге», а позднее в других своих сочинениях Владимир Ильич разработал план перехода крестьян-тружеников от мелкого частно-

собственнического сельского хозяйства к крупному, социалистическому хозяйству, ведущемуся через кооперацию.

Это — ленинский кооперативный план. Благодаря осуществлению его, благодаря ликвидации последнего эксплуататорского класса — кулачества — советская деревня пошла по пути социалистического развития и достигла на этом пути немалых успехов.

5

На любой строительной площадке все работники — и те, кто кладут из кирпичей стены здания, и те, кто замешивают раствор, прочно скрепляющий кирпичи между собой, — все эти работники в равной мере — строители. Одни без других на стройке обойтись никак не могут. Это — закон непреложный, нерушимый закон.

И здание социалистического общества, говорит Ленин, рабочий класс строить должен обязательно вместе с трудовым крестьянством.

Союз рабочего класса с крестьянством — высший принцип диктатуры пролетариата, руководства стройкой нового общества со стороны рабочего класса. Пролетариат, как господствующий класс общества, должен уметь направлять эту работу так, чтобы в каждый данный период, в каждый момент он мог в первую голову и правильно решать самые неотложные, самые «больные» задачи.

Победа, одержанная Советской Республикой в трудной, длительной борьбе против иностранных интервентов, в гражданской войне против белогвардейцев, подтвердила прочность, силу политического и боевого союза между рабочим классом и крестьянством. А теперь, приступая к восстановлению, к развитию хозяйства, нужно найти такие формы союза между тружениками города и деревни, чтобы их единство проявило себя и на лесах хозяйственного строительства. Сущность ленинской новой

экономической политики — укрепление экономического и политического союза рабочего класса с крестьянством на политической основе Советской власти.

Вот почему неотложнее всего теперь оказались меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства, вовлечь крестьянство в активную борьбу за социализм.

Мелкий землевладелец, указывал Ленин, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, то есть мелкому отдельному хозяйству. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата. Только она способна заложить и укрепить основы социализма, привести к полной его победе.

Первым документом, наметившим путь к достижению этой цели, был написанный Лениным в начале февраля 1921 года «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян». В нем предлагалось: удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом; уменьшить размер такого налога по сравнению с разверсткой; одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле понижения процента налога при повышении старательности; расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога.

Этот документ лег в основу решения X съезда РКП(б) о замене разверстки продовольственным налогом.

В продналоге, идея и практика применения которого в жизни были всесторонне разработаны на страницах ленинской брошюры, Владимир Ильич видел форму перехода от продразверстки периода своеобразного «военного

коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному, социалистическому продуктообмену. Продразверстка состояла в том, что государство брало от крестьян фактически все излишки, а иногда даже не только излишки, но и часть необходимого крестьянам продовольствия. Брало для покрытия расходов на армию, брало на содержание промышленного пролетариата, рабочих. Брало большей частью в долг, за бумажные деньги. Иначе, без этого окончательно победить помещиков и капиталистов, побить и прогнать из страны иностранных интервентов было тогда невозможно.

Продовольственный налог есть одна из форм перехода к правильному социалистическому продуктообмену, пишет в своей брошюре Владимир Ильич. Однако Страна Советов пока все еще так разорена, так придавлена гнетом войны (бывшей вчера и могущей вспыхнуть благодаря алчности и злобе капиталистов завтра), что Советское государство не способно дать крестьянину продукты промышленности за весь нужный государству хлеб. Поэтому Советская власть и вводит теперь продовольственный налог, то есть минимально необходимое (для армии и для рабочих) количество хлеба берет как налог, а остальное будет обменивать у крестьян на продукты промышленности.

Так создавался необходимый мелкому земледельцу (пока он остается мелким) стимул, толчок, побудитель к увеличению производства продуктов. Так у Советской власти возникала возможность лучше, полнее обеспечить продовольствием главную силу революции — пролетариат, снабдить сырьем промышленное производство Советской страны, идущей путями, еще неведомыми человечеству, — навстречу социализму.

Так готовилось постепенное вытеснение социалистическим укладом капиталистического уклада из экономики государства рабочих и крестьян.

В думах о будущем Ленин отчетливо видел теснейшую взаимосвязь между социалистической индустриализацией

страны и подъемом земледелия именно на этой основе. Он писал об этом и в плане брошюры «О продовольственном налоге»:

«4. Пути перехода к социалистическому земледелию
мелкий крестьянин
колхозы
электрификация».

6

План ГОЭЛРО...

Программа новой экономической политики...

В каком соотношении, в какой взаимосвязи между собой находились эти выдающиеся проявления теоретической мысли и практической деятельности Ленина, партии большевиков?

Суть этой политики — наискорейший и наиболее заметный подъем производительных сил страны, улучшение условий жизни рабочих и крестьян. Задача нэпа — укрепить союз рабочего класса с трудовым крестьянством. Этой же задаче служит и план ГОЭЛРО.

И в литературе, писал Владимир Ильич, нужно особо подчеркивать, что новая экономическая политика не меняет единого государственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению. Меняет в смысле создания новых, лучших условий, обеспечивающих выполнение программы ГОЭЛРО в самом широком смысле: как надежной технической основы индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства на политической основе Советской власти.

Новый, идущий на смену капитализму, более высокий общественный строй — социализм возникнуть может только на определенной, более высокой материально-технической базе. Крупная промышленность, тяжелая индустрия, создаваемая в общественных условиях страны, покончившей с капитализмом, — вот строительная площадка для возведения такого здания. Без этого, учит Ленин, мы

никакого социализма и коммунизма не в состоянии будем построить.

Не живущую только в сказках всеспасительную палочку-выручалочку, но вполне реальную движущую силу общественного прогресса Ленин видел в предпринятых партией большевиков и Советской властью экономических преобразованиях жизни страны. Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо, говорил Владимир Ильич. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики.

Коренной политической задачей момента называл Ленин новую экономическую политику. И подчеркивал: «Всерьез и надолго...»

Владимир Ильич предупреждал: леса стройки социалистического общества — это одновременно и плацдарм, поле боя, где противостоят друг другу и противоборствуют друг с другом капиталист и Советская власть. Правда, прямого, открытого натиска на государство рабочих и крестьян, какой был в годы интервенции и гражданской войны, сейчас нет. Сегодня республику не хватают за горло, не наступают на нее с оружием в руках. И тем не менее — борьба продолжается. Отчаянная, ожесточенная борьба, во сто крат более ожесточенная и опасная, потому что не всегда ясно видно, где против Советского государства враг и кто его друг.

Именно в связи с началом осуществления новой экономической политики Ленин говорил рабочим и крестьянам: на лесах стройки действительности социализма теперь решается исход битвы между старым и новым мирами.

— Кто — кого? Чья возьмет? — говорил Ленин.

Новая экономическая политика привела к некоторому оживлению капиталистических элементов, еще таившихся в стране после Великой революции. И вследствие этого

неизбежным стало известное усиление классовой борьбы. Она проявлялась теперь, эта борьба, в сфере хозяйства, экономики — отчаянная, как говорил Ленин, бешеная, если не последняя, то близкая к тому борьба не на живот, а на смерть между капитализмом и коммунизмом.

В начальный период нэпа в стране допускались иностранные концессии, частная торговля — Советская страна использовала частный капитал, иностранный и внутренний, в интересах трудового народа, ни на миг не прекращая, однако, самой жестокой, бескомпромиссной борьбы против капитализма. Было, как Владимир Ильич предвидел и предусматривал в своей программе нэпа: в рамках, установленных Советской властью, капиталисты фактически своими руками работали на государство рабочих и крестьян. Осуществлялась мудрая стратегия ленинской партии большевиков: вначале ограничить поле и масштабы действия частного капитала в стране, а затем совершенно вытеснить его из всех областей экономики, со всех лесов стройки.

В программе советской новой экономической политики слились воедино забота об основных очагах экономики страны — промышленности и сельском хозяйстве, об организации торговли и налаживании работы транспорта. А все это, в конечном счете, было заботой о трудящихся людях, живущих и работающих в городе и деревне, о сегодняшнем и завтрашнем дне всех трудящихся людей.

Ленин не сомневался: экономически и политически нэп вполне обеспечивает закладку надежного фундамента новой, социалистической экономики.

7

Как все литературные, публицистические труды Ленина, работа его «О продовольственном налоге» не только объясняла смысл политики, деятельности партии. Она возбуждала политическую и трудовую активность рабочих и крестьян, их стремление активно участвовать в

осуществлении новой экономической политики партии и государства, добиваться наибольших практических результатов на этом пути.

Как всегда, как все литературные, публицистические работы Ленина, брошюра «О продовольственном налоге» помогала каждому трудящемуся увидеть, ощутить значение его личного труда в осуществлении начинаний партии, от успеха которых зависят судьбы всей страны, всего народа.

Поэтому и теперь, когда вышла в свет ленинская брошюра «О продовольственном налоге», Центральный Комитет партии большевиков предложил губернским и уездным комитетам РКП(б) использовать ее для разъяснения коммунистам, всем трудящимся сущности наступившего нового этапа в развитии страны по пути к социализму.

И, как всегда, партия и народ, с огромным энтузиазмом встретив новый ленинский труд, принялись за изучение его, за претворение в жизнь выдвинутых, развитых в нем идей.

Множество писем получил Владимир Ильич летом 1921 года в связи с выходом в свет брошюры «О продовольственном налоге». Было среди этих писем и послание коммунистов Московского окружного военно-хозяйственного управления. Товарищи сообщали Ильичу: детально изучив и обсудив его новую брошюру, они пришли «в неопишуемый восторг от гениальности и простоты мыслей», изложенных в ней. И тогда товарищи решили: «Пролетариат России и всего мира может гордиться таким вождем, ум которого решает сложные, запутанные жизнью проблемы с такой ясностью, отчетливостью и простотой».

А из Средней Азии, из города Самарканда, группа коммунистов — партийных, советских и профсоюзных работников, одобряя новую экономическую политику партии большевиков и Советской власти, писала в Москву, Владимиру Ильичу Ленину:

«В брошюре «О продналоге» Вы возлагаете на нас большую, ответственную задачу — быть революционными мастерами, которые из маленьких клеточек (волостей и уездов) призваны выковать стальной организм огромного советского хозяйства».

Самаркандские товарищи — один из отрядов, работающих на стройке новой, социалистической действительности, — заявляли Ленину, что его брошюра с особым энтузиазмом встречается на местах, там, где «в напряженной повседневной, еле заметной работе могут и должны обжигаться образцовые кирпичи для нашего светлого социалистического здания... Ваш зов всегда вызывает бурю революционного энтузиазма и энергии».

Стройка в стране с каждым днем все ширилась. Леса стройки поднимались все выше...

Новая экономическая политика, пропаганда и претворению которой столь много содействовала брошюра Владимира Ильича «О продовольственном налоге», оправдывала себя на деле, в жизни страны. Уже через год после ее принятия в хозяйстве Республики Советов заметны стали явные перемены к лучшему.

Продовольственный налог дал крестьянам заметное материальное облегчение. Старательному крестьянину, при повышении производительных сил, продналог открыл более широкую дорогу. За свою энергию, старание труженик земли получал необходимый ему стимул, толчок, побудитель. В ответ на замену разверстки налогом крестьяне расширяли площади посевов...

Началось оживление и в крупной промышленности. Налаживалась нормальная работа транспорта, торговли...

Партия, Советская власть руководили осуществлением программы нэпа. Как и предвидел Ленин, как он писал об этом и в брошюре «О продовольственном налоге», предусмотренное программой нэпа отступление перед капиталистическими элементами в городе и деревне было временным. Его цель — в ближайшем будущем дать Республике возможность более широким фронтом повести

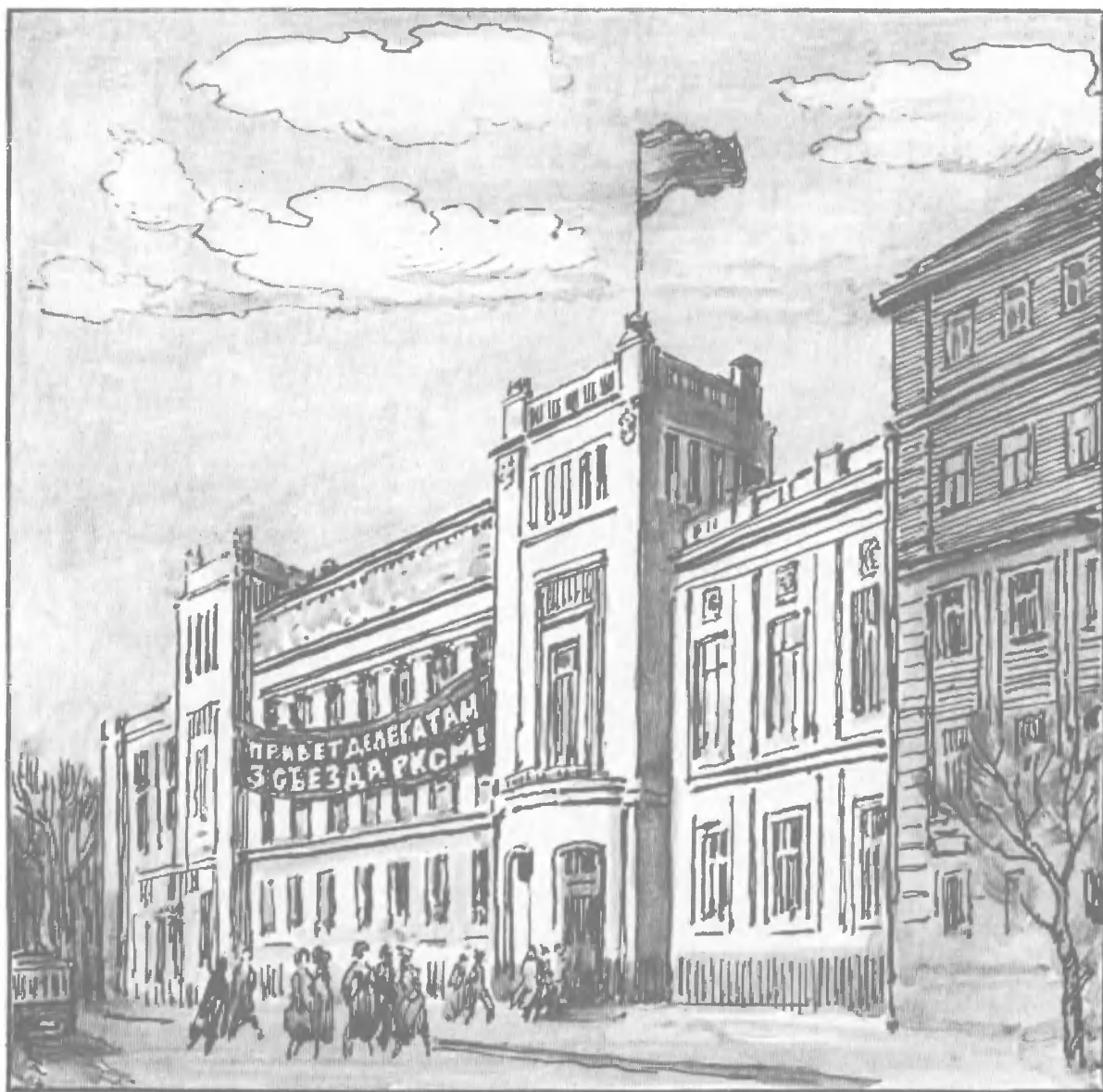
наступление на капиталистические элементы, установить прочнейшую смычку рабочего класса с массой крестьянства и сделать непобедимым союз рабочих и крестьян — основу революции, основу государства.

Так это и произошло на деле.

Весной 1922 года с трибуны XI съезда РКП(б) Владимир Ильич заявил:

— Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута... Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил.

Цель перегруппировки сил, о которой говорит Ленин, ясна: подготовка решительного наступления социалистических элементов экономики на элементы капиталистические, наступления во имя победы.

НАКАЗ ЮНЫМ

1

Приближается день открытия съезда. Товарищи из Центрального Комитета комсомола пришли в Кремль, к Владимиру Ильичу. Просят побывать на съезде, речь просят произнести — уж очень ждут ребята. Надеются...

— Непременно выступлю! — согласился Владимир

Ильич. И, взяв в руки карандаш, открыл второй октябрьский листок календаря 1920 года. Спросил товарищей:— Где будет работать съезд? В котором часу он откроется?

Ленин и раньше много думал и много писал о молодежи: о задачах ее в классовой борьбе пролетариата, о роли юношей и девушек в строительстве социализма и коммунизма. «...Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его»,— писал Владимир Ильич. И, называя партию большевиков-коммунистов партией будущего, Ленин подчеркивал: будущее принадлежит молодежи. «Мы партия новаторов,— продолжал Владимир Ильич,— а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь».

Выступая 1 мая 1919 года на Красной площади, подтвердил убежденно:

— Заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети.

Партия будущего... Партия новаторов...

Очень ко времени ожили в памяти эти слова. Они звучат с особой силой именно теперь, когда большевики России задались целью все в стране перестроить по-новому. Все поставить на службу трудовому народу — промышленность и сельское хозяйство, науку и технику, просвещение и образование. И, разумеется, богатырские силы электричества использовать для этого как следует — тоже в интересах трудового народа...

«Нужно с молодыми товарищами на съезде побеседовать о плане ГОЭЛРО,— думает Владимир Ильич. И мысленно вновь повторяет слова из давней своей статьи: — Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи...»

2 октября 1920 года, вечером, прежде чем III Всероссийский съезд Коммунистического Союза Молодежи приступил к работе, в зале заседаний, в доме № 6 на Малой Дмитровке, появился Ленин. Однако должно было пройти еще немало времени, пока стихла овация, пока утихомирились возбужденные приходом Ленина делегаты, — только тогда Владимир Ильич начал свою речь.

— Товарищи, — сказал Ленин, — мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще. На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества.

В первый момент делегаты комсомольского съезда от неожиданности даже растерялись немного. Да и как было не растеряться! В самом деле, гидра контрреволюции, мировой капитал еще не уничтожены полностью, а Ленин — вы только послушайте! — о создании в России коммунистического общества намеревается говорить. И даже собирается вверить это дело молодежи...

Чудеса, да и только!

В то время ведь обычным было, что на всякого рода собраниях — комсомольских, молодежных в том числе, — обсуждался, как правило, именно «текущий момент»: ближайшие задачи борьбы с внутренними и внешними врагами трудящихся — гидрой контрреволюции, как принято было тогда называть буржуев, капиталистов и помещиков... Поэтому, думали ребята, и сегодня, на съезде комсомола, Ленин обязательно будет о том же говорить речь: о текущем моменте, о враге рабочих и крестьян всего мира — мировом империализме.

Но Ленину, в конце концов, лучше видно. И если он собирается говорить о том, что в самое ближайшее вре-

мя на первый план выйдет мирный фронт, хозяйственный, строительство социализма и коммунизма,— значит, так оно и будет.

На то ведь он и Ленин!

И молодые товарищи — делегаты комсомольского съезда дыхание затаив слушают Владимира Ильича...

Ребята и девчата, сидящие в этом зале, где заседает съезд, достойно представляют новое поколение советских людей. Им принадлежит будущее.

Но партия большевиков вручает молодым не только ключи от дверей, ведущих в коммунистическое «завтра». Партия дает в руки молодых рабочих инструмент, используя который это будущее нужно строить и построить.

— У предыдущего поколения,— говорит с трибуны комсомольского съезда Ленин,— задача сводилась к свержению буржуазии. Тогда главной задачей была критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умения сплотить свои силы. Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов... Перед вами задача строительства...

Задача строительства! Ленин в своей речи не раз подчеркивает эту мысль. И говорит, что задачу строительства нового общества молодежь может решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет непосредственную работу молодых, превратить коммунизм в руководство для всей их практической работы.

Настает великий момент истории: Ленин нарекает молодых наследниками, продолжателями дела поколения, к которому сам принадлежит,— поколения солдат, творцов победы Октября. А им, молодым, чьи однолетки сидят сегодня в этом зале и слушают Ленина,— им продолжать борьбу. Им трудиться на лесах стройки коммунистического общества.

Владимир Ильич отечески-задушевно беседует с молодыми товарищами. Подробно останавливается на вопросе о том, чему должна учиться молодежь, если она действительно хочет оправдать звание коммунистической; как готовиться нужно к тому, чтобы с честью продолжать стройку здания нового общества, начатую отцами.

— Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? — обращается Ленин к сидящим в зале парням и девушкам — делегатам комсомольского съезда. — Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма?

Ленин предупреждает молодых товарищей: не следует думать, будто коммунистом можно стать, не усвоив всего того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, говорит Владимир Ильич, будто достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является коммунизм. Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы присущий старой школе разрыв между теорией и практикой.

Как всегда и во всем, что связано с самыми яркими проявлениями революционной борьбы за интересы трудящегося человечества, Владимир Ильич и сегодня говорит о Карле Марксе, его гениальный опыт ставит в пример молодым.

Почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса? — спрашивает Ленин. И отвечает: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных во все времена, в том числе при капитализме.

И Ленин, выступая на комсомольском съезде, говорит:

— Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обо-

гатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Развивая эту мысль, Ленин рядом с необходимостью овладения знаниями ставит задачу сплочения и закалки рабочих и крестьян, воспитания их в духе сознательной дисциплины. Иначе, подчеркивает Владимир Ильич, мы не сможем победить капиталистов и помещиков. И отмечает особо: сознательная дисциплина, организованность трудящимся нужны не только в начальный период революции, когда решается задача свержения буржуазии. Нет, без этого мы не закрепим даже фундамента полной победы, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить здание нового, коммунистического общества.

Сердца и умы молодых людей, сидящих в зале, где работает комсомольский съезд, все более влечет к себе и вдохновляет развернутая Лениным перспектива: сразу после окончательного разгрома иностранных интервентов и достижения полной победы в гражданской войне против белогвардейской контрреволюции приступить к решению задач хозяйственного возрождения страны, земледелия и промышленности, во имя интересов трудового народа. И делать это надо не на старой, отсталой основе паровой машины, серпа и конной тяги, а на базе передовой науки и техники, на базе электрификации.

— Вы прекрасно понимаете,— говорит Владимир Ильич, обращаясь к молодежи,— что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение...

Вот задача,— продолжает Ленин,— которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдаёт себе отчет, что он, вступив в Коммунисти-

ческий союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять: только на основе современного образования можно достичь этого; если молодой человек не будет обладать образованием, коммунизм для него останется только пожеланием.

Все сидящие в зале, как один человек, сосредоточенно слушают Владимира Ильича — ловят каждое его слово, впитывают каждую его мысль...

4

Трудно хотя бы бегло, как в конспекте, перечислить все вопросы, которых касался Владимир Ильич, выступая перед комсомольцами. Поистине энциклопедически безгранична речь Ленина по содержанию, по охвату различных сторон общественной жизни.

Слово учителя проникнуто глубочайшим уважением к молодежи, верой в способность молодых советских людей не только понять самые сложные социальные, философские проблемы, но и правильно сделать все необходимые практические, житейские выводы. Именно поэтому Владимир Ильич так много внимания уделил вопросу о морали и нравственности — нормах, регулирующих поведение человека в общественной жизни: в труде и быту, в политике, во взаимоотношениях с другими людьми — друзьями и недругами.

Почему нужно было особо и подробно останавливаться на этом вопросе?

Дело в том, что в первые советские годы враги революции любили порассуждать о том, что у коммунистов-де нет своей морали, что они — коммунисты, большевики — начисто отрицают всякую мораль вообще, не признают никакой нравственности.

Владимир Ильич говорил, что подобные рассуждения — всего лишь способ подменять понятия, бросать пе-

сок в глаза рабочим и крестьянам. И ставил вопрос конкретно: «В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность?» — и отвечал: в том смысле, в каком эти нормы, принципы проповедовала раньше российская, как и всякая прочая, буржуазия, которая выводит эту нравственность из «велений бога», а на самом деле — из интересов эксплуататорских классов.

— Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем, — заявляет Владимир Ильич. — Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов... Наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата.

Ленин разъясняет молодым товарищам: классовая борьба между трудящимися и богатеями-тунеядцами продолжается и теперь, после победы социалистической революции в России, — она только изменила свои формы: теперь наша задача в этой борьбе — не допустить, чтобы вернулись старые эксплуататоры. Классовая борьба продолжается, и мы, говорит Владимир Ильич, должны подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем.

А что такое коммунистическая нравственность? Нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

— Коммунистическая нравственность это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит и основа коммунистического воспитания, образования и учения.

Вот в чем ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

Владимир Ильич призывает Союз коммунистической молодежи быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, говорит Ленин, чтобы любой рабочий видел в нем людей, живая работа которых, их деятельность свидетельствуют, что они действительно те люди, которые показывают верный путь.

Владимир Ильич учит молодежь дружной работе в коллективе, призывает ее коллективными усилиями решать общие задачи: только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами. И вместе с тем Ленин будит в сердцах молодых товарищей чувство личной ответственности за судьбы родной страны, ее будущее, чувство гордости за свой личный вклад в великое коллективное дело созидания коммунизма. Мы должны, говорит Ленин, построить свой труд таким образом, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок. Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде на благо строительства коммунизма.

— Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, только спрашивая себя, все ли мы сделали, чтобы быть объединенными сознательными трудящимися, Коммунистический союз молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов объединит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.

Гром аплодисментов был ответом на эти слова, завершившие речь Владимира Ильича перед делегатами съезда комсомола. И долго, очень долго в зале не утихала овация.

Какое там не утихала! Подобно костру под порывами ветра, овация разгоралась все сильнее, все громче...

Пройдут годы, и, вспоминая этот знаменательный день открытия съезда, участники его расскажут потомкам: комсомольцы 20-х годов слушали Ленина, не замечая течения времени... И каждому тогда казалось, будто в зале их только двое: он, делегат съезда, молодой коммунист, и великий Ленин, выступающий с трибуны...

Ленин говорил просто, ясно. Однако в этой простоте и ясности заключена была огромная глубина и острота творческой мысли.

«Мы слушали Ленина,—годы спустя расскажут товарищи,—не только разумом, но и сердцем. Каждый понимал: конечно, жить, учиться, работать можно только так, как об этом говорит Ленин. Однако почему же я раньше об этом не подумал? Почему?»

Казалось, Ленин знал и общие думы молодых людей, и личные заботы каждого из них в отдельности. Знал Ленин и тревожившие всех молодых советских граждан трудные вопросы. И отвечал Ильич тебе. Именно тебе, тебе одному. И одновременно отвечал Ленин всем...

Слушать Ленина было наслаждением величайшим!

А комсомольским вожакам, секретарям Центрального Комитета РКСМ было какво? До выступления Владимира Ильича они совсем по-иному представляли себе направление работы комсомольского съезда. Полагали, содержание этой работы не должно выходить за рамки того же «текущего момента», самых ближайших, очередных задач дня. В связи с этим и проекты основных документов, которые должен обсудить и принять съезд, виделись им иными... И содержание докладов... И прения...

Как же быть теперь?

Что теперь делать?

Думай не думай, а все перестраивать надо. И — быстро, на ходу: ленинская мысль, слово Ленина дали совсем другое направление съезду. И в докладах по всем пунктам повестки дня новое появилось содержание. И прения раз-

вернулись прежде всего вокруг вопросов, выдвинутых Владимиром Ильичем.

Да, речь вождя всему съезду задала тон. Всей работе комсомола и молодежи. Следуя указаниям Владимира Ильича Ленина, III съезд РКСМ в принятых им документах особо подчеркнул важнейшее положение:

«Основной задачей РКСМ является коммунистическое воспитание трудящейся молодежи, в котором теоретическое просвещение тесно связано с активным участием в жизни, труде, борьбе и строительстве трудящихся масс. Задаче коммунистического воспитания молодежи, подготовляющего энергичных и умелых строителей социалистического хозяйства, защитников Советской Республики, организаторов нового общества, должна быть подчинена вся практическая работа РКСМ во всех ее областях».

Молодежь — энергичные и умелые строители социалистического хозяйства, организаторы нового общества...

Съезд закончил свою работу. По домам — в города и деревни страны — разъезжались делегаты. И в сознании, в сердце каждого жило, звало к работе, к борьбе ленинское напутствие молодым:

— Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин... И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться.

6

Хотя речь Ленина и называлась «Задачи Союзов молодежи», ее одинаково жадно читали и перечитывали не только юноши и девушки, но и убеленные сединами ветераны революционных боев. Все они как драгоценность великую берегли номера газеты «Правда» за 5, 6, 7 октября 1920 года, — номера, в которых был впервые опубликован полный текст речи.

А тем временем в Государственном издательстве подготавливалась серия книг: «Библиотека Главполитпросвета». И было решено: открыть «Библиотеку» «Задачами Союзов молодежи». Специально для этого издания Владимир Ильич отредактировал текст своей речи, который с тех пор печатается в Сочинениях В. И. Ленина, выходит отдельными изданиями.

Видимо, с согласия Владимира Ильича и во всяком случае не без участия Надежды Константиновны, стоявшей тогда во главе Главполитпросвета, издание ленинской речи вышло с такими подзаголовками:

«Без учения — нет коммунизма; Чему учиться? Старая школа; Учение Маркса; Пролетарская культура; Критическое усвоение фактов; Сознательная дисциплина; Хозяйственное строительство; Строительство коммунистического общества; Коммунистическая мораль; Классовая борьба; Инстинкт собственности; Борьба против эксплуататоров; Коммунистический союз молодежи; Что такое коммунист? Коммунистическая работа; Обязанности членов Союза молодежи; Будущее принадлежит молодежи».

Издание выпущено было весьма значительным по тем временам тиражом: двести тысяч экземпляров! Но даже и этого количества не хватило, чтобы полностью удовлетворить спрос всех, кто желал приобрести ленинскую речь и не только прочитать ее однажды, но иметь у себя дома, на книжной полке, пользоваться брошюрой в повседневной работе, учебе...

Брошюру зачитывали в прямом и в переносном смысле слова: или от пользования многими людьми далеко не отличная тогдашняя бумага буквально рассыпалась в пух, или бравшие брошюру «всего на один только день», случалось, «забывали» своевременно возвращать ее владельцам...

Исследователи истории издания и распространения ленинской брошюры свидетельствуют: передавая из рук в руки, ее зачитывали до дыр; устраивались коллективные читки; текст речи Владимира Ильича перепечатывали

на пишущей машинке и даже переписывали от руки, любовно, как в старину, бывало, оформляя страницы рукописей виньетками и красочной вязью заглавных букв...

Едва увидев свет, речь Владимира Ильича о задачах Союзов молодежи стала главным документом молодежного движения в Советской стране.

В 1923 году столичное издательство «Новая Москва» выпустило ленинскую речь под названием: «Чему учиться и как учиться». Книжке предпослано было обращение к читателям, в котором говорилось: Московский комитет РКСМ считает, что эта речь не только сохранила свою ценность, но с усложнением задач работы комсомола она единственно может дать правильное понимание задач движения,— теперь, когда жизнь, работа и борьба юношеских организаций в России практически подводят вплотную комсомол к тем задачам учения и общественной работы, которые пронизывают все изложение речи. «Чему учиться и как учиться,— говорится далее в обращении,— должно стать памяткой, настольной книжкой, своего рода «евангелием» для всякого комсомольца, и мысли нашего дорогого Ильича должны сопровождать каждый шаг нашего учения и практической работы».

7

Был случай, когда издателями и — одновременно — наборщиками и печатниками, выпускавшими заветную брошюру с ленинской речью о задачах Союзов молодежи, являлась сама молодежь: парни и девушки — комсомольцы, работники московской типографии № 26. А главными помощниками этих ребят — главными редакторами, наблюдавшими за изданием брошюры, являлись Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Да, да, Ленин и Крупская своими добрыми советами очень помогли ребятам!

Вот как это произошло.

Ко всем бедам, которые переживала тогда Республика, летом 1921-го прибавились еще недород, голод. Страна, все советские трудящиеся люди решили помочь голодающим.

Тогда-то и в комсомольской ячейке 26-й типографии возникла мысль: провести коммунистические субботники, безвозмездно набрать какую-либо книжку и напечатать ее на бумаге, сэкономленной при выполнении других заказов. А деньги, вырученные от продажи этой книжки, целиком передать в фонд помощи голодающим.

Но какое произведение выбрать для набора и печати во время субботников?

Одни предлагали: рассказ. Другие говорили: стихи...

В райкоме комсомола, куда со своим недоумением обратились ребята, им посоветовали:

— А не издать ли вам, товарищи, речь Владимира Ильича на Третьем съезде РКСМ?

Идея пришлась по душе комсомольцам. Однако ребята предварительно решили посоветоваться еще с Надеждой Константиновной.

При первой встрече с посетившими ее ребятами из типографии Крупская дала не совсем утешительный ответ:

— Я уже не раз просила Владимира Ильича разрешить издательствам напечатать его речь. Но он говорит, что сначала хотел ее еще дополнить — ответить и на другие вопросы, затрагивающие молодежь. При всей тщательной подготовке этой речи Ильич все же на многом не мог тогда остановиться... Но теперь у него совсем нет свободного времени, и я представить себе не могу, когда он сможет сделать задуманное.

Ребята настойчиво просят Крупскую еще раз поговорить с Ильичем, уговорить его, чтобы разрешил комсомольцам издать брошюру...

Наконец разрешение получено. Ребята обещали Надежде Константиновне обязательно показать ей гранки набора и верстку, дать типографский оттиск текста брошюры для просмотра и сверки с оригиналом...

И началась работа.

В порядке коммунистических субботников брошюра была набрана, сверстана и верстка направлена Надежде Константиновне. Она посоветовала оставить в тексте подзаголовки: это, сказала, облегчит чтение и обсуждение брошюры. Потом, передавая ребятам верстку, прочитанную и завизированную Лениным, Крупская сказала еще:

— Владимир Ильич советует напечатать на обложке фамилии товарищей, которые набирали и печатали текст брошюры.

Так и появился на четвертой странице обложки текст, гласивший, что эта брошюра Ленина

«Набрана и отпечатана в порядке трудовых субботников членами ячейки РКСМ при 26-й типо-литографии следующими т.т.: Мельниковым, Киселевым, Беликовым, Митькиным, Пискуновым, Князевым и Удаловым в пользу голодающих детей Поволжья».

8

Рабоче-крестьянская молодежь считала своим долгом рапортовать вождю о том, как выполняются его наставления и советы. Делегаты VIII съезда комсомола Петроградской губернии в октябре 1922 года писали Владимиру Ильичу: «Кинутый Вами на III Всероссийском съезде РКСМ лозунг учебы нами сейчас претворяется в жизнь.

Сердца молодежи с Вами, дорогой Владимир Ильич!

Да здравствует Владимир Ильич — гроза мировой буржуазии».

Повсюду молодежные коммунистические организации брошюру Владимира Ильича использовали как верный компас, указывающий путь вперед.

В апреле 1923 года в Торжке, небольшом городке Тверской губернии, проходил X уездный съезд РКСМ. Делегаты съезда заявили в письме, адресованном Ленину:

«Дорогой Ильич! Ты с любовью обращался к молодежи и говорил: «Учиться надо молодежи», «Учение в союзе нужно поставить на должную высоту». Ты знаешь, что молодой гвардии необходимо учиться, учиться и тысячу раз учиться.

Этот завет, дорогой Ильич, задетый на III Всероссийском съезде тобою... мы, один из маленьких отрядов РКСМ, помним твердо.

IX уездный съезд у нас прошел под лозунгом «учиться», в зимний период мы заявляли: «нужно учиться и учиться», и теперь X съезд проходит под лозунгом «ученье».

Дорогой Ильич! Молодежь, собравшаяся на съезд, от всей души желает тебе скорого выздоровления и со своей стороны клянется и летом не выпускать из рук «букваря» политических наук и «азбуки» коммунизма».

А в июне III Всероссийская конференция РКСМ рапортовала Ильичу:

«Твои заветы комсомолу, переданные тобою лично на III Всероссийском съезде РКСМ, успешно претворяются в жизнь. Наш Союз вырос, окреп и широко развертывает работу по коммунистическому воспитанию масс рабочих и крестьянской молодежи. Союз медленно, но верно готовит новые кадры выдержанных коммунистов-ленинцев».

Три года прошло после публикации в газетах, после выхода в свет первых изданий брошюры с речью Владимира Ильича о задачах Союзов молодежи. Стройка новой жизни все шире развертывалась в стране. И комсомольцы, трудившиеся на одном из важнейших участков этого фронта созидания — строившие Волховскую гидроэлектростанцию, — рапортовали Ленину:

«Дорогой Ильич!.. Знай: твои заветы комсомольцам на III Всероссийском съезде комсомола выполняем. Мы спешим выковать тебе, часовому мирового рабочего движения, верных помощников за идеалы коммунизма. Мы

говорим: под знаменем твоим готовы выступать в бой за сияющую коммуну трудовую!»

Иные помнили слова Владимира Ильича: «Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет».

Молодые граждане Республики Советов выражали твердое желание быть настоящими коммунистами-ленинцами, а для этого, как Ильич призывал,— учиться, учиться, учиться!

9

Подобно каждому слову, каждой строке, написанным Владимиром Ильичем Лениным, брошюра его «Задачи Союзов молодежи» в шестии своем по миру не знает границ. Для всех молодых людей она — надежный компас, указывающий верную дорогу в жизни и в борьбе.

Летом 1921 года в Москве работал II Всемирный конгресс КИМа — Коммунистического Интернационала Молодежи. Люди, собравшиеся в Московском Кремле, приехали из разных стран планеты и говорили каждый на своем родном языке. А вместе с тем все они говорили на конгрессе об одном: как лучше, с наибольшей пользой для дела мировой революции использовать силы юности человечества, на что в первую очередь направить энергию юношей и девушек всех стран...

И взоры молодых трудящихся людей Европы и Азии, Африки, Америки, Австралии обратились теперь к этой небольшой по объему книжке, в которой напечатана речь Владимира Ильича «Задачи Союзов молодежи»...

Товарищи из КИМа докладывают делегатам Всемирного конгресса:

— То, что Ленин говорил в речи на русском съезде молодежи, относится и к нам; и наша задача — учиться,

упорно, настойчиво учиться. Ленин в своей речи подробно развивает мысль, где и как молодежь должна учиться коммунизму... Слова Ленина выражают и наше желание,—продолжают товарищи из КИМа.—Ныне наша просветительная работа не может больше оставаться на бумаге — она должна вестись в тесном контакте с всеобщим коммунистическим движением...

Молодость мира внимает слову Ленина. Молодость мира выражает готовность в труде и борьбе всегда идти по указаниям компаса, который дал молодым Владимир Ильич.

ЗАВОЕВАННОЕ И ЗАПИСАННОЕ

1

С той поры прошло более четырех десятилетий. Но даже летом 1960 года, вновь оказавшись в этой ставшей музеем кремлевской квартире Ленина, президент компартии Великобритании Уильям Галлахер во всех подробностях вспомнил те дни. И вновь испытал волнение, какое

впервые ощутил в 1920-м, встретив здесь человека необыкновенного...

Лицо гостя из Англии теперь будто помолодело. Он улыбался, вспоминая давно минувшее. И произнес, размышляя вслух:

— Вот здесь и завершилось лечение моей «детской болезни»... Именно здесь...

Московский Кремль... Он — как корабль-флагман, идущий всегда во главе эскадры. И на капитанском мостике флагмана — Ленин...

А ленинские труды — книги, брошюры, газетные и журнальные статьи — подобны лоции, указывающей кратчайший, единственно надежный путь к цели.

Товарищи по борьбе — зарубежные солдаты армии социалистической революции говорят о ленинских трудах, о силе их неодолимой:

— Написанное Лениным — не архив, а арсенал. Когда наступает час битвы, мы листаем страницы его книг точно так, как перед атакой набиваем патронами пулеметные ленты...

И со временем он становился все богаче, этот арсенал. Все более щедро обеспечивал оружием армию пролетарских революционеров, боевые отряды которой, занимая одну за другой всё новые позиции, дислоцировались во всех уголках необъятной планеты Земля.

Оружие, выкованное гением Ленина, становилось все более грозным для врагов революции.

2

Ренегат — клеймо позорное и несмываемое. Клеймо изменника, предавшего и продавшего все, в верности чему когда-то клялся...

Из уст Ленина впервые прозвучали, рукой Владимира Ильича впервые написаны были гневные слова о враждебных марксизму взглядах и действиях переметнувшего-

ся во вражеский стан ренегата Карла Каутского. Ленин заклеил его клевету на стратегию и тактику большевизма, наиболее полно воплотившего в себе революционную сущность торжествующего марксизма.

Задолго до того, как большевики России по доверенности трудового народа взяли власть в стране, в 1914 году Ленин писал о Каутском: «он личность подлая», политикан, «постоянно меняющий позицию». Владимир Ильич показал ренегатство, предательство Каутского. И это звание бывший марксист с новой силой оправдал, злобно осуждая действия большевиков в октябрьские дни 1917 года.

Каутский полностью отрекся от марксизма. И продолжал катиться по наклонной. Он отрицал международное значение Великой социалистической революции. Безудержно клеветал на партию российских коммунистов-большевиков, на Советскую власть.

Ленин негодует. 20 сентября 1918 года он пишет товарищам:

«Сегодняшняя «Правда» привела выдержки из статьи Каутского против большевизма...

Позорный вздор, детский лепет и пошлейший оппортунизм Каутского возбуждают вопрос: почему мы ничего не делаем для борьбы с теоретическим опошлением марксизма Каутским?..»

Ленин клеймит ренегата: изменив марксизму, Каутский оппортунистически извратил учение Маркса о государстве и диктатуре пролетариата, о буржуазной демократии и парламентаризме, о роли и значении Парижской коммуны 1871 года и так далее...

Владимир Ильич предлагает: принять срочные меры, в том числе поскорее выпустить по-немецки его труд «Государство и революция», написанный в 1917 году, снабдив книгу издательским предисловием такого примерно содержания: «Издатель считает особенно насущным выход в свет этой брошюры именно в данный момент, ввиду полного извращения марксизма как раз по данным вопросам в по-

Карикатура советского художника В. Н. Дени на Карла Каутского.

следних произведениях Каутского, заменяющего точку зрения диктатуры пролетариата пошлым социал-либерализмом в духе Бернштейна и других оппортунистов».

Владимир Ильич просит советских товарищей, работавших за границей, прислать ему новое писание Каутского — брошюру «Диктатура пролетариата», как только она выйдет из печати в Вене, подобрать все другие статьи этого автора о большевиках: врага нужно знать во всей полноте его вражьей сущности.

Ленин считает необходимым как можно быстрее печатно выступить против новейших проявлений ренегатства Каутского, пригвоздить Каутского к позорному столбу. И сделать это должны российские коммунисты-большевики. Ленин писал:

«Мы бы должны играть роль бюро для идейной работы интернационального характера, а мы ничего не делаем!! Издавать надо во 100 раз больше. Деньги есть. Переводчиков нанять. А мы ничего не делаем! Скандал...»

Некоторое время спустя Владимир Ильич сам засел за работу над рукописью книги против Каутского. Товарищи видели: работал Ленин с увлечением огромным, буквально пылая гневом к ренегату. И еще до завершения работы над книгой счел необходимым выступить на страницах газеты «Правда» со статьей, разоблачающей предательство Каутского. Откладывать такое выступление было невозможно — «надо поскорее занять позицию, высказать свое мнение», — указывал Владимир Ильич.

И статья его — «Пролетарская революция и ренегат Каутский» — появилась на страницах «Правды» 11 октября 1918 года. Тогда же Ленин просил товарищей перевести эту статью на иностранные языки, издать ее за границей отдельным листком...

Объем газетной публикации, однако, был недостаточен для исчерпывающего разоблачения всех деяний «марксиста», предавшего марксизм. И Ленин продолжил работу над рукописью, создав книгу под тем же названием, которая вышла в свет зимой 1918 года в Москве, в издательстве «Коммунист».

Почти одновременно ленинский труд появился в Англии, Франции, США, Италии и других странах. Получив широкое распространение во всем мире, он сыграл огромную роль в подготовке почвы, на которой вскоре был организован новый, III Коммунистический Интернационал.

3

Бывший марксист Каутский, окончательно изменив марксизму, так низко пал, что дела его и писания по праву заслужили оценку, выраженную в достаточно определенных, недвусмысленных словах ленинской книги: под-

лость, утонченное лакейство перед буржуазией, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Большевики России, пишет Владимир Ильич, были бы несказанно благодарны всякому западноевропейскому марксисту, если бы он, ознакомившись хотя бы с важнейшими документами, дал критику большевистской политики. Но Каутский дает вместо критики невероятную теоретическую путаницу, мошенничает на каждом шагу. Он Маркса пытается превратить в дюжинного либерала, терпимо относящегося к буржуазной действительности, а марксизм — в либерализм. Он допускает злобные мещанские выходы против большевиков и, по сути дела, сам присоединяется к буржуазии в ее антиреволюционной борьбе.

Разоблачив враждебные марксизму разглагольствования Каутского, Ленин дал объективную характеристику буржуазной демократии. Будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, буржуазная демократия, пишет Владимир Ильич, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных.

В ленинской книге дан решительный и всесторонний отпор Каутскому, по всем статьям пытавшемуся ревизовать марксизм. В этой книге — дальнейшее творческое развитие Марксова учения на основе опыта революционной России, теории и практики большевизма.

Великий Октябрь, писал Ленин, — рубеж всемирной истории человечества. Трудящиеся России, совершив социалистическую революцию, положили конец демократии буржуазной, буржуазному парламентаризму. На смену им пришла демократия Советов — олицетворение подлинного народовластия.

Советы — суть главное, государственное выражение социалистической демократии в стране, где победила Октябрьская революция, доказал Ленин, разоблачая писания Каутского. Советы — непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, облегчающая

им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно.

Советская власть, указывает Ленин, «сделала в миллион раз более «демократичным» право собраний для масс,— то право собраний, без которого демократия есть обман... Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики».

Бессильные перечеркнуть или хотя бы умалить значение Октябрьской революции, Каутский и его друзья менее чем за год извели поистине океан чернил, Гималаи бумаги истратили в тщетных попытках оспорить бесспорное, доказать, что якобы рамками лишь одной только страны — России — ограничивается значение событий Октября 1917 года. Якобы исключено влияние этих событий на мир, на судьбы всего человечества...

Однако даже в связи с полнейшей неспособностью Каутского, помноженной на его нежелание понять очевидное всем, факты не перестали оставаться фактами.

Книга Ленина успешно выполнила двуединую задачу: разоблачила клеветнические рассуждения ренегата Каутского, пытавшегося опровергнуть историческую закономерность и всемирное значение Октябрьской победы в России, и осветила глубоко и всесторонне теорию и практику пролетарской социалистической революции, неизбежность грядущих взрывов ее и новых ее побед.

4

В клевете на Октябрьскую революцию — всемирно-исторический подвиг народов России и их большевистской ленинской партии — Каутский позволил себе дойти до глумления над тем, что человечество с чувством глубочайшей признательности называет коммунизмом, коммунистическим. Владимир Ильич в своей книге пригвоздил к позорному столбу Каутского, договорившегося до того,

будто большевики... «уничтожили демократию» и потому-де они... перестали называть себя социал-демократами, а называют себя коммунистами.

Да, да, именно так в печатном тексте сочинения Каутского эти слова и выделены шрифтом особым, *курсивом*: смотрите, дескать, русские большевики сами себя называют не социал-демократами, а коммунистами. Только что смотреть-то...

В том же сочинении ренегата, отмечает далее Владимир Ильич, слышен горький плач его, Каутского, по поводу того, что «новая теория», как бывший марксист именуется большевизм, все более находит себе сторонников за российскими рубежами.

Это вполне понятно, пишет Ленин и на последующих страницах книги подробно демонстрирует подлинную суть большевизма, одинаково близкую, дорогую всем людям труда во всех странах мира.

Большевизм, отмечает Владимир Ильич, перевел слова «диктатура пролетариата» сначала на русский, потом на все языки мира, показав на примере Советской власти, что рабочие и беднейшие крестьяне даже отсталой страны в состоянии создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, начать творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

Со страниц ленинской книги прозвучали слова, подтвержденные затем самой жизнью, историей, реальностью преобразований географической и социальной карты мира,—вещные слова Владимира Ильича:

— Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии, ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать... Большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма... Большевизм *годится как образец тактики для всех*.

Короткие паузы в напряженной работе над рукописью своей книги о пролетарской революции и ренегате Каут-

ском Владимир Ильич посвящает просмотру свежих номеров иностранных газет, долгими, сложными круглыми путями поступающих в Республику Советов из буржуазных государств. И на страницах этих изданий Ленин нередко находит многочисленные новые данные, подтверждающие мысли, которые он обосновывает в своем труде.

Сегодня, перед тем как сделать перерыв в работе, Владимир Ильич успел написать абзац о том, что мировая буржуазия и ее наемные прислужники, на словах именующие себя «социалистами», приветствуют негодяев-ренегатов типа Каутского. А спустя минуты, читая иностранные газеты, только что поступившие в Москву, обнаружил в них телеграммы, в связи с которыми решил внести в рукопись специальное дополнение. Он написал: «Я только что прочел передовицу в «Франкфуртской газете» (22.X.1918, № 293), с восторгом пересказывающую брошюру Каутского. Газета биржевиков довольна! Еще бы!»

А дальше Владимир Ильич отметил, что еще одна газета — «Форвертс» («Вперед»), орган германских социал-демократов, в специальной статье также заявляет, что «подписывается почти под каждой строкой Каутского».

Рыбак рыбака видит издалека!

«Поздравляем, поздравляем!» — написал в связи с этим заявлением Владимир Ильич, адресуя свое поздравление другим германским ренегатам, коллегам главного ренегата — Каутского.

Жизнь подтвердила, насколько прав был Владимир Ильич, когда в своей книге писал: победа Октябрьской революции, последующая деятельность большевистских организаций в России и во всем мире идейно добились старый, гнилой II Интернационал. А он того и был достоин! Лидеры этой организации в последние десятилетия окончательно порвали с былыми боевыми революционными традициями детища Карла Маркса и Фридриха Энгельса — Международного товарищества рабочих — Интернационала.

Ленин
Россійская Коммунистическая Партия (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ).

*ЗКС.
и
попр.*

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И РЕНЕГАТЪ КАУТСКІЙ.

Цена 3 руб.

Книгоиздательство „КОМУНИСТЪ“.

МОСКВА:

- 1) Срѣтенка (уг. Рыбницкого пер.), д. 8.
Тел. 4-70-00, 2-15-00.
2) 3-ей домъ Советовъ, Телер. п.а.

ПЕТРОГРАДЪ:

- 1) Пискаревскій пер., д. № 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-17-02.
2) Литейный проспектъ, д. 60.

1918.

Экземпляр книги с поправками В. И. Ленина.

Теперь ленинская книга «Пролетарская революция и ренегат Каутский», получив широкое распространение во всем мире, послужила созданию прочной идейной и организационной основы для строительства новой, действительно пролетарской, подлинно революционной международной организации — III Коммунистического Интернационала.

В значительной мере благодаря именно распространению влияния ленинского труда в марте 1919 года в Москве на I конгрессе Коминтерна возникла эта организация, ставшая генеральным марксистско-ленинским штабом революционных действий масс, вступивших в эпоху, когда человечество начало осуществлять переход от капитализма к социализму.

5

Владимир Ильич высоко оценивает деятельность Коммунистического Интернационала в период между I и II конгрессами. Радует: Коминтерн теперь уже — не пропагандистское общество, а начало практического движения армий рабочего класса.

Весной 1920 года Ленин готовит II конгресс Коммунистического Интернационала. Конгресс должен разработать важнейшие программные документы международной организации трудящихся, стратегию и тактику ее борьбы против мировой буржуазии.

Важнейшей частью деятельности Ленина в этот период явилось создание им книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Библиотекарь Владимира Ильича — Ш. М. Манучарьянц — впоследствии рассказывала:

— Во время работы над книгой Ленин особенно интересуется выпускающейся за рубежом литературой о различных группах и политических течениях, которые выдают себя за социалистические, а на деле являются пособниками реакционной буржуазии.

В. И. Ленин в президиуме I конгресса Коминтерна. Москва, март 1919 года.

И сам Ленин в это время телеграфировал видному советскому дипломату, старому большевику М. М. Литвинову, находившемуся тогда в столице Дании — Копенгагене: «Нам крайне важны все документы, резолюции, брошюры, газетные статьи и речи, касающиеся идейных течений в левом социализме и коммунизме, особенно анархо-синдикалистские извращения коммунизма или вылазки против коммунизма. Собирайте все это тщательно на всех языках, делайте вырезки, присылайте, привозите в 3—4 экземплярах...»

Как всегда, Владимир Ильич хочет досконально знать врага, чтобы поразить его в самое сердце.

Обстановку, царившую в кремлевском кабинете Владимира Ильича в те дни, воссоздал в своих записках

художник Н. Альтман, лепивший скульптурный портрет Ленина:

«В то время Владимир Ильич трудился над книгой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он писал напряженно и сосредоточенно, весь уйдя в работу. Иногда он откидывался назад, на спинку стула, обдумывая ту или иную мысль. В комнате стояла чуткая тишина...

Ленин был занят своей книгой, поэтому прием посетителей в эти дни был ограничен. Все же за шесть недель моего пребывания в Кремле у Владимира Ильича побывали делегации английских профсоюзов, немецких рабочих».

Как всегда, на каждом шагу давала о себе знать неизменно присущая Ленину-публицисту тщательность в литературном труде, стремление обеспечить абсолютную точность и четкость каждой написанной строки, каждого сформулированного им вывода и положения. И теперь, завершая работу над рукописью новой книги, Ленин просил наркома иностранных дел Чичерина и, по его указанию, товарищей, хорошо знающих английское социалистическое движение, просмотреть рукопись «или *главку* об Англии и дать мне совет, нет ли у меня ошибок или нетактичностей. Практические исправления, если не затруднит, очень просил бы отдельно карандашиком записать».

К другим товарищам обращался с просьбой о консультации перевода.

Запрашивал в типографии имя ответственного за проверку соответствия печатного текста оригиналу и корректуре, за окончательный выпуск книги...

6 мая 1920 года рукопись книги Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» поступила для набора в 1-ю государственную типографию Петроградского отделения Государственного издательства.

И вслед за рукописью, за прочитанной корректурой, как всегда,— письма Ленина, адресованные непосредственно работникам издательств и типографий, на сей раз

*В. И. Ленин и А. М. Горький
в группе делегатов II конгресса
Коминтерна. Петроград,
19 июля 1920 года.*

«питерским товарищам, издающим мою брошюру о «левых»: советы, на что обратить особое внимание, о чем в первую очередь не забыть... А в заключение — просьба: сообщить телефонограммой *«имя товарища, ответственного за проверку и за окончательный выпуск. (А также, когда выпускаете.) ...Ждать еще поправок от меня не надо».*

Почти одновременно при самом ближайшем участии Владимира Ильича осуществлялся перевод рукописи книги о «левизне» на английский, французский и немецкий языки. В июне — июле 1920 года все четыре издания ленинского труда вышли в свет. Делегаты II конгресса Коммунистического Интернационала, открывшегося 19 июля, были первыми иностранными читателями книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Даже простой перечень глав новой книги Ленина характеризует ее содержание:

В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции? Одно из основных условий успеха большевиков; Главные этапы в истории большевизма; В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм? «Левый» коммунизм в Германии. Вожди — партия — класс — масса; Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах? Участвовать ли в буржуазных парламентах? Никаких компромиссов? «Левый» коммунизм в Англии; Некоторые выводы.

В новом ленинском труде главное — исчерпывающая характеристика всемирного значения теории и практики российского большевизма, опыта Великой Октябрьской социалистической революции в России — общеприменимого, как пишет Владимир Ильич, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма.

И одновременно новый ленинский труд — беспощадная

Н. ЛЕНИН
ДЕТСКАЯ
БОЛЕЗНЬ
«ЛЕВИЗНЫ»
В КОММУ-
НИЗМЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ
1 · 9 · 2 · 0

Обложка первого издания работы В. И. Ленина «Детская болезнь
«левизны» в коммунизме», 1920 год.

критика антимарксистской трактовки этого опыта зарубежными единомышленниками «левых коммунистов», действовавших в России в 1918 году.

6

«Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25.X, 7.XI.1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение... В данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего».

Эти строки, исполненные огромной значительности, открывают ленинскую книгу.

А далее Владимир Ильич подчеркивает, что «русский образец» — это прежде всего необходимость установления диктатуры пролетариата и обеспечение руководства народными массами со стороны сплоченной, дисциплинированной, идейно монолитной революционной марксистской партии. Без партии, железной и закаленной в борьбе, подчеркивал Ленин особо, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно.

Этому учит опыт революционной России, совершившей в октябре 1917 года великий подвиг во имя человечества. И потому все, кто пытается принизить значение этого подвига, а то и вовсе затушевать его, проявляют, по словам Ленина, всю бездну недомыслия, педантизма, подлости и предательства интересов рабочего класса —

N. LÉNINE

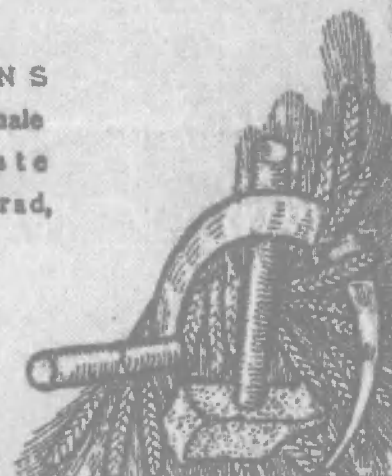

LE „COMMUNISME DE GAUCHE“,

MALADIE INFANTILE DU COMMUNISME

EDITIONS
de l'Internationale
Communiste
N° 62-Pétrograd,
1920.

*Обложка книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»,
изданной на французском языке.*

предательства, творимого под соусом «защиты» идеи «всемирной революции».

Представляет интерес любопытная страничка из истории подготовки книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», связанная с именем... Ллойд Джорджа.

Да, да, того самого Ллойд Джорджа, который во время работы Владимира Ильича над рукописью труда о «детской болезни» «левизны» являлся премьер-министром Великобритании.

Так вот, в одном из вариантов ленинской рукописи были такие иронические строки:

«Посвящаю эту брошюру высокопочтенному мистеру Ллойд Джорджу в изъявление признательности за его почти марксистскую и во всяком случае чрезвычайно полезную для коммунистов и большевиков всего мира речь 18.III.1920».

Что за речь произнес британский премьер? О чем он говорил в этой речи?

Ллойд Джордж в этой речи довольно уныло, но вполне определенно констатировал: Англия, как, впрочем, и весь остальной мир, отнюдь не застрахована от влияния идей социалистической революции, идей коммунизма; пролетарское революционное движение, признавал Ллойд Джордж, растет во всем мире...

Ленин в своем труде сказал несколько слов о мартовской речи премьера Великобритании. Отметил, в частности, что Ллойд Джордж серьезно обеспокоен событиями, которые в мире стали происходить после победы в России социалистической революции. Эти события, во всеуслышание констатировал премьер, свидетельствуют: даже на Британских островах приобретают популярность взгляды, пропагандирующие «коллективную собственность» на средства производства. А знаете, как это называется? Владимир Ильич приводит слова Ллойд Джорджа: «Во Франции это называлось коммунизмом», — пояснял вождь английской буржуазии своим слушателям, членам парламентской либеральной партии, которые, вероятно, до сих

N. Lenin

*Der „Radikalismus“
die Kinderkrankheit
des Kommunismus*

*Herausgegeben vom Westeuropäischen Sekretariat der
Kommunistischen Internationale
(Kommissionsverlag: Francke Verlag G. m. b. H.)*

Leipzig 1920

Обложка книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»,
изданной на немецком языке.

пор не знали этого; и продолжал пояснять в том же духе: «в Германии это называется социализмом, в России это называется большевизмом».

Да... Что правда, то правда...

И уж если такой твердолобый зубр британской политики признал факт распространения идей большевизма в мире, значит, факт этот является фактом бесспорным...

7

Совершив нелегкий и отнюдь не безопасный путь по морю с Британских островов в Россию для участия в работе Конгресса Коммунистического Интернационала, среди других зарубежных гостей — делегатов в Страну Советов прибыл посланец английских рабочих, знакомый нам товарищ Уильям Галлахер. И случилось так, что буквально в первые часы своего пребывания на советской земле Галлахер познакомился с только что вышедшей из печати книгой Владимира Ильича Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»...

Страницу за страницей, главу за главой с огромным вниманием читал Галлахер ленинскую книгу. И не мудрено. Ведь Ленин сурово критиковал взгляды, которые и он, Галлахер, до сих пор отстаивает в британском рабочем движении.

А как изумился Галлахер, когда увидел, что на одной из страниц книги и его имя, среди других, также упомянуто Лениным.

Впрочем, изумился — не то слово...

— Просмотрев, что в книге касалось Германии, я начал читать раздел, где говорилось об Англии, — рассказывал об этом случае Галлахер. — К моему ужасу, оказалось, что и я сам фигурировал здесь, на одной из страниц, олицетворяя дурной пример!.. То, что я теперь прочел в книге Ленина, подействовало на меня, как ледяной душ...

Автор книги о «детской болезни» со всей прямоотой сурово характеризовал некоторые явления, присущие

Уильям Галлахер (1881—1965) — выдающийся деятель английского и международного коммунистического движения.

взглядам и деятельности «левых» коммунистов. А по поводу некоторых рассуждений самого Галлахера Владимир Ильич отмечал, что они показывают с несомненностью зародыши всех тех ошибок, которые ныне делают немецкие «левые» коммунисты...

Подобно разглагольствованию «левых» коммунистов, против которых Ленин боролся в России еще в дни Бреста, нынешние рассуждения «левых» в международном коммунистическом движении, которым «посвящена» новая книга Владимира Ильича, являются обратной стороной правого оппортунизма, ревизионизма, измены делу революции. Как у тех, так и у этих все их речи, призывы, заверения — только фраза; крикливая, звонкая — однако пустая фраза, ничем положительно не подкрепленная на деле. «Левые», по образному определению Владимира Ильича, трезвый учет всех особенностей конкретной обстановки жизни и борьбы заменяют усиленным маханьем красными флажками.

Потому и слова: «левый», «левые», «левизна», когда речь идет о подобного рода людях и их словах и делах, Владимир Ильич в своей книге заключает в кавычки, чтобы подчеркнуть полное несоответствие оппортунистических действий этих людей высокому смыслу произносимых ими революционных слов, понятий.

А «детской» эту болезнь Ленин называл потому, что тогда, в 1920 году, признаки ее впервые обнаружили в работе, в документах отдельных деятелей совсем еще молодых, только возникших или даже еще возникавших марксистских партий.

Но разве детей не нужно лечить? Разве не нужно их, малолетних, спасать от угрозы тяжкого недуга?

Ни в коем случае нельзя было запускать и эту политическую «детскую болезнь» «левизны» — надо было принимать немедленные меры, чтобы как можно лучше, как можно быстрее излечить занемогших. Всю правду в лицо надо сказать «левым» коммунистам, настаивал Владимир Ильич. Сказать, что большего неразумия, большего вреда

для революции, чем приносимое «левыми», нельзя себе и представить.

«Левые» — храбрецы только на словах — задолго до Конгресса Коминтерна и даже теперь, с его трибуны, пытались утверждать: победа мировой социалистической революции зависит только от их, «левых» коммунистов, желания. И требовали храбрецы, чтобы незамедлительно — сию минуту! — начата была решительная лобовая атака всей системы мирового капитализма. Всей системы! И чтобы столь же молниеносно — сию секунду! — покончено было с капитализмом вообще — раз и навсегда!

Однако подавляющее большинство участников международного форума коммунистов, вновь и вновь принимая к страницам книги лидера российских большевиков, все более убеждалось в правоте его слов: «Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лабиринты, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения».

Уклониться от сражения, по соотношению сил невыгодного для дела революции сегодня, чтобы, пополнив и перегруппировав силы, выиграть сражение, победить во что бы то ни стало завтра. Таков взгляд, таков совет Ленина. Однако готовиться к этому предстоящему сражению нужно последовательно, умно, энергично уже теперь. Завтрашнюю победу нужно готовить сегодня — вот мудрость ленинской книги.

А что же предлагали «левые»?

Вместо того чтобы в мире капитализма сегодня, теперь добиваться избрания коммунистов — представителей трудящихся в состав буржуазных парламентов, использовать парламентскую трибуну для решительной, смелой борьбы против буржуазных порядков, «левые» предлагали начисто бойкотировать — не признавать, не замечать! —

любые возможности даже куцей демократии капиталистических государств. Мыслимо ли, страшали «левые», чтобы в буржуазном парламенте коммунисты сидели вместе, в одном доме, под одной крышей с представителями не-пролетарских партий, испытывали на себе их влияние! Они могут разлагать парламентариев-пролетариев... «Левые» считали, будто парламентская деятельность только отвлекает коммунистов от их основных задач, будто деятельность эта — лишь «трата времени», «сизифов труд»...

Нет, решительно возражала «левым» книга Владимира Ильича, это не только ошибочный, но сугубо вредный для революции взгляд. Обращаясь к носителям и пропагандистам подобной точки зрения — «левым» коммунистам, Ленин писал:

«Вы хотите создать новое общество? и вы боитесь трудностей при создании хорошей парламентской фракции из убежденных, преданных, героических коммунистов в реакционном парламенте! Разве же это не ребячество?.. Именно потому, что отсталые массы рабочих и — еще более — мелких крестьян в Западной Европе гораздо сильнее, чем в России, пропитаны буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками, именно поэтому только изнутри таких учреждений, как буржуазные парламенты, могут (и должны) коммунисты вести длительную, упорную, ни перед какими трудностями не останавливающуюся борьбу разоблачения, рассеяния, преодоления этих предрассудков».

Коммунист — по Ленину — должен быть готовым и должен уметь, когда понадобится, с той же трибуны буржуазного парламента решительно выступить против любой буржуазной фальсификации подлинной демократии, социализма, — ни в коем случае не оставлять клевету неразоблаченной!

Еще в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Владимир Ильич писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии». Есть всякие партии предателей дела рабочего клас-

Много статей В. И. Ленина напечатано на страницах журнала «Коммунистический Интернационал».

са, «лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной».

Ленин считал особенно важным разоблачать ренегатов, поддерживая этим революционные группы действительно интернационалистских пролетариев, которые есть во всех странах. И наиболее действенным средством поддержки этих групп явилась книга Владимира Ильича.

«Левые» отрицают возможность и необходимость использования коммунистами членства в профсоюзах, возглавляемых реакционными лидерами. Они решительно и бесповоротно против работы коммунистов в этих профсоюзах.

А что получается в результате?

Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в реакционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы», указывал Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», писал Владимир Ильич, надо не бояться трудностей, не бояться придинок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей». ...Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса.

Быть готовыми и уметь выступить на том же рабочем собрании и убедительно, с фактами в руках, разоблачить речь выступавшего с той же трибуны реакционного лидера профсоюза, противопоставить ей свою, боевую программу борьбы за удовлетворение насущных жизненных потребностей пролетариев — вот задача коммуниста в профсоюзном движении.

Безгранично смешной вещью называются в книге Ленина рассуждения «левых» о якобы недопустимости в борьбе за свержение международной буржуазии применять в политике военную тактику: лавирование, использование противоречий интересов (хотя бы временное) между врагами, тактику соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками.

Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения общего уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе, предупреждал Владимир Ильич. Надо применять такую тактику, соблюдая строжайшую преданность идеям коммунизма.

Вся книга о «детской болезни» пронизана поучительными данными опыта классовой борьбы рабочих России, российских большевиков, опыта подготовки, проведения, расширения победившей в России социалистической революции. На страницах книги Ленин особо подчеркивает самый главный вывод, урок, который история на основе этого опыта преподавала всему трудящемуся человечеству,— вывод о решающей роли революционной марксистской партии в переустройстве всей общественной жизни на новой основе:

«Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно».

Доказывая необходимость в ходе революционной борьбы, когда понадобится, применять тактику использования противоречий в стане врага, тактику обходных маневров, Владимир Ильич спрашивал:

«Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на не исследованную еще и неприступную донныне гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?»

Владимир Ильич неоднократно выступал на заседаниях II конгресса Коммунистического Интернационала. И всякий раз участники этого форума видели в Ленине олицетворение великой страны, о которой он в своей книге писал с такой гордостью: «Марксизм, как единственно

правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности искания, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Участники конгресса, слушая выступления Ленина, с новой силой ощущали значительность сказанного на каждой странице его книги о практической истории большевизма, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за минувшие годы не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического...

Всю работу Конгресса Коминтерна, документы, выработанные и принятые им, пронизал великий оптимизм ленинской книги:

«Жизнь возьмет свое. Пусть буржуазия мечется, злобствует до умопомрачения, пересаливает, делает глупости, заранее мстит большевикам и старается перебить (в Индии, в Венгрии, в Германии и т. д.) лишние сотни, тысячи, сотни тысяч завтрашних или вчерашних большевиков: поступая так, буржуазия поступает, как поступали все осужденные историей на гибель классы. Коммунисты должны знать, что будущее во всяком случае принадлежит им, и потому мы можем (и должны) соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии».

8

Не много времени прошло с тех пор, когда Уильям Галлахер, приехав в Советскую Россию, познакомился с книгой Ленина о «детской болезни» «левизны», слушал выступления Владимира Ильича с трибуны Конгресса Ком-

мунистического Интернационала. Однако многое передумал он за это время. О многом стал рассуждать совсем, совсем по-иному...

А однажды Ленин пригласил товарища Галлахера к себе на квартиру и долго беседовал с ним... Об этой встрече английский коммунист вспомнит несколько десятилетий спустя, посетив ставшую музеем квартиру Ленина в Московском Кремле. И скажет, размышляя вслух:

— Вот здесь и завершилось лечение моей «детской болезни»... Именно здесь...

В тот летний день 1920 года, беседуя в кремлевской квартире Владимира Ильича, они снова и снова возвращались к вопросам, которые составляют главное содержание книги о болезни «левизны». Ленин спрашивал своего собеседника, признает ли он, что до сих пор придерживался неправильных взглядов относительно участия коммунистов в работе буржуазного парламента и реакционных профсоюзов, необходимости сочетания легальных и нелегальных приемов борьбы...

Галлахер отвечает: да, да, да, признает...

— Вместе с «левыми» товарищами вы говорили, что всякий, кто попадет в британский парламент, неизбежно развратится под влиянием буржуазных лидеров, изменит рабочему делу... Товарищ Галлахер,— снова спросил Ленин,— а если рабочие пошлют вас в парламент, вы тоже развратитесь, да?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Галлахер задумался. На память вновь пришли идеи, пронизывающие ленинскую книгу о «детской болезни» «левизны», выступления Владимира Ильича с трибуны конгресса, все сказанное им в ходе сегодняшней беседы... Под воздействием ленинских мыслей, принятых умом и сердцем, Галлахер убедился, как неправ он был, отрицая возможность и необходимость использования коммунистами для пропаганды своих идей парламентской трибуны, как боялся «запачкаться», утратить пролетарское первородство, отстаивая свои взгляды с той же трибуны, где вчера высту-

пали продавшиеся буржуазии парламентские, профсоюзные и иные лидеры...

Галлахер поднял голову, посмотрел Владимиру Ильичу в глаза, сказал твердо:

— Нет, товарищ Ленин, я уверен, что ни при каких обстоятельствах буржуазии не удастся развратить меня!

Удовлетворенный этим ответом своего собеседника, Ленин улыбнулся ему:

— Ну что же, товарищ Галлахер, добейтесь того, чтобы рабочие послали вас в парламент, и покажите им, как может революционер использовать парламентскую трибуну...

Совсем иной стала теперь жизнь и работа Уильяма Галлахера, всех коммунистов Англии. Намного активнее, содержательнее, а главное — результативнее пошла их деятельность после Конгресса Коминтерна, после изучения новой книги Владимира Ильича.

Осенью 1920 года труд Ленина был впервые издан в Лондоне, о чем Центральный Комитет компартии Великобритании оповестил товарищей специальной листовкой:

«Коммунистическая партия только что опубликовала работу Ленина, которая является, быть может, самой важной и, несомненно, наиболее интересной из его работ.

«Детская болезнь «левизны» в коммунизме» является книгой, необходимой всем, активно участвующим в рабочем движении, она касается проблем, которые много обсуждаются и иногда вызывают сильнейшие разногласия.

Ленин исчерпывающе исследует вопросы революционной тактики и бесстрашно касается таких проблем, как парламентаризм, отношение Коммунистической партии к лейбористской партии, профсоюзы и т. д., а также общего положения в Англии. Значение книги не только в этом; критическое рассмотрение программ, политики и деятельности различных партий на континенте вооружит читателя умением понять международное положение, что так важно товарищам в настоящий момент.

Несомненно, книга внесет ясность в понимание многих вещей и поможет практически сориентироваться в направлении единства, которого все так сильно желают...»

9

Деятели международного революционного движения в то время не впервые познакомились с Лениным, с его литературными трудами. Самое пристальное внимание к публицистическим работам — книгам, брошюрам, газетным и журнальным статьям Владимира Ильича — пролетарская Европа впервые проявила еще в конце минувшего века, когда гениальный исследователь Маркса и Энгельса только начинал вооружать российский пролетариат оружием печатного слова.

В самом начале 1896 года, например, берлинская газета «Вперед» — центральный орган Германской социал-демократической партии, — сообщая о вышедшей недавно в России работе Владимира Ильича «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», писала: «Подобные брошюры... имеют огромное значение для укрепления социал-демократического сознания в широких кругах рабочих. Можно с полным основанием надеяться, что подобная рабочая литература разовьется в значительный фактор патриотического пробуждения русского пролетариата».

С тех пор пролетарские революционеры во всех частях света чутко внимали каждому ленинскому слову. Поэтому и теперь по всему миру шла молва о новом труде лидера российских большевиков «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». И сама книга все шире распространялась в странах Восточного и Западного полушарий.

В начале 1921 года текст книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» доставили из Европы в Соединенные Штаты, где лишь недавно была основана Коммунистическая партия Америки. Один из активистов партии тех времен, Билл Уайнстоун, много лет спустя рассказы-

вал читателям советской газеты «Правда», как он и его друзья собирались тогда группами, чтобы читать этот единственный имевшийся в Штатах экземпляр ленинского труда. Читали внимательно, вдумчиво, некоторые разделы перечитывали по несколько раз. И вскоре многие из участников чтений знали содержание книги Владимира Ильича чуть ли не наизусть.

— Поразительно, какой близкой она была нам, эта книга, как ясно ответила она на многие наши нерешенные вопросы!— вспоминал Билл. Он подтверждал, что и коммунисты далекой заокеанской страны считали для себя обязательным неуклонно следовать советам, рекомендациям, данным на страницах ленинского труда:

— Да, надо создавать легальные организации! Да, надо работать в реакционных профсоюзах, надо участвовать в буржуазном парламенте, надо работать там, где масса... Мы вдруг почувствовали себя так,— признавался Билл Уайнстоун,— будто в темной шахте взойшло солнце. Мы знали теперь путь, по которому надо идти...

А некто Робин Дэнбар в декабре 1921 года прислал Владимиру Ильичу письмо из Калифорнии:

«Дорогой товарищ,

Ваша брошюра «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» произвела на меня такое сильное впечатление, что я вновь вступил в здешнюю социалистическую партию, после того как много лет играл в прятки с левым коммунизмом. Книга ваша содержит ясный, четкий, спокойный анализ и убедила меня, что если я хочу помочь моим товарищам социалистам, то я должен впрячься в упряжку и помогать им тащить груз, а не стоять у обочины и критиковать. Я поздравил здешнего издателя с мужеством, которое он проявил, напечатав Вашу брошюру. Он поблагодарил меня за мой комплимент, а затем... был арестован за ее напечатание!»

«Наконец-то после долгих заблуждений мне удалось вновь обрести ясность, которой я не мог найти в проис-

ходивших внутрипартийных спорах...» Так писал в газете коммунистов Германии «Роте Фане» рабочий, в свое время отдавший дань увлечению «сверхреволюционной» фракцией «левых»...

«Как это хорошо! И как ясно и просто!» — говорили французские товарищи, которым ленинский труд читал Морис Торез, их вожак.

И сам Торез свидетельствовал:

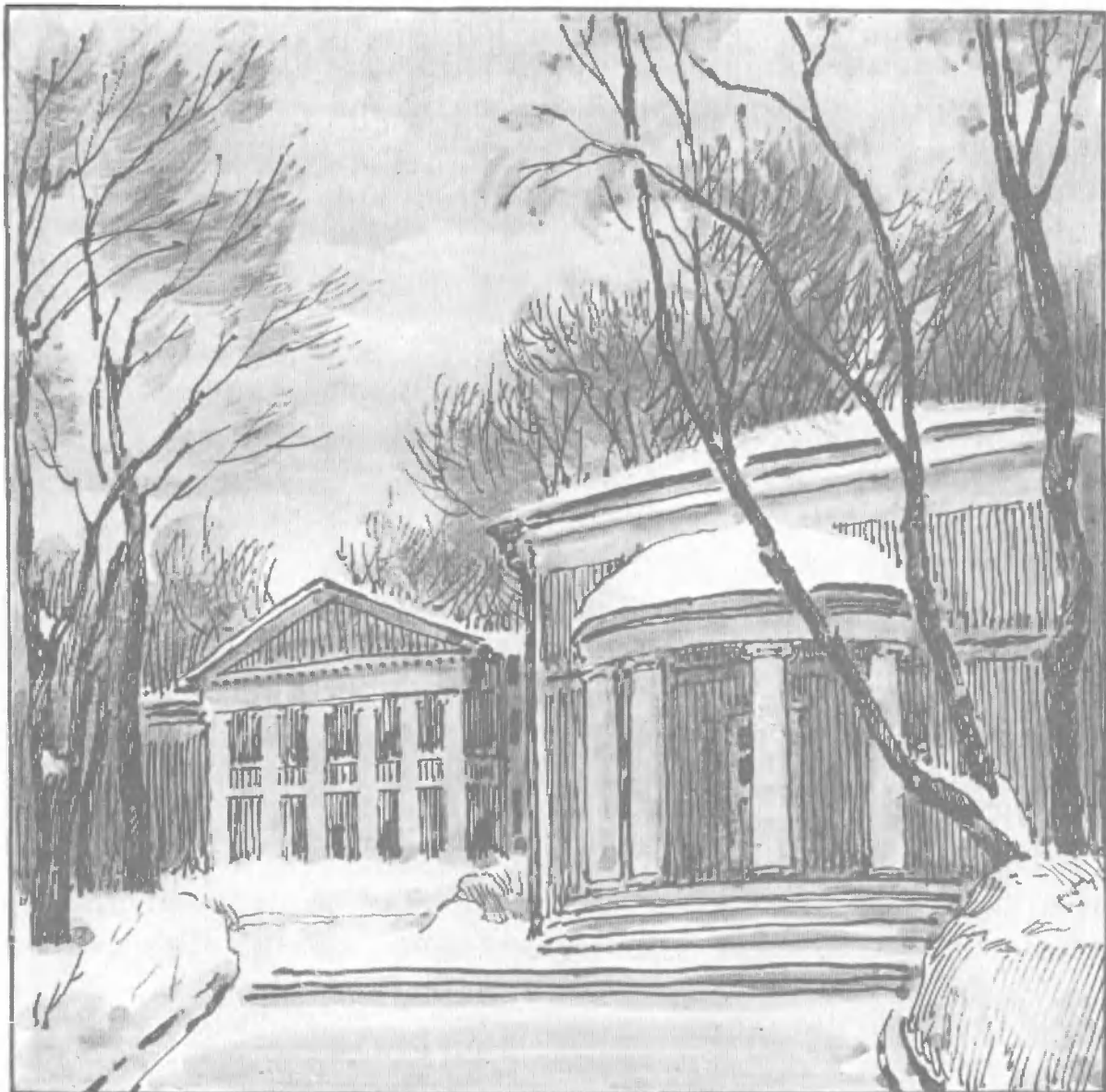
«Как и все бойцы моего поколения, я обязан Ленину бесконечно многим».

Ленин готовил коммунистов мира к грядущим битвам, к новым победам, к образованию мировой системы социализма.

Прочно только то в революции, говорит Владимир Ильич, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано.

«Завоеванное и записанное», — этими словами Владимир Ильич озаглавил свою статью, посвященную основанию Коммунистического Интернационала.

Время, минувшее с тех пор, хорошо (и не раз) подтвердило: записанное трудящимися нашей страны, пролетариями всего мира — действительно прочно завоевано.

ТАК ДЕРЖАТЬ

1

Наступил ноябрь 1922 года. Страна жила мыслями о Ленине. Из Кирсановского уезда на Тамбовщине крестьяне писали Владимиру Ильичу: «В далекой деревне на пашне мы постоянно чувствуем твою близость и чутко прислушиваемся к твоему слову... Мы сильнее налегаем

на соху и приближаем победу над хозяйственной разрухой».

Люди радовались, читая в те дни на страницах «Правды» слова Владимира Ильича:

«Советская власть в России празднует первое пятилетие. Она более прочна, чем когда бы то ни было. Гражданская война кончена. Первые хозяйственные успехи налицо...»

Именно об этом пятилетнем этапе исторического пути Ленин и собирается говорить в речи на предстоявшем в декабре X Всероссийском съезде Советов. Конспект именно этой речи Владимир Ильич готовит в Горках, где он находится в связи с предписанной врачами «неделей абсолютного отдыха».

Оглядываясь на путь, пройденный партией, страной, народом, Ленин в конспекте речи пишет:

«...Гражданская война спаяла рабочий класс и крестьянство, а в этом залог непобедимой силы... Гражданская война обучила и закалила (Деникин и прочие учителя хорошие; учили серьезно; все наши лучшие работники были в армии) ...Голод прошлого года тоже преодолели».

А впереди — новые дали. Новые большие задачи и дела — впереди.

Ленин пишет об этом:

«...Теперь *всецело за экономику*: как (NB) *подойти к социализму?*»

И отвечает на этот вопрос со всей решительностью:

«Не иначе как через *нэп*».

Вот — путь. Следуя этим путем, уже достигнуто кое-что в области тяжелой и легкой индустрии, финансов, торговли — и внутренней и внешней...

«Трудно, но не безнадежно, — записывает далее Владимир Ильич, — шагок есть вперед».

Шажок...

А впереди — Ленин пишет и подчеркивает это, — впереди «*работа многих лет...*»

Именно эти вопросы он имел в виду и тогда, выступая

20 ноября 1922 года на пленуме Московского Совета с речью, которая стала его последним выступлением перед страной.

Владимир Ильич в этой речи говорил:

— Нам надо взять правильное направление, нам надо, чтобы все было проверено, чтобы все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: «Да, это лучше, чем старый строй». Вот задача, которую мы себе поставили. Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи».

Никто не знал, никто не мог знать тогда, что этому конспекту (наряду с несколькими небольшими записками) суждено будет стать последним документом, написанным рукой Владимира Ильича...

2

Проходят дни. Врачи отмечают ухудшение состояния здоровья Ленина. Но Владимир Ильич не сдается. Требует, чтобы ему все же разрешили ежедневно, хотя бы в течение короткого времени работать: диктовать «Дневник» — как он назвал будущие записи своих мыслей по вопросам внутренней и международной политики, особенно волновавшим его в то время.

Разобраться в достигнутом, наметить пути к новым достижениям — этому и намеревался Ленин посвятить свой «Дневник».

Но врачи — ни в какую: отдых Ленину нужен полный, отказ от всякой работы во что бы то ни стало.

Однако Владимир Ильич заявил врачам в ответ категорически: если ему не разрешат хотя бы полчаса в день

Ленину предписан абсолютный отдых... А на столе кабинета в Горках — кипы книг, груды журналов, газет... Август 1922 года.

диктовать стенографистке, он вообще откажется от всякого лечения.

Или — или...

Тогда состоялось совещание членов Политбюро Центрального Комитета партии с врачами, лечащими Владимира Ильича: как быть?

24 декабря 1922 года, обсудив состояние здоровья Ленина, совещание вынесло решение:

«1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ожидать ответа. Свидания запрещаются. 2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Ленин вновь приступил к работе!

В декабре 1922 года Владимир Ильич продиктовал стенографистке текст «Письма к съезду» — предстоящему XII съезду РКП(б); письма «О придании законодательных функций Госплану» и «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Эти ленинские документы были опубликованы лишь в 1956 году, на страницах журнала «Коммунист».

Главные заботы Владимира Ильича, как всегда, — о Коммунистической партии, об укреплении единства ее рядов, повышении роли партии в деятельности всех звеньев Советского государства; о расширении связей партии с массами рабочих и трудящихся крестьян всех наций и народностей, населяющих страну; об усилении борьбы за построение социализма и коммунизма.

Как лучше выполнить эти задачи? Что нужно для этого сделать?

Владимир Ильич выдвинул предложение: расширить состав ЦК.

«В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни», — диктовал Владимир Ильич. И подчеркивал особо: речь идет не просто о расширении численного состава руководящего органа партии. «Я представляю себе дело таким образом, — продолжает Ленин, — что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата».

3

Единство умножает силы...

В те дни, завершавшие год 1922-й, народы молодых советских республик, благодаря победе Октября утвердившихся на огромных просторах бывшей Российской империи, не просто повторяли древнейший обряд челове-

чества — встречали Новый год. Народы советских республик в те дни открывали новую страницу летописи отечественной и мировой цивилизации.

Еще задолго до образования Союза Советских Республик, как только республики эти начали возникать в результате Октябрьской революции, слово Ленина, книги его и статьи являлись первыми помощниками народов бывших окраин Российской империи в борьбе за новую государственную власть, за новую, свободную жизнь. Так было, например, и весной 1921 года, когда Владимир Ильич обратился с письмом «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики».

30 декабря 1922 года в Москве, в помещении Большого театра, начал работу I Всесоюзный съезд Советов. Полномочные представители трудящихся городов и деревень России, Украины, Белоруссии и республик Закавказской Федерации — Азербайджана, Армении, Грузии, — выражая державную волю своих народов, приняли решение: национальные советские республики слить в единое монолитное целое, образовать многонациональное государство трудящихся — Союз Советских Социалистических Республик...

Владимир Ильич вдохновлял и направлял создание союзного Советского государства. Объединение советских республик Ленин рассматривает как одну из коренных задач, от правильного решения которой во многом зависят судьбы социализма в стране, где победила Октябрьская революция. Одновременно Владимир Ильич подчеркивает: это нужно и всемирному пролетариату для борьбы против мировой буржуазии и защиты от ее интриг.

Вот почему и теперь, в эти декабрьские дни 1922 года, диктуя знаменитые записки «К вопросу о национальностях или об «автономизации», Ленин категорически выступил против «автономизации», то есть против объединения советских республик путем их вступления в состав РСФСР на началах автономии. Владимир Ильич реши-

тельно высказался за создание Союза суверенных республик, Союза, в котором Советская Россия равноправна во всем с Украиной, как Закавказская Федерация — с Белоруссией, как равноправны будут все новые республики — государства рабочих и крестьян, которые будут еще возникать и пожелают вступить в единый Советский Союз.

Позиция Владимира Ильича встретила единодушную поддержку партии.

Указывая на необходимость составить «детальный кодекс», охраняющий суверенные права всех советских народов, вступающих в Союз, Ленин уже тогда фактически формулировал основополагающие принципы будущей Конституции СССР.

«Мы хотим добровольного Союза наций,— писал Владимир Ильич,— такого Союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, такого Союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии».

Владимир Ильич делал все для того, чтобы в процессе объединения советских республик последовательно осуществлялся принцип социалистического интернационализма, чтобы никоим образом, ни в чем не были обижены национальные чувства того или иного народа.

Завершая свои записки «К вопросу о национальностях...», Владимир Ильич предвидел завтрашний день всемирной истории: он будет именно таким, этот день, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный, долгий и тяжелый бой за их освобождение. И, освещая народам мира путь к победе в этой борьбе, все ярче будет сиять созвездие равных — Союз Советских Социалистических Республик, спаянных между собой нерасторжимыми узами искренней дружбы и братства.

День 30 декабря 1922 года стал днем рождения Союза Советских Социалистических Республик. Выполняя еди-

нодушную волю вошедших в Союз народов-братьев, их авангарда — коммунистов, Владимир Ильич занял пост главы союзного Советского правительства — стал Председателем Совета Народных Комиссаров Союза ССР.

4

Ленин не мыслит жизни без активной политической деятельности. И публицистику считает важнейшей частью ее.

Вот и теперь, после напряженной работы над письмами, адресованными съезду партии, Центральному Комитету РКП(б), Владимир Ильич, не откладывая дела в долгий ящик, начал диктовать материалы для публикации на страницах «Правды».

Наступивший новый, 1923 год Владимир Ильич встретил в работе над статьями, в которых подводил итоги завоеванному партией, рабочим классом на лесах стройки нового общества за пять первых советских лет. Анализируя эти итоги, Ленин продолжал разрабатывать дальше генеральную линию на построение социализма, программу социалистических преобразований в стране...

4 января 1923 года «Правда» опубликовала статью Владимира Ильича «Странички из дневника».

В конце статьи указана дата написания ее: 2 января 1923 года...

Радовались советские люди: значит, работает Ленин — вновь звучит над страной Ильичево слово!

И каждый, прочитав статью, думал: вот и я будто снова побеседовал с учителем и вождем, будто снова услышал слово его...

И каждый, читая в газете ленинскую статью, еще больше проникался непоколебимой верой вождя в грядущее торжество коммунистических идей в нашей стране, во всем мире.

В «Страничках из дневника» Ленин пишет о подъеме культуры широких народных масс как важнейшем звене в цепи работ по строительству здания социалистической жизни. Указывает: нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как в Советской стране; нигде вопросы культуры этой не ставятся так глубоко и так последовательно, как в государстве трудящихся.

Однако многое в этой области сделать еще предстоит. Очень многое и очень важное, подчеркивает Ленин.

Знаменательно, что первую по времени из этих статей Владимир Ильич посвятил народному образованию, школе, подготовке молодых советских людей к успешному решению больших задач государственного строительства. Речь идет в этой статье о воспитании молодого поколения советских людей для работы на лесах стройки нового общества, начатой героями Октября. Поэтому и работники советского просвещения, учителя школ с таким вниманием и волнением вчитывались в «Странички из дневника». С гордостью повторяли слова ленинской статьи:

«Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе. Это — истина, не требующая доказательств».

Статью Владимира Ильича обсуждали широко повсюду. Намечали, что нужно для того, чтобы как можно быстрее и лучше советы вождя претворить в жизнь.

Участники Петроградской губернской конференции по ликвидации неграмотности, которая была тогда еще очень велика, в обращении к Ленину писали по поводу «Страничек из дневника»:

«Воодушевленные могучим призывом Вашего письма, которое всколыхнуло еще раз рабочие и крестьянские массы и подняло их на борьбу с вековым злом — наследием проклятого прошлого, все работники по ликвидации негра-

мотности и малограмотности с новой энергией отдадут все свои силы делу просвещения масс.

Шлем горячий привет вождю мирового пролетариата»...

5

Опыт пяти советских лет, освещенный новыми теоретическими выводами и открытиями, сделанными в условиях победившей социалистической революции, позволил Владимиру Ильичу в статьях 1923 года с новой силой подчеркнуть: столбовая дорога к утверждению социалистической нови в городе и деревне — развитие крупной машинной индустрии на основе советского общественного и государственного строя; кооперирование крестьянства, утверждение в деревне общественного механизированного сельскохозяйственного производства.

Значение социалистической индустрии для судеб страны и народа подчеркивает Ленин особо в статье «Лучше меньше, да лучше». Он выражает уверенность, что завтрашний день Советского Союза будет светлым и радостным. И во имя этого призывает: дальнейшее развитие экономики вести на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Во имя этого — и строгий режим экономии во всем. Владимир Ильич требует: ценой величайшей и величайшей экономии в государстве добиться, чтобы всякое, даже малейшее сбережение сохранить для развития крупной машинной индустрии, для электрификации всех отраслей народного хозяйства.

— В этом и только в этом будет наша надежда, — утверждает Ленин. — Только тогда мы в состоянии будем пересечь, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, — на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации...

А следующее звено, ухватившись за которое нужно тянуть и вытянуть всю цепь работ по социалистическому строительству, указывает Ленин,— кооперирование сельского хозяйства. Этому вопросу Владимир Ильич посвящает статью «О кооперации».

Ленин определил значение кооперации как формы, обеспечивающей переход деревни, крестьянства от мелко-единоличного хозяйства к хозяйству крупному, коллективному. На основе кооперации может и должно быть успешно осуществлено вовлечение огромных масс крестьян в социалистическое переустройство сельского хозяйства, в строительство социализма в деревне.

Владимир Ильич в своей статье в то время сетовал: «У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию». Сурово критиковал работников, которые, не вникнув глубоко в существо дела, не представив ясно перспективы развития, не «дают себе отчет в том, какое теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России».

Текст статьи «О кооперации», продиктованный Владимиром Ильичем 4-го и 6 января 1923 года, некоторое время хранился у Надежды Константиновны. В мае она передала рукопись Ленина Центральному Комитету партии. Политбюро ЦК тогда же признало необходимым быстрее опубликовать работы Владимира Ильича в «Правде».

А 26 июня Политбюро ЦК РКП(б) на специальном заседании обсуждало вопросы кооперации сельского хозяйства в свете соображений, высказанных Лениным.

6

Последние письма, статьи Владимира Ильича — это подлинная энциклопедия знаний, необходимых строителям социалистической жизни: рабочим, крестьянам, трудовой интеллигенции. Это — ленинский наказ грядущим поколениям творцов коммунизма.

Органически связанные между собой, эти работы представляют по сути дела единый труд, в котором Ленин, развивая выводы и положения, содержащиеся в его предшествовавших произведениях, изложил в обобщенном виде программу социалистического преобразования родной страны в свете общих перспектив мирового освободительного движения. Они проникнуты отеческой заботой об интересах и нуждах советских народов, всего трудящегося человечества.

В этих литературных трудах — письмах и статьях — зодчий нового мира, зодчий коммунизма вновь предстает перед нами поднявшимся на леса стройки, воздвигнутой по его планам, под его руководством. Он продолжает намечать пути дальнейшего расширения фронта строительных работ. Он думает о том, что сделать нужно, чтобы здание новой жизни росло быстрее, чтобы отвечало оно требованиям грядущей эпохи коммунизма, расцвета личности творца истории.

Наряду с разработкой широкого круга важнейших вопросов социалистической экономики и культуры в этих статьях дана широкая программа осуществления руководящей роли партии в борьбе за социализм, указан путь дальнейшего укрепления многонационального Советского социалистического государства, всестороннего совершенствования всех звеньев партийного и государственного аппарата.

Большое внимание Владимир Ильич уделяет и такой важной стороне советской жизни, во многом определяющей настоящее и будущее страны, какой является деятельность внешнеполитическая. В статье «Лучше меньше, да лучше» он отметил, что в этой деятельности, как и в области внутренней политики, основой является направляющая работа Коммунистической партии.

В Политбюро обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы политики партии во внутренних делах Советской страны и ее отношений с зарубежными странами. Именно партийное руководство является источником чрезвычайной силы советской внешней

политики. Оно, партийное руководство, должно и впредь составлять сердцевину этой политики.

Вместе с народом, во имя народа — этот принцип пронизывает все содержание статей Владимира Ильича, каждое положение воплощенного в них плана строительства первой фазы коммунизма в нашей стране. И — глубочайшая уверенность в том, что партии, народу задача эта посылна, что они задачу эту во что бы то ни стало осуществят: построят добротный фундамент, на котором возвысится здание социалистического общества.

«Республика Советов,— заявляет Владимир Ильич уверенно,— двигаясь по пути индустриализации промышленности в городах, коллективного хозяйствования в деревнях, имеет все необходимое и достаточное для построения социализма».

Заканчивая статью «Лучше меньше, да лучше» — последнюю свою литературную работу,— Ленин утверждал:

«Не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы... Окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

Статьи Владимира Ильича получили широкое одобрение масс, идеи, обоснованные в этих статьях, были приняты массами как руководство к действию.

7

Но чем лучше шли дела у большевиков, у всех трудящихся Страны Советов, тем заметнее портилось настроение у бежавших за границу господ меньшевиков, у всех других беглых недругов Советского Союза. Мысли этих господ довольно точно и полно выражали страницы книг, подобных «трудам» меньшевика Суханова...

Суханов со своей сколь толстой, столь и малосодержательной книгой «Записки о революции» наверняка уто-

нул бы в Лете, реке забвения, если бы Владимир Ильич не упомянул его в своей статье «О нашей революции».

Суханов пытался поучать российских большевиков, трудовой народ России поучать пытался: когда, дескать, им нужно было бы начинать социалистическую революцию, когда и как социалистические преобразования начинать и как их осуществлять. И выходило, по мнению меньшевистского автора: не следовало российским большевикам и трудовому народу социалистическую революцию совершать 7 ноября (25 октября) 1917 года. И вообще, по его мнению, не следовало эту революцию совершать.

И революционные преобразования в стране, по мнению меньшевика, проводить не следовало.

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», — с ученым видом вещал автор «Записок».

В ответ на подобные заявления Ленин в своей статье спрашивал самоуверенного меньшевика — автора книги:

«Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»

Работая над статьей «О нашей революции», Владимир Ильич вспомнил слова Наполеона, слова, которые в вольном русском переводе звучат примерно так: «Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет...»

Владимир Ильич привел эти слова в своей статье в поучение Суханову.

И заявил:

— Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой... И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу.

Слово Ленина сыграло огромную роль в достижении этой победы. Слово Ленина теперь способствовало достижению новых побед.

Вскоре после публикации последних работ Владимира Ильича «Правда» в одной из передовых статей писала о них:

«Повторяя слова тов. Ленина, мы должны подчеркнуть, что социализм в нашей стране — это объединение трех могучих китов: Советской власти, электрификации и кооперации».

8

Как ни тяжелы были проявления болезни Владимира Ильича, он, работая в то время над статьями для «Правды», как всегда, предельно требовательно относился к себе. Старался отточить в рукописи каждую фразу, каждый абзац. Добивался максимальной ясности каждой мысли. Дневник, который в те месяцы 1923 года — день за днем — вели дежурные секретари Ленина и который опубликован теперь в приложении к сорок пятому тому Полного собрания сочинений Владимира Ильича, показывает это со всей наглядностью.

Вот некоторые записи из Дневника...

20 января. Владимир Ильич вызывал стенографистку между 12-ю и часом дня. Читал свою статью «Как нам реорганизовать Рабкрин?». Вносил в нее добавления и поправки.

Владимир Ильич сказал, что Надежда Константиновна даст ему одну справку, касающуюся части его статьи, и поручил секретарю узнать точно о том же: какие и сколько у нас существует учреждений по научной организации труда, сколько было съездов специалистов по этому вопросу. Нет ли каких материалов в Питере?

22 января. Вызвал стенографистку на 25 минут. Вносил поправки во второй вариант статьи о Рабкрине; окончательно остановился на этом варианте. Просил перепеча-

тать статью и дать ему к вечеру. Надежда Константиновна, впуская стенографистку в комнату Владимира Ильича, сказала, что он незаконно взял себе еще несколько минут для просмотра статьи...

23 января. Стенографистка была по вызову Владимира Ильича между 12-ю и часом дня. Ленин бегло прочел еще раз текст статьи о Рабкрине, вносил небольшие изменения. Просил эти же поправки внести в другие экземпляры статьи и один из них передать Марии Ильиничне — для «Правды».

4 февраля. Стенографистку вызвал около 6 часов вечера. Владимир Ильич спросил, не имеет ли она возражений против того, что он вызывает ее и по праздникам. («Ведь захотите же и вы, наконец, когда-нибудь отдохнуть?») Диктовал продолжение статьи «Лучше меньше, да лучше» больше получаса. Просил стенографистку расшифровать и позвонить ему по телефону, так как, вероятно, он еще продолжит диктовать статью сегодня. Сказал, что у него старая привычка писать, имея перед собой рукопись, без чего ему трудно обходиться.

В тот же день, в 8 часов вечера, Владимир Ильич снова вызывал стенографистку, но не диктовал, а только просматривал записанное ранее и вносил дополнения. Кончив читать, сказал, что он намерен, прежде чем дать статью в печать, показать ее товарищам. Думает еще кое-что добавить к продиктованным ранее мыслям.

5 февраля. Владимир Ильич перечитывал запись статьи о реорганизации Рабкрина.

6 февраля. Настроение у Ленина было веселое. Прочитал текст статьи «Лучше меньше, да лучше». В тот же день Владимир Ильич 15—20 минут продолжал диктовать эту статью.

Вечером 7 февраля Ленин вновь диктовал в течение полутора часов. Продиктовал общую часть статьи «Лучше меньше, да лучше». Диктовал быстро и свободно, не затрудняясь, жестикулируя.

Владимир Ильич бывал доволен, радовался, когда диктовка статей проходила удачно. Так было и 9 февраля.

Прочитав записанную накануне часть статьи «Лучше меньше, да лучше», не внес в нее почти никаких поправок. А кончив читать, сказал:

— Это у меня вышло, кажется, довольно толково...

9

В сознании Ленина Страна Советов все более рельефно представала в образе гигантской стройки новой действительности. «Начало стройки», — записал он в одном из подготовительных материалов к XI съезду РКП(б) (март 1922 года). И тогда же, в том же документе, как «итог предыдущих рассуждений и типичных примеров», сформулировал уверенный вывод: «Вполне достаточно экономических и политических средств для постройки фундамента социалистического общества».

В это время одна мысль у всех, одно желание — у партии, у народа: чтобы всегда звучало слово зодчего новой жизни!

Партия, народ не мыслят, как можно жить, как можно работать на лесах стройки, не руководствуясь во всем тысячестраничной книгой ленинских идей, наставлениями Владимира Ильича. Они, всё выше поднимающиеся на леса стройки, партия и советский народ, хотят снова и снова — всегда! — слышать мудрое слово своего зодчего, действовать по его указаниям.

Настал апрель 1923 года. В Москве открылся XII съезд РКП(б). Это был первый партийный съезд, на заседаниях которого Владимир Ильич из-за болезни не присутствовал. Однако работа съезда фактически проходила под руководством Ленина.

Как политическое завещание своего основателя и бессмертного вождя Коммунистическая партия приняла из рук Ленина последние его письма и статьи.

В этих ленинских трудах с огромной силой проявилось

однажды отмеченное Максимом Горьким непревзойденное умение Владимира Ильича своим прозорливым взглядом настоящее видеть из будущего.

В розданном делегатам Отчете ЦК РКП(б) о работе между XI и XII съездами говорилось: указания вождя партии, сформулированные им в статьях, помещенных недавно в «Правде», поставили новые грандиозные задачи не на один год. Съезд обсудит эти задачи, в своих решениях укажет пути претворения их в жизнь.

Разработанный Лениным на основе осмысления опыта первого советского пятилетия план дальнейших работ на лесах стройки социализма нашел свое отражение в подготовленных Центральным Комитетом и принятых съездом документах по важнейшим вопросам партийного и государственного строительства. Ленинские идеи и наставления руководили съездом, когда он вновь подчеркивал особую важность дальнейшего укрепления союза рабочего класса с крестьянством, сохранения руководящей роли рабочего класса по отношению к крестьянству, доверия крестьян к рабочим, подготовки страны к проведению социалистической индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства.

Статьи, написанные Владимиром Ильичем и опубликованные в начале 1923 года в «Правде», делегаты съезда справедливо рассматривали как политический Отчет Центрального Комитета РКП(б) съезду. Видели в ленинских статьях исчерпывающую характеристику важнейших задач, стоящих перед большевистской организацией страны.

Делегаты съезда предлагали: прения по Отчету Центрального Комитета начинать с обсуждения недавно опубликованных статей Владимира Ильича. Ленин, говорили товарищи, несмотря на болезнь, и для XII съезда сделал столько же, сколько и для предыдущих съездов в смысле подготовки его, предопределения его решений. Опубликованные недавно в «Правде» ленинские статьи, заявляли делегаты съезда, являются действительно политическим Отчетом ЦК, они намечают очередные задачи, стоящие

перед партией, перед Советской властью, перед Коммунистическим Интернационалом.

Ленин в своих работах решительно выступал против меньшевистско-троцкистских уверений, что якобы успешное строительство социализма в России невозможно, якобы нужно свернуть все работы на стройке социалистического общества. Нет, утверждал Владимир Ильич, у нас «вполне достаточно экономических и политических средств для постройки фундамента социалистического общества»; мы не должны отступать от задачи подведения экономического фундамента для нового, социалистического здания.

Товарища Ленина не было с нами на съезде, но дух его, как неоднократно говорили выступавшие ораторы, постоянно был среди нас, и, руководимые им, мы шли тем путем, который был нам указан: к победе рабочего класса у нас и во всем мире.

Аплодисментами встретил съезд эти слова делегата съезда Михаила Васильевича Фрунзе.

10

Лето 1923 года, к счастью, принесло значительное улучшение здоровья Владимира Ильича. И он, конечно, не преминул добиться, чтобы ему снова стали давать газеты — сначала «Правду», затем «Известия». Тогда-то и установился такой порядок: Владимир Ильич просматривал свежий номер газеты, а потом Надежда Константиновна читала ему передовую статью, официальные телеграммы и другие материалы по его выбору.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна каждый день беседовали о прочитанном. Порой беседовали довольно оживленно...

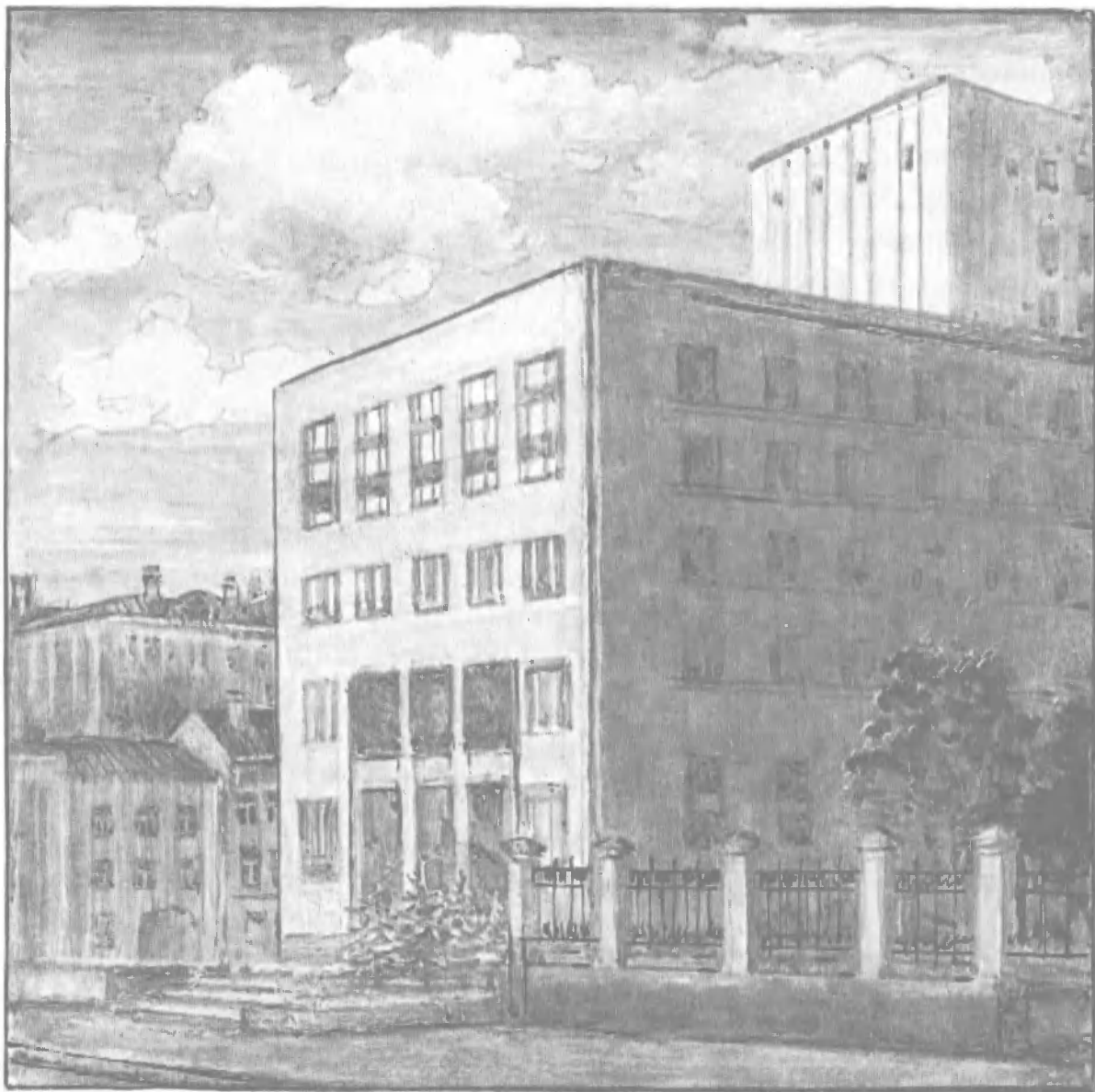
— Поправка идет здоровая, — радовалась Крупская, — настроение у Ильича хорошее очень. Теперь и он видит уж, что поправляется, — я в личные секретари к нему

прошусь и собираюсь стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку...

9 октября в «Правде» появилась заметка: «Здоровье товарища Ленина».

Владимир Ильич, сообщала газета, интересуется вопросами политической жизни, уже раньше, с разрешения врачей, он начал читать газеты. Самостоятельность и самостоятельность товарища Ленина идут вперед, и мы надеемся, что они скоро приведут к полному его выздоровлению.

18 октября, под вечер, Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной приехал из Горок в Москву. Обошел все комнаты своей квартиры в Кремле. Побывал в помещении Совнаркома. Разобрал хранившиеся в квартире свои тетради с различными записями. В домашней библиотеке отобрал несколько книг и на следующий день увез их с собой в Горки...

БЕССМЕРТИЕ ЗОДЧЕГО

1

Любую возможность Владимир Ильич использует для того, чтобы быть в курсе дел, которые происходят на огромной строительной площадке — повсюду в Советской стране. А лучшая из этих возможностей, конечно, — регулярное знакомство с периодической прессой, с газетами в первую очередь.

Но не все материалы, публикуемые на газетных страницах, врачи разрешают читать Ильичу: опасаются, как бы некоторые сообщения о событиях международной и внутренней жизни не разволновали его, не заставили тревожиться...

Поэтому Надежда Константиновна и Мария Ильинична, памятуя советы врачей, читая Ильичу газеты, стараются подобные сообщения опускать совершенно или читать их не полностью, в извлечениях.

Не тут-то было! Такого читателя, как Ленин, нелегко ввести в заблуждение, нельзя заставить довольствоваться полуправдой. Об этом именно сообщала Надежда Константиновна в одном из писем, написанных в те дни: «...Читаем с Володией ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали...»

Что и говорить, Владимир Ильич всегда был дотошным читателем.

Даже в период жестокой болезни.

Наступил январь 1924 года...

В субботу, 19-го, и в воскресенье, 20 января, Надежда Константиновна читает Ленину свежие номера «Правды», опубликованные на страницах газеты отчеты о проходящей в Москве XIII конференции РКП(б), документы, принятые конференцией.

Партия подтверждает: все работы на стройке нового общества и впредь вести энергично, неуклонно выполняя ранее намеченные планы...

Ленин внимательно слушает чтение газеты. И глаза Ильича, как всегда сосредоточенные, мудрые, будто говорят:

«Так держать... Так держать!»

Но неотвратимое свершилось.

Настал день, горше которого трудящиеся люди не переживали никогда.

На первой странице совместного выпуска газет «Правда» и «Известия» — обращение, принятое экстренным Пленумом Центрального Комитета РКП(б):

К ПАРТИИ. КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ

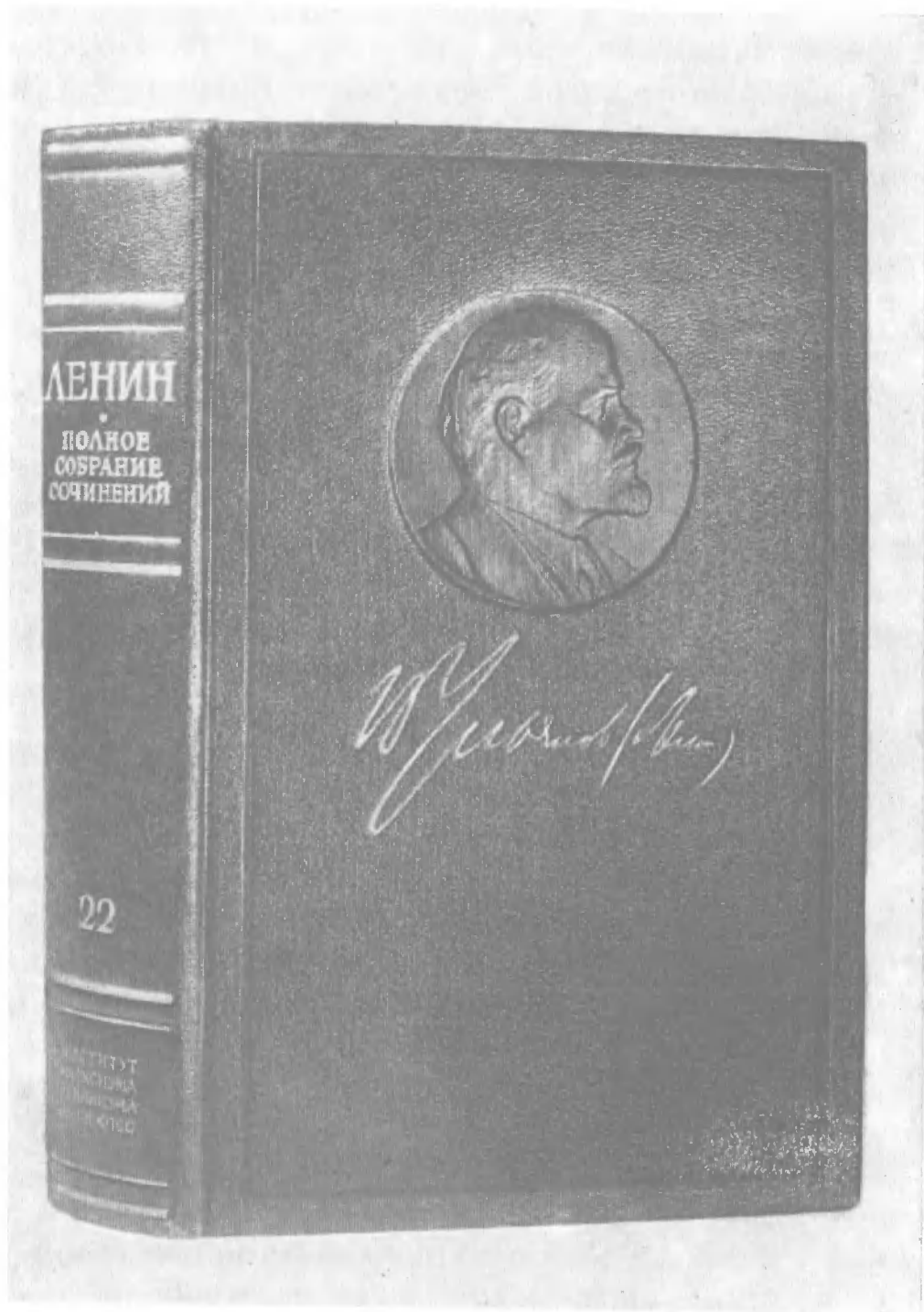
21 января окончил свой жизненный путь товарищ Ленин...

Он ушел от нас навеки, наш несравненный боевой товарищ.

А мы пойдем бесстрашно дальше. Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия! Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед. Потому, что она — Ленинская партия. Потому, что она воспитана, закалена в боях. Потому, что у нее есть в руках то завещание, которое оставил ей товарищ Ленин...

Это завещание — идеи Владимира Ильича, заключенные в его трудах: книгах и брошюрах, газетных и журнальных статьях. В каждой строке, что написана Лениным. Во всем, что он сделал на протяжении более трех десятилетий своей подвижнической революционной деятельности.

Этим завещанием будут руководствоваться во всем партия большевиков, трудящиеся Страны Советов, коммунисты всего мира, международный рабочий класс, все трудящиеся люди на всем земном шаре.

Один из томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

23 мая 1924 года в Москве начал работу XIII съезд Российской Коммунистической партии (большевиков). Это — первый партийный съезд после смерти Владимира Ильича.

Этому съезду суждено сыграть особенно важную роль в направлении всей деятельности партии, народа без Ленина по ленинскому пути.

Между XII и XIII съездами партии Владимир Ильич непосредственно не участвовал в работе Центрального Комитета, говорится в Отчете ЦК РКП(б), розданном делегатам. Однако статьи Ленина, опубликованные в печати еще перед прошлым съездом и в которых даны указания по важнейшим вопросам работы партии, во весь рост поставили перед партией и страной основные политические вопросы. От правильного решения этих вопросов зависит будущее Советского Союза, перспективы мирового развития.

Со знаменем Ленина, говорилось далее в этом документе, партия шла до сих пор и пойдет дальше.

Духом верности Ленину и ленинизму проникнута была вся работа съезда, документы, принятые им. Буквально в первых строках резолюции по Отчету Центрального Комитета РКП(б) съезд высказал полное одобрение ЦК партии за твердость и большевистскую непримиримость, проявленные им в защите основ ленинизма против мелкобуржуазных уклонов, против попыток троцкистов и прочих врагов нарушить ленинскую сплоченность рядов партии.

Съезд констатировал: на почве осуществления предложенной Лениным новой экономической политики явно наметился общий подъем хозяйства в стране; несомненно поднимается сельское хозяйство, растет государственная промышленность; постепенно поднимается заработная плата трудящихся и достигаются известные успехи в повышении производительности труда.

Партия теперь сплачивается под знаменем Ленина, сплачивается вокруг ленинизма, говорилось в заключительной части Отчета ЦК РКП(б). Широкие массы трудящихся также наглядно и необыкновенно широко свидетельствуют о том, что они смотрят на нашу партию, прежде всего как на ленинскую партию, как на партию Ильича... С этим знаменем ленинизма партия шла до сих пор и пойдет дальше...

Обращаясь ко всем коммунистам, ко всем советским людям, Центральный Комитет РКП(б) указывал, сколь необходима и сколь важна деятельность в области собирания и публикации ленинских трудов. ЦК РКП(б) указывал, что всякий, даже маленький обрывок бумаги, где имеется надпись или помета В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем, руководимые Владимиром Ильичем Лениным...

Еще в марте 1923 года Пленум Московского Комитета партии принял решение: создать Институт В. И. Ленина. В сентябре Институт перешел в ЦК РКП(б) на правах отдела.

XIII съезд партии постановил: считать Институт В. И. Ленина при ЦК РКП(б) открытым.

Съезд возложил на Институт Ленина (ныне Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) собирание материалов о жизни и деятельности В. И. Ленина, хранение, научную обработку рукописей и публикацию ленинских трудов. Издание Сочинений и отдельных работ Владимира Ильича на русском, на всех языках народов СССР съезд признал важнейшей задачей Института...

После первого издания Сочинений Ленина в двадцати томах (26 книг), начавшего выходить, как мы знаем, еще при жизни Владимира Ильича, в последующие годы были

осуществлены второе и третье издания в тридцати томах каждое.

В 1940 году Центральный Комитет Коммунистической партии принял постановление о подготовке и выпуске нового, четвертого издания ленинских сочинений. Первые два тома этого издания вышли уже в следующем году и отпечатаны были листы очередного, третьего тома. Они целиком погибли в результате варварских налетов авиации фашистской Германии на Ленинград, где печаталась книга. Четвертое, тридцатипяти томное издание Сочинений В. И. Ленина удалось завершить лишь в 1950 году.

На страницах четвертого издания Сочинений было напечатано 2927 произведений Владимира Ильича, из них 81 работа вообще не публиковалась до сих пор.

На страницах пятидесяти пяти томов пятого Полного собрания сочинений Ленина, подготовленного и осуществленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1958—1965 годах, сосредоточено около девяти тысяч ленинских произведений, писем, документов. Более половины из них не входили в предыдущие четыре издания Сочинений Ленина. А тысяча с лишним работ увидела свет впервые только на страницах этого издания.

Отныне правофланговые строители новой жизни — коммунисты Страны Советов на своих партийных форумах рапортуют бессмертному учителю и вождю, зодчему коммунизма о выполнении его заветов, о том, как идут дела на лесах стройки, к которой прикованы взоры всех народов мира, всего человечества.

Для правофланговых, как это вновь отмечалось уже в наши дни, ленинизм был, есть и будет всегда в центре идейной жизни партии, основой всей ее преобразующей деятельности.

Обращаясь к идейному наследию Владимира Ильича Ленина, Коммунистическая партия Советского Союза видит свою важнейшую задачу в том, чтобы на основе ленинских мыслей находить решение актуальных проблем коммунистического строительства.

Опубликование любой, дотоле неизвестной ленинской рукописи, статьи или письма — всегда событие огромной важности. Однако публикация, осуществленная по решению ЦК партии на страницах «Правды» 20 января 1929 года, сразу приобрела значение совершенно особое.

В самом начале книги «Слово — строитель», в первой ее главе «Ветхий Адам» обречен», как вы помните, рассказывалось о коротком отпуске, проведенном Владимиром Ильичем в санатории «Халила», под Петроградом, вскоре после победы Октябрьской революции.

Тогда, кроме статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», Ленин написал и другую работу — «Как организовать соревнование?» — также не публиковавшуюся при жизни Владимира Ильича...

Но вот наступил 1929 год. XVI партийная конференция одобрила, а V Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Перед советским народом встала задача: сделать повседневными такие высокие темпы подъема промышленности и всей экономики страны в целом, каких до сих пор не знала история мирового хозяйства.

Но как достичь таких темпов? Как сделать их повседневными?

Осуществима ли вообще подобная задача?

Тогда-то, как это бывало уже не раз на других ответственных и трудных рубежах, встававших перед страной после января 1924 года, вновь проявили себя бессмертные великого зодчего, вечно живая сила его идей, способность их поднимать и вести массы.

«Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размахе, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мямлил, давил,

душил тысячами и миллионами», — говорилось в статье «Как организовать соревнование?», написанной Владимиром Ильичем в декабре 1917 года.

Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров у человека-труженика теперь является возможность *работы на себя*, и притом работы, опирающейся на все завоевания современной техники и культуры, продолжал Ленин.

Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом рабочего на самого себя не может произойти без трения, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням. И на сей счет, указывает Ленин в своей статье, не может быть никаких сентиментальных иллюзий — здесь необходимо применение громадных организационных, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства, чтобы сопротивление эксплуататоров и их прихлебателей и приживальщиков было сломлено раз и навсегда.

Ленин верит, ни на секунду не сомневается: рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что они — теперь *господствующий* класс, они еще недостаточно решительны. Чувство хозяина страны в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынужденных голодом и нуждой работать из-под палки, Октябрьский переворот не мог воспитать *сразу*. Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость социалистической революции, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие пути, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни.

Статья «Как организовать соревнование?» указала советскому рабочему классу, завоевавшему всю полноту политической власти в стране, наилучшие формы самостоятельного государственного творчества, решительной ломки старого и энергичного строительства нового жизненного уклада. Это — прежде всего задача: организовать соревнование масс. Это — проводимый под руководством проле-

тарского государства систематический учет и контроль за количеством труда и правильным распределением добытых этим трудом продуктов. Это— решительная, беспощадная борьба общества против разгильдяйства, небрежности, неряшливости, против склонности некоторых членов общества дело заменять дискуссией, работу — разговорами, склонности за все на свете братья и ничего не доводить до конца...

В этой своей статье Ленин сформулировал основные положения о социалистическом соревновании и развитии творческой инициативы рабочих и всех трудящихся, об их организаторской деятельности, активном участии их в государственном и хозяйственном строительстве.

Принципы социалистического соревнования, о которых говорится в статье, предусматривают полную гласность и сравнимость результатов работы соревнующихся трудовых коллективов, возможность распространения лучшего опыта, положительного примера. Ленин вдохновляет людей труда.

Рабочие и крестьяне должны понять, что сейчас все дело *в практике*, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой.

Опубликование статьи Ленина «Как организовать соревнование?» трудящиеся повсюду в стране восприняли как новый призыв бессмертного зодчего великой стройки: еще энергичнее поднимать стены здания нового общества — за этажом этаж, за этажом этаж...

В Ленинграде рабочие завода «Красный выборжец», коммунисты и комсомольцы, первыми откликнулись на опубликование ленинской статьи «Как организовать соревнование?». Был среди них и Михаил Путин, бригадир обрубщиков, передовик труда, коммунист ленинского призыва. Вспоминая дни, когда в «Правде» впервые появилась статья Владимира Ильича, Михаил Елисеевич рассказывал потом: он и его товарищи по бригаде решили

другую бригаду вызвать на социалистическое соревнование.

— Мне казалось, — рассказывал Михаил Елисеевич, — наше решение непременно надо закрепить каким-то документом. И я предложил товарищам написать и подписать договор. Вначале ребята, рабочие — члены бригады, не понимали, что это за договор будет, зачем он нужен. Но потом, подумав, посоветовавшись, согласились и решили такие свои обязательства в договор внести: добровольно снизить расценки на десять процентов, а производительность труда на десять процентов поднять; не допускать в работе брака, быть одной из самых дисциплинированных бригад в цехе...

Вслед за красновыборжцами рабочие других промышленных предприятий города Ленина стали заключать договоры на социалистическое соревнование.

Потом появились договоры между заводами и фабриками. Между городами и районами Советского Союза...

Бессмертный зодчий нового мира активно участвовал в борьбе за выполнение и перевыполнение заданий пятилетки.

XVI съезд Коммунистической партии, собравшийся вскоре после опубликования статьи Владимира Ильича, констатировал: мощное развитие соревнования уже охватило миллионы советских рабочих, стало важнейшим рычагом строительства социалистического общества в СССР.

Отныне законом для всей партии стали приведенные в решениях съезда слова ленинской статьи:

«Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование».

Родился и был успешно воплощен в жизнь лозунг миллионов: «Пятилетку — в четыре года!» Развитие социалистической индустрии в СССР шло такими высокими темпами, каких не знало ни одно капиталистическое государство даже в лучшие периоды расцвета капитализма. Быстрый темп социалистической индустриализации в

кратчайший срок создал базу для социалистической реконструкции сельского хозяйства.

«Четыре года пятилетнего плана принесли с собой поистине замечательные достижения... Лицо страны меняется буквально до неузнаваемости... Сотни новых районных электростанций и целый ряд гигантов, подобно Днепрострою, постепенно воплощают в жизнь формулу Ленина: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация»,— вынужден был в 1932 году признать американский буржуазный журнал «Нейшен»...

Бессмертие зодчего коммунизма проявляло и проявляет себя в делах всех советских народов, трудом своим творящих новую жизнь.

Бессмертие зодчего коммунизма проявляло и проявляет себя в революционном преобразовании жизни человечества, всей мировой деятельности.

Советские люди гордятся тем, что прогрессивное человечество видит в ленинизме самую передовую и влиятельную идеологию современности, непобедимую идеологию тех, кому принадлежит будущее.

На свете не было и нет человека, труды которого имели бы такое распространение, какое имеют произведения Владимира Ильича Ленина.

По данным, которыми располагает Организация Объединенных Наций, Владимир Ильич Ленин—самый читаемый автор в мире. Его труды изданы более чем на ста двадцати языках в странах обоих полушарий.

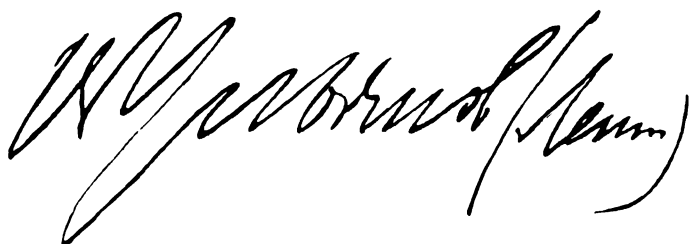
В странах мирового социалистического содружества произведения В. И. Ленина выходили в свет более трех тысяч раз. Более чем тысячу сто раз издавались они в развивающихся странах.

Никакие препятствия не могут преградить ленинским трудам путь во владения капитала: они публиковались здесь около трех с половиной тысяч раз.

Говорят: книги имеют судьбу...
Это бесспорно.

И столь же бесспорно, что есть книги — гениальные творения революционной мысли, способные влиять на судьбы людей, народов, стран, на судьбы всего человечества.

Труды Ленина — убедительный тому пример. И в непревзойденной способности ленинского слова, не зная преград времени, не ведая преград расстояний, оказывать воздействие на развитие и совершенствование общественной жизни людей, живущих во всех частях света, — в этом бессмертие зодчего счастья человеческого, великого зодчего, имя которому

A handwritten signature in black ink, reading "В.И. Ленин" (V.I. Lenin). The signature is written in a cursive, flowing style, with the first letters of the first and last names being capitalized and prominent. The signature is enclosed in a large, sweeping, handwritten parentheses on the right side.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Баруздин. <i>Вечная глубина и современность</i>	5
С. Сартаков. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	9
Р. Савицкая. <i>Вдохновенное исследование</i>	157
С.Сутоцкий. СЛОВО — СТРОИТЕЛЬ	163

Библиотека школьника

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Том 10

ИБ № 9237

Ответственный редактор

Э. П. МИКОЯН

Художественный редактор

М. Д. СУХОВЦЕВА

Технический редактор

В. К. ЕГОРОВА

Корректоры

Л. И. ДМИТРИУК, Е. В. КУЛИКОВА

Сдано в набор 06.04.86. Подписано к печати 16.10.86. А10259. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офсетная. № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 29,25. Усл. кр.-отт. 31,01. Уч.-изд. л. 19,04. Тираж 250 000 экз. Заказ № 900. Цена 1 р. 20 к.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ж71 Жизнь Ленина: Избранные страницы прозы и поэзии в 10-ти томах/Ред. совет: С. В. Михалков (председатель), Б. А. Дехтерев, Н. В. Свиридов; Оформл. Б. А. Дехтерева.— М.: Дет. лит., 1980.— (Библиотека школьника). Т. 10. Вступ. статьи С. Баруздина и Р. Савицкой/Рис. Н. П. Незнайкина.— 1986.— 399 с., фотоил.

В пер.: 1 р. 20 к.

В этот том входят документальные рассказы С. Сартакова «Первая встреча» и публицистические очерки С. Сутоцкого «Слово — строитель» о работах В. И. Ленина после 1917 года и о той исторической обстановке, в которой эти работы были написаны.

Ж 4803010102—544 Подп. изд.
М101(03)86

ББК.13.5.
ЗК26